

"Незабываемые ночи"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Дженнифер Эшли

Незабываемые ночи

Глава 1

Вчера вечером весь Лондон с изумлением узнал о поспешном браке леди И.С. и лорда М.М., брата герцога К. У леди, о которой идет речь, в один вечер случился и первый бал, и свадьба, что заставило дебютанток умолять отцов сделать их первые балы такими же богатыми на события.

Из лондонской светской газеты, февраль 1875 года

Сентябрь 1881 года

Лакей Изабеллы позвонил в колокольчик у дома лорда Мака Маккензи на Маунт-стрит. Изабелла ждала в ландо, в сотый раз задаваясь одним и тем же вопросом: разумно ли она поступает, приехав сюда.

Может быть, Мака не окажется дома. Возможно, этот непредсказуемый человек уехал в Париж или в Италию, где еще на некоторое время продлится лето. Она и сама в состоянии прояснить то, что обнаружила. Да, так будет лучше всего.

Но едва она открыла рот, чтобы позвать лакея, как огромная дверь открылась и из нее выглянул слуга Мака, бывший боксер. У Изабеллы упало сердце. Если Беллами здесь, значит, Мак дома, потому что слуга никогда далеко от него не отходит.

Беллами бросил взгляд на ландо, и по его обезображенному шрамами лицу промелькнуло явное удивление. Изабелла не появлялась здесь с тех пор, как сбежала три с половиной года назад.

— Миледи?

Выходя из ландо, Изабелла оперлась на здоровенную руку слуги. Лучший способ сделать что-то, решила она, — это просто сделать.

— Как твое колено, Беллами? Ты все еще пользуешься мазью? Я не слишком самонадеянна, думая, что муж дома?

Задавая вопросы, Изабелла вошла в дом, сделав вид, что не заметила любопытных взглядов служанки и лакея.

— Колено намного лучше, миледи, спасибо. Лорд Маккензи... — Беллами замялся. — Он рисует, миледи.

— Так рано? Удивительно.

Изабелла стала быстро подниматься по ступенькам, не позволяя себе думать о том, что делает. Если она задумается над этим, то быстро сбежит, возможно, запрется в своем доме и не высунет больше носа.

— Он в студии? Не надо докладывать обо мне, я сама поднимусь к нему.

— Но, миледи...

Беллами пошел за ней, однако поврежденное колено мешало ему двигаться быстро, и Изабелла уже взбежала на третий этаж, когда он только преодолел второй лестничный марш.

— Миледи, он просил его не беспокоить, — крикнул ей вслед Беллами.

— Я ненадолго. Мне только нужно задать ему один вопрос.

— Но, миледи, он...

Изабелла остановилась, коснувшись белой ручки двери, ведущей в комнату, расположенную на верхнем этаже справа.

— Всю вину за вторжение я возьму на себя, Беллами.

Она приподняла юбки, открыла дверь и вошла в комнату. Мак, разумеется, был там. Он стоял перед мольбертом и увлеченно работал.

Юбки Изабеллы выскользнули из ставших ватными пальцев. Ее поразила красота мужа, с которым они жили врозь. В студии было прохладно, но Мак работал в поношенном, с пятнами краски килте, с обнаженным торсом. Его загорелая от пребывания на более теплом европейском материке кожа блестела от пота. На голову он повязал красный платок в цыганском стиле, чтобы краска не попадала на волосы. Мак всегда так делал, с болью вспомнила Изабелла. С повязанным на голове платком его скулы казались выше, подчеркивая выразительность лица. Даже изношенные и перепачканные краской грубые башмаки были знакомы и дороги ей.

Мак энергично покрывал мазками холст, очевидно, не услышав, как Изабелла открыла дверь. В левой руке он держал палитру, а правой быстрыми резкими движениями работал кистью. Потрясающий мужчина, он становился еще более привлекательным, когда был поглощен занятием, которое обожал.

Когда-то Изабелла сидела в этой самой студии на старом диване с разбросанными подушками и просто наблюдала, как он писал картину. Мак мог не говорить ей ни слова, но она обожала наблюдать за игрой мускулов у него на спине, за тем, как он, рассеянно потерев щеку, пачкал ее краской. После особенно удачной работы он поворачивался к ней с широкой улыбкой и заключал в объятия, никогда не задумываясь о том, что теперь краска пачкала и ее кожу.

Изабелла так увлеклась созерцанием Мака, что не сразу заметила, над чем он работает с таким напряжением, пока не заставила себя перевести взгляд на помост. И едва справилась со своим смущением.

На небольшом возвышении, задрапированном желтой и красной тканью, лежала голая молодая женщина. В этом не было ничего удивительного, потому что Мак обычно рисовал обнаженную натуру или слегка прикрытую чем-то. Но Изабелла никогда не видела, чтобы он рисовал что-то вульгарно-эротическое. Натурщица лежала на спине, согнув колени и широко расставив ноги. Ее рука прикрывала лоно, а сама она без стыда выставляла себя напоказ. Мак хмурился и быстрыми движениями кисти наносил мазки.

Тяжело дыша от напряжения, в студии наконец появился Беллами.

— Черт возьми, Беллами, — не поворачиваясь, прорычал Мак, — я предупреждал, чтобы

сегодня утром меня не беспокоили.

— Простите, сэр, я не смог остановить ее.

Натурщица подняла голову и заметила Изабеллу.

— О, здравствуйте, милорд, — ухмыльнулась она.

Мак оглянулся один раз, потом — второй и больше уже не отрывал глаз от Изабеллы. С кисточки на пол незаметно капала краска.

— Привет, Молли. — Изабелла постаралась, чтобы ее голос не дрожал. — Как твой малыш? Беллами, все в порядке, оставь нас. Мак, это не займет много времени. Я пришла, только чтобы задать тебе один вопрос.

Проклятие.

Что за игру затеял Беллами, позволив ей подняться сюда?

Изабелла не переступала порога дома на Маунт-стрит три с половиной года, с того самого дня, когда бросила его, оставив в качестве объяснения коротенькую записку. Теперь она стоит в дверях в шляпке и перчатках для визитов. И именно сегодня, когда он рисовал Молли Бейтс во всем ее великолепии. Это нарушало его план, тот самый, который заставил его после свадьбы брата прыгнуть в поезд, идущий в Лондон, и сопровождать Изабеллу сюда из Шотландии.

Темно-синий жакет Изабеллы плотно облегал фигуру и подчеркивал полную грудь, а серую юбку с турнюром украшали сложные оборки и рюши. Ее шляпка представляла собой сложное творение из цветов и лент, а темно-серым перчаткам была не страшна лондонская грязь. Они обтягивали тонкие пальцы, которые Мак так жаждал поцеловать. Ему всегда хотелось, чтобы эти руки скользили по его спине, когда они оказывались в постели.

Изабелла знала, как одеться, как подать себя в той цветовой гамме, которая мила глазу художника. Мак обожал помогать ей одеваться по утрам, шнуруя корсеты и прикасаясь к мягкой благоуханной коже. Он отпускал ее служанку и сам справлялся с этой задачей, хотя в такие дни они потом долго не спускались к завтраку.

Теперь Мак буквально впитывал в себя флюиды соблазна, которые источало ее тело, и, черт возьми, чувствовал, как напряглась его плоть. Неужели она увидит это и засмеется?

— Тебе лучше надеть это, дорогая. — Изабелла подошла к халату, который Молли бросила на пол, — здесь прохладно. Знаешь, Мак никогда не считает важным поддерживать огонь. Почему бы тебе не согреться чашечкой чая внизу, пока я поболтаю с мужем?

Молли вскочила на ноги, ее ухмылка стала еще шире. Она представляла собой тот тип женщин, который нравится мужчинам: полногрудая, с пышными бедрами и кротким взглядом самки. Мечта художника — копна черных волос и безупречное лицо. Но красота Молли блекла рядом с великолепием Изабеллы.

— Если не возражаете, я так и сделаю. Позировать для подобных пикантных картин — работа трудная. У меня даже пальцы свело.

— Булочка с чаем поможет тебе восстановиться, — успокоила Изабелла Молли, пока та надевала халат. — Раньше кухарка Мака всегда держала на кухне большой запас булочек с

изюмом на случай крайней необходимости. Спроси у нее.

— Я скучала без вас, миледи, правда, — улыбнулась в ответ Молли, и на ее щеках появились ямочки. — Лорд Маккензи забывает, что мы должны есть.

— Ну, эхо в духе моего мужа, — откликнулась Изабелла.

Молли со спокойной душой покинула студию, а Мак, словно откуда-то издалека, наблюдал, как Беллами вышел следом за Молли и закрыл за собой дверь.

— У тебя краска капает, — обратила на него взгляд своих зеленых глаз Изабелла.

— Что?

Мак уставился на нее непонимающим взглядом. Заметив падающие на пол капли краски, он с ворчанием швырнул на стол палитру и сунул кисточку в банку со скипидаром.

— Ты сегодня рано начал работать.

Почему она продолжает говорить дружелюбным, нейтральным тоном, как будто они были просто знакомыми, встретившимися на чайной церемонии?

— Свет хороший.

Его собственный голос звучал напряженно, хрипло.

— Да, сегодня прекрасное солнечное утро. Не волнуйся, я не отниму много времени, ты скоро опять вернешься к работе. Я только хочу услышать твое мнение.

Черт возьми, неужели она пришла сюда специально, чтобы застигнуть его врасплох? Когда это она успела научиться так хорошо играть?

— Мое мнение? О чем? О твоей новой шляпке?

— Нет, не о шляпке, хотя спасибо, что заметил. Нет, Мак, я хочу услышать твое мнение вот об этом.

Мак обнаружил, что шляпка, о которой они говорили, вдруг оказалась прямо перед его носом. Серые и голубые ленты переплетались в причудливые завитки, которые хотелось снять и разгладить.

Вот шляпка откинулась немного назад, и Мак заглянул в глаза Изабеллы. Когда-то очень давно на балу эти глаза заманили его в ловушку. Тогда, будучи прелестной дебютанткой, она не подозревала о силе собственного взгляда, не подозревает она о ней и теперь. Ее вопросительный заинтересованный взгляд цеплял мужчину и давал простор его самым эротичным мечтам.

— Вот, посмотри, Мак, — нетерпеливо сказала Изабелла.

Она протянула ему носовой платок. На снежной белизне ткани лежал кусочек холста, покрытого желтой краской, — дюйм в длину и четверть дюйма в ширину.

— Какой это, по-твоему, цвет?

— Желтый. — Мак удивленно выгнул бровь. — Ты проделала путь с Норт-Одли-стрит, чтобы спросить у меня, желтый ли это цвет?

— Да я знаю, что это желтый. Но какой именно желтый?

Мак внимательно посмотрел на кусочек холста. Цвет был живой, почти пульсирующий.

— Желтый кадмий.

— А еще точнее? — Изабелла повертела платок, как будто движение могло приоткрыть тайну. — Неужели ты не понимаешь? Это желтый цвет Маккензи. Именно тот изумительный желтый оттенок, который ты получаешь, смешивая краски по особой, известной одному тебе формуле.

— Да, так и есть. — Маку было совершенно наплевать, какая это краска — желтая Маккензи или траурная черная, когда Изабелла стояла так близко и он чувствовал аромат ее кожи. — Ты занимаешься тем, что режешь мои картины?

— Не говори ерунды. Этот кусочек я отрезала от картины, которая висит в гостиной миссис Ли-Уотерс в Ричмонде.

— Но я никогда не дарил картину миссис Ли-Уотерс из Ричмонда.

Нетерпение Мака сменилось любопытством.

— Я тоже так думаю. Когда я спросила об этой картине, миссис Ли-Уотерс рассказала, что купила ее на Стрэнде у торговца произведениями искусства мистера Крейна.

— Как бы не так. Я не продаю свои картины, тем более через мистера Крейна.

— Вот именно, — улыбнулась Изабелла, едва скрывая свое торжество.

И эти растянувшиеся в улыбке алые губы еще больше возбуждали Мака.

— На картине стоит подпись: Мак Маккензи, но ты ее не писал.

Мак снова посмотрел на кусочек холста ярко-желтого цвета на белоснежном носовом платке.

— Откуда ты знаешь, что я не писал? Возможно, какой-нибудь неблагодарный мерзавец, которому я подарил картину, продал ее, чтобы расплатиться с долгами.

— Это вид на Рим с холма.

— У меня много пейзажей, связанных с Римом.

— Я знаю, но этот не имеет к тебе никакого отношения. Это твой стиль, твоя манера письма, твои цвета, но ты не писал эту картину.

— Откуда ты знаешь? — Мак оттолкнул платок. — Ты что, хорошо знакома со всеми моими работами? Я сделал несколько пейзажей Рима с тех пор, как ты...

Он не мог заставить себя сказать «с тех пор, как ты оставила меня». Он уехал в Рим, чтобы успокоить разбитое сердце, и работал там до тех пор, пока ему не надоело это место. Он переехал в Венецию и стал писать там, пока не понял, что больше не хочет видеть в своей

жизни ни одной гондолы.

Это было в те времена, когда он все еще оставался беспутным пьяницей. Но как только остепенился, заменив навязчивую идею о виски на чашку чая, он вернулся в Шотландию и там остался. В семействе Маккензи виски не считали крепким напитком, по их мнению, это был просто продукт питания, необходимый для жизни. Но Мак остановил свой выбор на улунге, [1]который Беллами мастерски научился заваривать.

В ответ на его слова Изабелла вспыхнула, а Мак вдруг почувствовал необъяснимый приступ веселья.

— Ага, значит, ты действительно неплохо знакома с моими картинами. Как мило с твоей стороны проявлять ко мне такой интерес.

— Просто я читаю статьи в журналах по искусству, вот и все. — Изабелла покраснела еще сильнее. — И люди рассказывают.

— И тебе настолько знакома каждая из моих картин, что ты знаешь, какая картина моя, а какая — нет? — Ленивая улыбка тронула губы Мака. — И это говорит женщина, которая даже сменила гостиницу, когда узнала, что я в ней тоже остановился?

Мак и не подозревал, что Изабелла может так густо краснеть. Он почувствовал, что атмосфера в студии переменялась. От смелой лобовой атаки Изабелла перешла к поспешному отступлению.

— Не льсти себе. Я случайно кое-что заметила, вот и все.

И все же она точно знала, что он не писал ту картину, которую она увидела в гостиной миссис Ли-Уотерс.

Мак ухмыльнулся, ему нравилось смущение Изабеллы.

— Я просто пытаюсь сказать тебе, что кто-то подделывает Мака Маккензи.

— Но зачем кому-то подделывать мои работы? Мне кажется, это глупо.

— Ради денег, конечно. Ты ведь очень популярен.

— Я популярен благодаря своей скандальности, — заспорил Мак. — Когда умру, мои картины не будут представлять никакой ценности, ну если только в качестве сувениров. — Он положил кусочек холста и носовой платок на стол. — Могу я оставить это? Или ты собираешься все вернуть миссис Ли-Уотерс?

— Не глупи. Я же ничего не говорила ей.

— Ты оставила на стене картину с обрезанным куском холста? Разве она не заметит?

— Картина висит высоко, и потом, я сделала это аккуратно, чтобы не бросалось в глаза. — Изабелла перевела взгляд на картину на мольберте. — Это производит отталкивающее впечатление. Она похожа на паука.

Маку было наплевать на картину. Хотя Изабелла права, она ужасна. Теперь все его картины были ужасными. Он не мог сделать ни одного стоящего мазка с тех пор, как перестал пить, и понятия не имел, почему вдруг решил, что эта картина получится.

Все же, не сдержав разочарованного стога, Мак взял пропитанную краской тряпку и швырнул ее в холст. Тряпка угодила в живот Молли, и по розовой коже потекли коричневатые-черные ручейки.

Мак отвернулся от холста и увидел, что Изабелла поспешно покидает студию. Он бросился за ней и настиг уже на лестнице. Обогнув ее, он преградил ей дорогу, положив одну руку на перила лестницы, а второй упершись в стену. Краска размазалась по обоям, которые шесть лет назад выбирала Изабелла, когда по-новому оформляла интерьер его дома.

— Пропусти, Мак. У меня до обеда еще полдюжины поручений, я и так уже опаздываю.

— Подожди.

Мак сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь справиться с волнением.

— Пожалуйста, — выдал он. — Давай спустимся в гостиную, я попрошу Беллами принести чаю, и мы поговорим о картинах, которые, как ты считаешь, являются подделкой.

Он был готов на все, чтобы удержать ее. В душе он знал, что если она опять уйдет из его дома, то никогда уже не вернется.

вернуться

1

Сорт черного китайского чая.

— Но мне нечего больше сказать о подделанных картинах. Просто я подумала, что ты захочешь это знать.

Мак знал, что вся прислуга затаилась внизу, подслушивая. Они не станут бестактно выглядывать на лестницу, просто будут стоять в дверях, где-нибудь в тени, и ждать, что произойдет. Они обожали Изабеллу и очень горевали, когда она покинула этот дом.

— Изабелла, — понизил голос Мак, — останься.

Он обидел ее, и знал это. Он обижал ее много раз. Первый шаг к тому, чтобы вернуть ее — перестать обижать.

Ее яркие соблазнительные губы немного приоткрылись. Мак стоял на две ступеньки ниже, поэтому их лица находились на одном уровне. Если бы захотел, он мог бы преодолеть эти несколько дюймов, разделявших их, и поцеловать ее, почувствовать вкус ее губ и влажного языка.

— Пожалуйста, — прошептал Мак.

«Ты так нужна мне». В этот момент на лестнице появилась Молли:

— Вы готовы писать меня снова, милорд? Поза остается прежней?

Изабелла закрыла глаза, плотно сжав губы в тонкую неподвижную линию.

— Беллами! — взорвался Мак. — Какого черта она не на кухне?

— О, миледи не обращает на меня внимания, — добродушно улыбаясь, приблизилась Молли. — Правда, миледи?

Молли, прошелестев халатом, обогнула сначала Мака, потом — Изабеллу и устремилась в студию.

— Да, Молли, — холодным тоном обронила Изабелла, — я не обращаю на тебя внимания.

Она приподняла юбки и приготовилась обойти Мака, но он протянул к ней руку.

Изабелла отшатнулась. Но не от отвращения, как в первую секунду с замиранием сердца подумал он, а потому, что рука была испачкана в краске.

Мак отпрянул к перилам. Он не станет задерживать ее. По крайней мере не сейчас, когда все слуги наблюдают и слушают, а Изабелла смотрит на него такими глазами.

Она осторожно обошла его, стараясь не задеть, и начала спускаться по лестнице.

— Я отправлю Молли домой, — шел за ней Мак. — Остайся, позавтракаем. Мои люди могут выполнить твои поручения за тебя.

— Сильно сомневаюсь. Некоторые поручения носят очень личный характер.

Изабелла спустилась на первый этаж и взяла оставленный на вешалке в холле зонтик от солнца.

Беллами широко распахнул дверь, впуская поток зловонного лондонского воздуха. На улице стояло ландо Изабеллы, и у распахнутой дверцы ждал лакей.

— Спасибо, Беллами, — спокойным голосом произнесла Изабелла и вышла. — До свидания.

Мак хотел броситься следом, схватить ее за талию и затащить в дом. Он мог попросить Беллами запереть все двери, чтобы она не ушла опять. Сначала она вознегодует, но потом постепенно поймет, что ее место по-прежнему рядом с ним. Здесь.

Мак сдался и позволил Беллами закрыть дверь. Тактика, которой пользовались его далекие предки-горцы, не годится для Изабеллы. Стоит ей обжечь его холодным взглядом прекрасных глаз, и он окажется на коленях. В прошлом ради нее он довольно часто падал на колени, но ни разу не пожалел.

— О, Мак, — раздавался ее внезапный смех, и холодный тон в голосе исчезал, — у тебя такой нелепый вид!

Тогда он тащил ее за собой на ковер, и прощение приобретало интересный оборот.

Мак тяжело опустился на нижнюю ступеньку и обхватил голову перепачканными краской руками. Сегодня он допустил оплошность. Изабелла застала его врасплох, и он упустил отличную возможность, которую она ему предоставила.

— Ой, а картина испорчена, — прозвучал голос Молли, спускавшейся вниз, шурша шелком. — Кстати, мне кажется, я выгляжу там немного забавной.

— Иди домой, Молли, — глухо сказал Мак. — Я заплачу тебе за целый день.

Он ждал, что Молли взвизгнет от радости и поспешит уйти, но она села на ступеньку рядом с ним.

— Бедненький, хочешь, я помогу тебе?

— Нет, спасибо.

Его плоть уже успокоилась, и он не хотел, чтобы она напрягалась из-за кого-то другого, кроме Изабеллы.

— Делай как знаешь. — Молли провела тонкими пальцами по его волосам. — Хуже всего, когда тебе не отвечают взаимностью, не так ли, милорд?

— Так. — Мак закрыл глаза. Его душила ярость, и не давало покоя желание. — Ты права, это хуже всего.

На следующий день на охотничьем балу лорда и леди Аберкромби в Суррее было полно светских гостей. Изабелла вошла в зал с некоторым волнением, ожидая встретить здесь мужа, который, как доложила ей ее служанка Эванс, тоже получил приглашение. Эванс узнала об этом от своего закадычного друга Беллами.

Вчера в студии Мак показался Изабелле полубогаженным богом. Сразу после встречи с ним она направилась прямо домой и бросилась в слезах на кровать. Дела так и остались невыполненными, потому что остаток дня она провела, свернувшись калачиком на кровати и жалея себя.

На следующее утро Изабелла встала и заставила себя посмотреть фактам в лицо. У нее есть только два варианта. Можно полностью избегать Мака, как она делала раньше, а можно примириться с их случайными встречами в Лондоне, поскольку каждый живет своей жизнью. Они же могут соблюдать приличия и оставаться друзьями. Она просто должна настолько привыкнуть видеть Мака, чтобы его присутствие больше не тревожило, чтобы в момент встречи сердце не подпрыгивало к горлу от одного только мимолетного взгляда на его властное лицо или от коварной улыбки у него на губах.

Второй вариант был сложнее и беспокойнее, но Изабелла ругала себя, пока не приняла решение. Она не станет прятаться дома, как испуганный кролик, поэтому и приняла приглашение лорда Аберкромби, хотя знала, что на балу будет присутствовать Мак.

Изабелла попросила Эванс помочь ей надеть новое бальное платье из голубого атласного муара с розочками из желтого шелка, которые украшали лиф платья и его подол. Эванс, которая могла бы похвастаться тем, что работала у известных актрис, у нескольких оперных певиц, у герцогини и куртизанки, одевала Изабеллу с самого первого дня после ее скандального побега с Маком. Эванс появилась в доме Мака на Маунт-стрит, где Изабелла с кольцом Мака на пальце за неимением другой одежды под рукой стояла в своем бальном платье, в котором была накануне вечером. Эванс было достаточно одного взгляда на невинное лицо Изабеллы, чтобы стать ее неистовой защитницей.

«Я выгляжу вполне прилично для замужней женщины, которой почти двадцать пять. — Изабелла смотрела на себя в зеркало, пока Эванс украшала бриллиантами ее грудь. — Мне нечего стыдиться».

Но при всем при том у нее замерло сердце, когда она вошла в бальный зал лорда Аберкромби и увидела в комнате, где был накрыт ужин, высокую фигуру Маккензи. Он стоял, опираясь на камин, в килте клана Маккензи, а широкие плечи обтягивал парадный черный сюртук.

В следующее мгновение Изабелла поняла, что это не Мак, это был его старший брат Кэмерон. Испытав облегчение и радость, она оставила друзей, с которыми приехала сюда, подобрала атласные юбки и поспешила, пробиваясь через толпу, к нему.

— Кэм, что, скажи на милость, ты здесь делаешь? Я думала, ты на севере страны, усиленно готовишься к скачкам в Сент-Леджере.

Кэмерон бросил в камин сигару, которую курил, взял Изабеллу за руки и наклонился, чтобы поцеловать в щеку. От него пахло сигарами и виски; так было всегда, хотя иногда к этим запахам добавлялся запах лошадей. Кэмерон держал конюшню, где стояли лучшие скаковые лошади Англии.

Кэмерон, второй старший брат Мака, был немного шире в плечах и выше ростом, левую скулу рассекал глубокий шрам. Среди четверых братьев непослушные каштановые волосы Кэма с рыжеватым отливом были самыми темными, а глаза имели глубокий золотистый оттенок. Его подвигами пестрели скандальные газеты. Всем было известно, что Кэмерон, вдовец с пятнадцатилетним сыном, каждые полгода заводил себе новую любовницу, выбирая их среди известных актрис, куртизанок и вдов знатного происхождения. Изабелла давно оставила попытки отследить их всех.

— Там особенно нечего делать, — пожал плечами в ответ на ее вопрос Кэмерон. — Берейторы получили мои указания, а перед первыми скачками я с ними встречаюсь.

— Врать ты не умеешь, Кэмерон Маккензи. Тебя Харт послал, да?

— Харт забеспокоился, когда Мак помчался за тобой после свадьбы Йена, — нисколько не смутился Кэмерон. — Надоедает он?

— Нет, — поспешила с ответом Изабелла.

Она любила братьев Мака, хотя они имели привычку совать нос в чужие дела, и была благодарна им. Они могли перестать знаться с ней, когда три с половиной года назад она решила уйти от Мака, но братья встали на ее сторону. Харт, герцог Килморган, Кэмерон и Йен дали всем понять, что по-прежнему считают Изабеллу членом своей семьи, и поэтому присматривали за ней на правах старших братьев.

— Значит, Харт послал тебя сыграть роль няньки?

— Именно так, — медленно, без улыбки ответил Кэмерон. — Ты должна вообразить меня в чепчике и фартуке.

Изабелла рассмеялась, и Кэмерон рассмеялся вместе с ней. У него был скрипучий смех, как будто он чем-то оцарапал горло.

— Как Бет? У них с Йеном все хорошо?

— Когда я уезжал, все было в порядке. Йен особенно радуется перспективе стать отцом. Он каждые пять минут говорит об этом.

Изабелла улыбнулась. Йен и Бет, его новая жена, были очень счастливы, и Изабелла с нетерпением ждала момента, когда сможет подержать на руках их ребенка. Кроме радости, эта мысль принесла ей боль, но она быстро справилась с этим.

— А Дэниел? — Изабелла старательно поддерживала легкую беседу. — Он приехал с тобой?

— Дэниел поселился у моего старого преподавателя, — покачал головой Кэмерон, — который до начала осеннего семестра должен нашпиговать его голову знаниями. Хочу облегчить жизнь учителям Дэниела.

— Уроки вместо лошадей? Уверена, наш Дэниел не в восторге.

— Да, но если он по-прежнему станет получать плохие оценки, он никогда не поступит в университет.

Сейчас этот высокий мужчина со скандальной репутацией вел себя как обеспокоенный отец, и Изабелла не сдержала смех.

— Он пытается подражать тебе, Кэм.

— Вот именно. Это меня и тревожит.

Музыканты заиграли вальс, и за спиной Изабеллы пары заскользили в танце.

— Станцуем, Изабелла? — протянул свою широкую ладонь Кэмерон.

— С большим удовольствием...

Изабелла не успела закончить свой вежливый ответ, как рядом с ней возник Мак. Она уловила легкий запах скипидара.

— Этот вальс — мой, — шепнул он ей на ухо. — И не надо мне говорить, жена, что твоя танцевальная карточка уже заполнена, потому что я быстро это исправлю.

Глава 2

Резиденция известного шотландского лорда и его новоиспеченной супруги на Маунт-стрит коренным образом изменилась.

Привилегированные гости рассказали, что обои, ковры и предметы искусства отличаются тонким и изысканным вкусом, что говорит о великолепном воспитании супруги лорда. Гости были самые разные: от парижской богемы до иностранных принцев и респектабельных светских леди.

Апрель 1875 года

Изабелла не понимала, как ей удалось выйти в центр зала, не наступив на украшенный розочками подол платья. Она услышала, как зазвучала музыка, почувствовала, как Мак обхватил ее за талию, и они закружились в танце. Решение не обращать на него внимания вдруг показалось ей совершенно нелепым.

Изабелла всегда обожала вальс и больше всего любила танцевать его с Маком. Он будет

безупречно вести ее в танце до тех пор, пока она не забудет о шагах и не станет просто двигаться под музыку в свое удовольствие. Она будет плыть в танце, словно по воздуху, находясь в надежных руках мужчины, которого любит.

Сегодня ей жали туфли, и в слишком туго затянутом корсете безумно колотилось сердце. Рука Мака на талии обжигала сквозь корсет и рубашку, как будто его пальцы ставили клеймо на ее обнаженную кожу. Она чувствовала в танце прикосновение крепких ног, и это распяляло ее еще больше.

— Знаешь, ты повел себя грубо, — заявила Изабелла, как будто все происходящее нисколько не волновало ее. — Мы мило беседовали с Кэмероном.

— Кэмерон понимает, когда он третий лишний.

Забавно было слышать, что Кэмерон, известный волокита, мог оказаться третьим лишним, но Изабелла была настолько смущена появлением Мака, что ей было не до веселья. Хотелось бы, чтобы движение крепкого плеча и ощущение твердой руки, нежно сжимавшей ее ладонь, не доставляли ей такого удовольствия. Несмотря на многослойность одежды, которую диктовала мода, этих слоев, по мнению Изабеллы, сейчас было недостаточно.

— Полагаю, ты доволен собой, — стараясь скрывать свои чувства, как можно беззаботнее проговорила Изабелла, — потому что знаешь, что я не могла отказать тебе в танце. Иначе эта сцена передавалась бы из уст в уста по всему Лондону. Здесь все просто обожают сплетничать о нас с тобой.

— Неутолимое желание Лондона посплетничать — единственное оружие в моем арсенале, — приятным, как хорошее вино, голосом ответил Мак, — хотя и не всегда надежное.

Изабелла никак не могла заставить себя посмотреть ему прямо в глаза. Ей и так трудно было сохранять самообладание, даже не заглядывая в медные радужки глаз. Вместо этого она сосредоточила свой взгляд на его подбородке, заросшем золотисто-рыжей бородой. Но и это не помогало.

— Интересно и немного обидно, что, говоря о наших с тобой отношениях, ты используешь военную терминологию.

— Это всего лишь удачная метафора. Бальный зал — поле битвы, этот танец — схватка, твое оружие — это платье, которое так хорошо подчеркивает фигуру.

Мак окинул взглядом открытый лиф платья и задержался на желтых розочках, которыми был украшен глубокий вырез. Изабелла благосклонно относилась к желтым розам с тех самых пор, как на второй день после их свадьбы Мак нарисовал ее с этими розами. У него потемнели глаза, и Изабелла почувствовала, как под этим пристальным взглядом загорелась ее обнаженная кожа.

— Тогда у тебя есть еще одно оружие. Ты можешь танцевать со мной, пока у меня не заболят ноги. И потом твой килт...

— А что с моим килтом? — растерялся Мак.

— В килте ты особенно хорош.

— Да, я помню, тебе всегда нравилось смотреть на мои ноги. И на другие части тела. Ходят

слухи, что шотландцы ничего не носят под килтом.

Изабелла помнила, как по утрам в спальне он, ничего не надев, кроме килта, внимательно читал газету, положив ноги на стол. Он был довольно хорош в вечернем туалете, но в домашней одежде выглядел потрясающе.

— Ты вкладываешь в мои слова то, чего там нет, — неуверенно произнесла Изабелла.

— Неужели? Может, выйдем на террасу и удовлетворим твое любопытство насчет другой части тела?

— Спасибо большое, но я не хочу идти на террасу.

Именно на террасе дома ее отца Мак впервые поцеловал ее.

— Ты опасаясь, что терраса — более опасное поле боя? — сверкнул глазами Мак и дерзко улыбнулся.

— Ну, если продолжать использовать метафоры, то да, я считаю, что терраса — тактически невыгодная для меня позиция.

— У тебя всегда есть преимущество надо мной, Изабелла, — потянул ее к себе Мак.

— Ну, это вряд ли. С какой стати?

— Потому что, — Мак еще ближе придвинул ее к себе, — ты способна лишить меня присутствия духа, просто войдя в комнату, как это произошло вчера в моей студии. Три с половиной года я жил как монах, и вот увидеть тебя так близко, почувствовать твой запах, прикоснуться к тебе... Сжался над бедным холостяком.

— Не искать других — это был твой выбор.

Мак сверкнул глазами. За их дразнящим блеском Изабелла разглядела спокойствие, которого никогда прежде не замечала.

— Да, это был мой выбор.

Изабелла верила ему. Она с легкостью могла назвать полдюжины женщин, которые прыгнут в постель Мака Маккензи в ту же секунду, как только он подаст им знак. Она знала, что он не искал женщин ни до того, как она оставила его, ни после, потому что многим доставило бы огромное удовольствие рассказать ей об этом. Даже их наиболее злорадные знакомые вынуждены были признать, что Мак оставался верен своей жене даже после того, как они расстались.

— Может быть, мне следует поменять духи.

— К духам это не имеет никакого отношения. — Мак наклонился к ней, и его легкое дыхание коснулось изгиба шеи. — Мне нравится, что ты по-прежнему пользуешься розовым маслом.

— Я обожаю розы, — еле слышно произнесла Изабелла.

— Я знаю. Желтые розы.

Изабелла споткнулась.

— Осторожно, — выпрямился Мак, крепче обняв ее за талию.

— Какая я сегодня неуклюжая. Эти ужасные туфли. Пожалуйста, давай присядем.

— Я сказал тебе — нет, пока не закончится вальс. Этот танец — моя цена, не могу же я отпустить тебя, когда ты расплатилась только наполовину, правда?

— Цена за что?

— За то, что не целую тебя, потеряв рассудок, в присутствии всех этих людей. Не говоря уж о том, что не сделал этого вчера на лестнице.

— Ты поцеловал бы меня вчера, даже если я не хотела этого?

У Изабеллы задрожали пальцы.

— Но ты ведь хотела этого, жена. Я тебя очень хорошо знаю.

Изабелла промолчала в ответ, зная — Мак сказал правду. Когда они стояли лицом к лицу на ступеньках в доме, в котором когда-то жили вместе, Изабелла была почти готова позволить ему поцеловать ее. Если бы Молли не помешала им, она позволила бы ему заключить себя в объятия и прижаться своим перепачканным краской лицом к ее лицу, прикоснуться к ней так, как ему нравилось. Но Мак решил отпустить ее. Ну что ж, это его выбор.

— Пожалуйста, давай сейчас остановимся, Мак. Мне на самом деле очень жарко.

— Ты и правда покраснелась. От этого есть только одно средство.

— Присесть и выпить что-нибудь прохладное?

— А вот и нет.

Лицо Мака озарила точно такая же коварная улыбка, какая более шести лет назад погубила Изабеллу на ее первом балу. Он ловко увлек ее за пределы танцевальной площадки, сунул ее руку себе под локоть и быстро повел через бальный зал к открытым дверям.

— Прогулка по террасе.

— Мак...

Он не обратил внимания на ее протест и повел по прохладной, тускло освещенной террасе. Дойдя до конца террасы, Мак остановился в тени, вдали от освещенного окна.

— Ну-ка...

Изабелла оказалась у стены, а сильные руки Мака уперлись в эту стену по обеим сторонам от нее.

Он чувствовал свежее дыхание Изабеллы, тепло ее тела в вечерней прохладе, видел вздымающуюся грудь и сверкающие на коже бриллианты.

Они стояли точно так же, как в тот вечер на террасе отца, когда впервые встретились: Изабелла — у стены, руки Мака — по обеим сторонам от нее на кирпичной стене. Изабелле в белоснежном платье с жемчужным ожерельем на шее, единственным тогда ее украшением,

было в ту пору восемнадцать. Чистая, невинная девушка с роскошными волосами, созревший плод, который пора срывать.

Искушение прикоснуться к ней было тогда непреодолимым. Пари, заключенное Маком на тот вечер, было простым: войти в излишне педантичный дом графа Скрэнтона без приглашения, станцевать с чопорной дебютанткой, в честь которой был устроен бал, и соблазнить ее поцелуем.

Мак ожидал увидеть худую как палка девицу с жеманно поджатыми губами и раздражающей манерностью. А встретил Изабеллу.

Это было все равно что отыскать яркую бабочку среди блеклых мотыльков. Как только он увидел Изабеллу, ему сразу захотелось познакомиться с ней, поговорить, узнать о ней все. Он помнил, как она смотрела на него, пока он пробирался к ней через переполненный бальный зал. Вздернутый подбородок, вызов в зеленых глазах — делайте что хотите, я вас не боюсь! У нее за спиной шептались друзья, несомненно, предупредив, кто он такой, в надежде увидеть ее отказ скандально известному лорду Роланду, которого все называли Мак Маккензи. Изабелла, как узнал Мак, умела отказывать.

Он остановился перед ней, и Изабелла, еще не сказав ни слова, сразила его. Струившиеся по плечам рыжие волосы, холодный блеск умных глаз. Ему захотелось танцевать с ней, рисовать ее, заниматься с ней любовью. «Давай, любимая, согреси со мной».

Мак схватил стоявшего поблизости знакомого мужчину и заставил представить его Изабелле, зная, что без этого превосходно воспитанная молодая леди вообще откажется разговаривать с ним. Когда Мак протянул руку и задал традиционный вопрос — нельзя ли пригласить ее на вальс, — она смерила его холодным взглядом и подняла руку с висевшей на ней танцевальной карточкой.

— Мне очень жаль, но у меня расписана вся карточка, — сказала она тогда.

Конечно, вся карточка была заполнена. Еще бы, ведь Изабелла — хорошо обеспеченная дебютантка, старшая дочь графа Скрэнтона, выгодная партия. Один из выбранных ее отцом джентльменов даже теперь будет прокладывать себе дорогу к ней, спеша заявить свои права на вальс.

Мак поймал рукой карточку, достал из кармана карандаш и, перечеркнув жирной линией все имена, небрежно написал: «Мак Маккензи».

— Пойдемте танцевать со мной, леди Изабелла, — протянул он руку. — Я прошу вас...

Мак ожидал, что она остановит его язвительным отказом и уйдет, задрав нос, чтобы найти лакеев и приказать им вышвырнуть мерзавца.

Вместо этого Изабелла вложила свою ладонь в его руку.

В тот вечер они тайно бежали.

Сегодня вечером волосы Изабеллы горели, как пожар, в полумраке террасы лорда Аберкромби, но глаза оставались в тени. В тот вечер, когда они встретились, она не пыталась убежать от него. Не пыталась убежать и сейчас.

На террасе дома ее отца Изабелла смело разглядывала его, в глазах не было ни капельки

страха. Мак коснулся ее губ, это было лишь прикосновение, не поцелуй. Когда он отступил, она потрясенно уставилась на него.

Мак был потрясен не меньше. Он собирался пошутить над ее трепетной скромностью и этим ограничиться, покинув ее. И дебютантку поцеловал, и пари выиграл. Но после первого прикосновения к ее губам его вряд ли смогли бы оттащить от нее, даже если бы привязали к одной из лучших скаковых лошадей Кэмерона.

Когда он снова прижался к ее губам, мягкие губы Изабеллы раскрылись и она попыталась ответить на его поцелуй. Мак торжествующе рассмеялся, сказал, что она невероятно милая, и завладел ее ртом. Ему хотелось в тот же вечер оказаться с ней в постели, желание овладеть ею было нестерпимым. Но он не мог погубить ее. Ему не хотелось, чтобы с головы этой леди упал хотя бы волос.

Поэтому он женился на ней.

В тот вечер после поцелуя Изабелла прошептала его имя.

— Ты разобрался с подделкой, о которой я говорила тебе вчера утром? — спросила Изабелла.

Мака словно водой окатили, он мгновенно вернулся в настоящее.

— Я сказал тебе, Изабелла, мне наплевать на то, что какой-то идиот хочет копировать мои картины и подписывать их моим именем.

— И продавать их?

— Кто бы это ни был, он волен зарабатывать деньги.

— Но речь идет не только о деньгах, — с серьезным видом заявила Изабелла. — Он, ну или она, просто крадет часть тебя.

— Правда?

Мак плохо представлял какую. Изабелла, когда ушла, забрала с собой большую его часть, оставив на этом месте пустое пространство.

— Правда. Картины — это твоя жизнь.

Нет, картины когда-то были его жизнью. Попытка вчера изобразить Молли закончилась полнейшей катастрофой. Картины, которые он этим летом начал писать в Париже, оказались ничуть не лучше и потому отправились на мусорную свалку. Мак примирился с этим, эта часть жизни для него завершилась.

— Ты же знаешь, я взялся за кисть, только чтобы подразнить отца, — беззаботным голосом обронил Мак. — Это было давно, и теперь старика уже не могло бы разгневать мое хобби.

— Но ты влюбился в искусство и сам говорил мне об этом. У тебя есть замечательные работы, и ты прекрасно это знаешь. Может, тебе хочется оставить это занятие, но у тебя изумительные картины.

Изумительные. Да. И это причиняет сильную боль.

— Я, пожалуй, потерял интерес к этому.

— Но я видела, с каким энтузиазмом ты работал, когда влетела вчера утром в твою студию.

— Я писал картину, которая, как ты правильно заметила, была просто отвратительной. Молли я заплатил за целый день работы и попросил Беллами уничтожить сделанное.

— О Боже, но картина была не так уж плоха. Хотя, признаюсь, она немного необычна для твоей кисти.

— Я писал ее, чтобы выиграть пари, — пожал плечами Мак. — Перед отъездом в Париж меня подбили написать несколько картин эротического характера, поспорив, что я не смогу это сделать. Говорили, что я стал излишне скромн, чтобы создать что-нибудь пикантное.

Изабелла громко рассмеялась, и Мак почувствовал ее теплое дыхание. Это напомнило ему, как холодными зимними ночами, лежа вместе с ним в кровати, она, бывало, смеялась ему в плечо.

— Ты? Скромный?

— Спасибо большое, но я согласился на пари, чтобы спасти свою репутацию, только вот проиграю.

Проигрыш терзал его, но гордость здесь была ни при чем. Вчера Мак понял, что не сможет написать эти мерзкие картины, как бы ни старался.

— Чем тебе грозит проигрыш?

— Я не помню точно. Но думаю, мне придется спеть с оркестром Армии спасения или совершить другой нелепый поступок.

— Какое нахальство! — опять рассмеялась Изабелла.

— Пари есть пари, моя дорогая. Пари не шутка.

— Полагаю, это мужская традиция, которую мне никогда не понять. Хотя в Академии для избранных мисс Принта мы придумывали разные шалости.

— Уверен, мисс Принта была возмущена.

Мак уперся рукой в стену, приблизившись к Изабелле.

— Она не возмущалась, а просто мешала нам. Кажется, она всегда знала, что мы задумали.

— Мисс Принта необычайно наблюдательна.

— Она очень умна. Не надо насмехаться над ней.

— Я и не думал. Я ее просто обожаю. Если ты результат работы ее академии, то все молодые леди просто обязаны посещать это заведение.

— У нее не хватит места для всех. Именно поэтому академия называется Академией для избранных.

Сейчас все было как прежде. Раньше они болтали всякую ерунду, Мак гладил ее волосы, пропуская сквозь пальцы шелковистые локоны. Они валялись в кровати, разговаривали, смеялись, спорили ни о чем и обо всем.

«Черт возьми, я хочу вернуть это».

Он скучал без нее всем своим существом с того самого мгновения, когда Йен передал ему письмо.

— Что это? — спросил тогда Мак, находясь не в лучшем расположении духа. У него дико болела голова после ночного пьяного кутежа. — Неужели Изабелла использует тебя для передачи любовных писем?

— Изабелла ушла.

Взгляд Йена скользнул к правому плечу Мака. Йен чувствовал себя неловко, глядя кому-нибудь в глаза.

— В письме — объяснение, почему она это сделала.

— Ушла? Что значит — ушла?

Мак сломал печать и прочел судьбоносные слова: *«Дорогой Мак, я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя, но жить с тобой я больше не могу».*

Йен наблюдал, как в порыве ярости Мак одним движением смел на пол со стола все, что там лежало. Немного остыв, он с мрачным видом опять уставился в письмо, и Йен положил руку на плечо брата.

— Она поступила правильно.

Слезы пришли гораздо позднее, когда Мак находился в пьяном ступоре, а смятое письмо лежало на столе рядом с ним.

Изабелла вдруг вздрогнула, нарушив мысли Мака.

— Ты замерзла.

Чувствовалось, что температура на террасе понизилась, и открытое платье Изабеллы не помогало согреться осенним вечером. Мак обнял ее за плечи.

Он чувствовал, как внутри растет желание овладеть ею. Они были здесь одни, никто их не видел, Изабелла — его жена, и ему очень хотелось прикоснуться к ней. Танец с ней оказался явной ошибкой, дал ему почувствовать ее близость, и теперь Мак жаждал гораздо большего. Ему хотелось распутать ее замысловатые кудри и распустить длинные волосы, чтобы они рассыпались по обнаженным плечам. Он хотел, чтобы она смотрела на него с томным видом и улыбалась ему. Он хотел, чтобы она приподнялась навстречу его руке, которой он станет ласкать ее.

В то утро после их поспешной свадьбы Мак нарисовал Изабеллу обнаженной, сидящей на краю кровати со сбитыми простынями вокруг. Она собирала в узел свои огненно-рыжие волосы, и от движения рук крепкая грудь тоже пришла в движение. Изабелла забрала эту картину с собой, когда уходила, и Мак никогда не просил ее вернуть. Как ему хотелось сейчас, чтобы эта картина была у него. По крайней мере он мог бы смотреть на нее и вспоминать.

— Изабелла, — то ли прошептал, то ли простонал Мак, — я так скучал без тебя.

— И я скучала без тебя. — Изабелла коснулась его лица холодной и мягкой рукой. — Мне не

хватает тебя, Мак.

«Тогда почему ты меня бросила?» — едва не вырвалось у Мака. Нет, упреки только рассердят ее. А раздражения уже и так хватает.

— Ты не проявляешь достаточной настойчивости, чтобы вернуть ее, — сказал ему недавно Йен. — Я никогда не думал, что ты настолько бестолковый.

Но Мак знал, что ему не следует спешить. Если он будет проявлять поспешную настойчивость, Изабелла ускользнет от него, как солнечный зайчик, который пытаешься поймать рукой.

— Если ты согласишься уделить мне несколько драгоценных минут, — откашлялся Мак, — я уведу тебя отсюда по одному делу.

— Чтобы дать мне остыть от нашего довольно энергичного танца? — улыбнулась Изабелла.

— Нет. — «Черт возьми, позволь мне сделать это». — Чтобы попросить у тебя помощи.

Глава 3

Величественный лорд с Маунт-стрит, недавно ставший новобрачным, не отказался, и мы в этом убедились, от своего хобби писать картины в парижском стиле и, по сути, после свадьбы работает с удвоенной энергией.

Май 1875 года

— Моя помощь? — Изабелла с искренним удивлением заморгала ресницами. — Что же я могу сделать для такого, как ты?

— Ничего сложного. Мне просто нужен совет.

На ее губах заиграла легкая улыбка, и Мак почувствовал, как закипает кровь в жилах.

— Боже мой, Мак Маккензи нуждается в чем-то совете?

— Это не для меня, для друга.

Идея вдруг показалась Маку совершенно глупой, но придумать ничего лучшего он не мог.

— Я знаю джентльмена, который хочет поухаживать за леди, — поспешно пробормотал он. — Хочу спросить у тебя, как это сделать.

— Правда? — Брови Изабеллы удивленно поползли вверх. В темноте ее глаза были так близко. — Почему тебе нужен мой совет в этом?

— Но сам я мало что знаю об ухаживаниях, правда? За тобой я ухаживал часа полтора, да? Кроме того, тут вопрос деликатный. Леди, о которой идет речь, с неохотой принимает его знаки внимания. Когда-то, несколько лет назад, этот человек обидел ее. Очень сильно. — Мак пожегил, каждое слово давалось ему сейчас с большим трудом. — Ее потребуется уговаривать. Настойчиво уговаривать.

— Но леди не нравится, когда их добиваются с помощью уговоров. — Улыбка блуждала по лицу

Изабеллы. — Им нравится, когда ими восхищаются и уважают.

«Черта с два. Они хотят, чтобы перед ними заискивали, чтобы мужчины томились в трепетном ожидании, когда их помянут пальцем. А улыбка от леди обойдется еще дороже».

— Ладно, а как ты относишься к подаркам? — напряженно проговорил Мак.

— Леди обожают получать подарки. Знаки любви. Но подарки должны быть уместными, ничего безумно расточительного.

— Но мой друг — очень богатый человек. Ему нравится быть расточительным.

— Но вовсе не обязательно, что это произведет впечатление на леди.

И снова черта с два. Женщины не в силах оторваться от бриллиантов, сверкающих голубых сапфиров, зеленых, как их глаза, изумрудов. Мак как-то купил Изабелле изумрудные бусы. Они были наедине, когда она украсила ими обнаженную грудь, и Мак до сих пор помнил вкус изумрудов на ее коже.

— В таком случае я объясню ему разницу между уместным и расточительным, — хрипло сказал Мак. — Что-нибудь еще?

— Да. Время. Леди необходимо время, чтобы все обдумать и не торопиться. Надо решить, подходит ли ей этот джентльмен.

Время. Прошла уже уйма времени. Потраченные впустую недели, месяцы и годы, когда Мак мог бы лежать рядом с ней в кровати, чувствовать тепло ее тела рядом с собой, вдыхать ее запах и целовать.

— Ты хочешь сказать, что мужчине нужно время, чтобы доказать свою преданность? — Мак не смог сдержать нетерпеливые нотки в своем голосе. — Или время нужно леди, чтобы окончательно свести его с ума?

— Время нужно леди, чтобы решить, по-настоящему ли мужчина предан ей или все это — только лишь его фантазии.

— Это решает леди, да?

— Конечно. Всегда.

— Как же не везет джентльмену, когда женщине известно направление его мыслей лучше, чем ему самому, правда? — простонал Мак.

— Но в процессе ухаживания все происходит именно так, — невозмутимо ответила Изабелла. — Ты ведь сам просил совета.

— Ну а если этот малый влюбился и знает это?

— В таком случае он никогда бы не обидел эту леди в прошлом.

Внезапно промелькнувшая в глазах Изабеллы боль ранила Мака, и ему пришлось отвести взгляд. Да, он обидел ее. И продолжал обижать. А она в ответ тоже обидела его. Они оба делали друг другу больно, отбивались и отчаянно старались устоять на ногах. Какой-то совершенно дурацкий способ существования в браке.

— Предлагаю тебе научить меня тому, что должен делать мой друг, — вздохнул Мак. — Преподай мне уроки ухаживания. А потом всему, чему научусь сам, я научу и своего друга.

Изабелла поджала губы, а Мак ждал. Она всегда поджимала губы, пока думала, а Мак обожал в этот момент наклоняться все ближе и ближе, пока не касался губами ее мягких губ. Изабелла тогда смеялась и говорила что-нибудь вроде: «Мак, дорогой, ты такой дурачок».

— Думаю, я могла бы согласиться, — тихо произнесла Изабелла. — Хотя, знаешь, все это — совсем не то, что подразумевает под собой ухаживание.

— Что не то? — немного отпрянул Мак.

— Боюсь, ты неправильно начал. — Изабелла облизнула губы, и Мак ощутил новый прилив желаний. — Не стоит звать леди танцевать, отрывая ее от партнера, приглашение которого она только что приняла, и когда ей жарко, надо подвести ее к стулу и принести выпить что-нибудь прохладное, а не увлекать вместо этого на темную террасу.

— Почему?

— Это — обольщение, а не ухаживание. Ты мог погубить леди.

— Понятно. — Мак снова уперся рукой в стену, отметив, что рука дрожит. — Тогда считай, что этот урок я провалил.

— Почти, — улыбнулась Изабелла, и у Мака заколотилось сердце. — Если джентльмен умеет льстить, это всегда добавляет очки в его пользу.

— Я умею льстить еще лучше. Могу сказать, что твои волосы как огненный след, что твои губы слаще самого прекрасного вина, что твой голос проникает в мою душу и пробуждает все мои желания.

— Порядочная леди может растеряться, услышав такие сравнения, — ответила Изабелла и с трудом сглотнула.

— Я помню одну настоящую леди, которая не возражала, когда я говорил о пышности ее груди и о блаженном местечке у нее между ног.

— В таком случае она вела себя не как настоящая леди, — тихо заметила Изабелла.

— А будет ли шокирована настоящая леди, — Мак склонил голову к Изабелле, — когда узнает, что я едва сдерживаю себя, чтобы не овладеть ею прямо здесь, не волнуясь о том, кто может забрести в эту сторону террасы?

— Мне кажется, что в этом платье это было бы неудобно, — опустила ресницы Изабелла.

— Не дразни, Изабелла. Я говорю совершенно серьезно.

— Я никогда не могла удержаться, чтобы не поддразнить тебя, — застенчиво улыбнулась в ответ Изабелла, и Мак почувствовал, как напряглось его тело. — Но я довольно много думала об этом, Мак. Мы оба замкнулись в себе, почти не разговаривали, и появилась напряженность в наших отношениях. Возможно, если мы привыкнем чаще видеться, перестанем избегать вечеров и приемов, на которые приглашены, как сегодня, то станем спокойнее относиться друг к другу.

— Спокойнее? — Призрачная надежда Мака исчезла. — Что, черт возьми, это значит? Как будто мы впали в старческое слабоумие и киваем друг другу из кресел-каталок?

— Да нет же, нет. Я хотела сказать, что если мы привыкнем к обществу друг друга, то твое желание, возможно, уменьшится. Общаясь, мы станем более уравновешенными. Сейчас мы нервничаем по любому поводу.

— Черт побери, Изабелла, — Мак не знал, смеяться ему или злиться, — неужели ты думаешь, что напряжение, возникшее между нами, объясняется исключительно моим желанием обладать тобой? О, моя милая девочка!..

— Конечно, я понимаю, что все не так просто. Но возможно, если мы станем спокойнее, сможем встречаться, не думая о страсти.

— Очень сомневаюсь, — коварно улыбнулся Мак. — Страсть к тебе кипит во мне с того самого вечера, как мы встретились. Она никогда не утихала и не утихнет, независимо от того, сколько раз мне выпадет удовольствие затащить тебя в постель.

Неужели она думает, что их проблему так легко решить? Неужели надеется, что, если они наскучат друг другу, Мак перестанет хотеть ее и оставит в покое? Некоторые мужчины — надо же быть такими идиотами! — теряют интерес к женщине, как только она оказалась у них в постели, но он никогда, никогда даже представить себе не мог, что потеряет интерес к Изабелле.

— Моя дорогая Изабелла, — улыбка Мака превратилась в хищную, — я приму твое предложение и покажу тебе, что бывает, когда играешь с огнем. Я сделаю так, чтобы мы часто, очень часто, виделись. И усталости друг от друга не будет. Потому что, видишь ли, моя дорогая, когда я наконец опять приведу тебя домой, это будет уже навсегда. Никаких сожалений, никаких игр, никаких «спокойных» взаимоотношений. Мы будем мужем и женой во всех смыслах, и точка.

— Понятно. — Изабелла с высокомерным видом посмотрела на Мака. Теперь это была его Изабелла. Веселая и неунывающая. — Значит, мы будем играть в игры по твоему выбору.

— Ты все правильно понимаешь. — Мак провел пальцем по ее губам. — И когда я выиграю, Изабелла, все наладится. Обещаю тебе.

Изабелла пыталась возразить, но Мак не дал ей вымолвить ни слова, прильнув к ее губам в горячем поцелуе. Этого было достаточно, чтобы потерять голову, но Мак заставил себя быстро отпустить ее.

— Спокойной ночи, дорогая. — Он коснулся пальцем ложбинки у нее на шее, провел дорожку до низкого декольте. — Не снимай мою куртку.

Уйти от нее, такой восхитительной в этом чудесном платье с низким вырезом и в куртке, укрывавшей ее плечи, стало самой трудной задачей для Мака. Делая очередной шаг, он все ждал, что она окликнет его, станет умолять вернуться, даже будет ругаться на него.

Но Изабелла не сказала ни слова. Мак прошел по террасе и зашел в душный, переполненный гостями дом. Желание обладать ею сводило его с ума.

К тому времени, когда Мак вернулся домой и вошел в свою студию, его плоть все еще пылала желанием. Он остановился в центре комнаты, окинув взглядом испорченную картину, которая

еще стояла на мольберте, стол, заваленный баночками и палитрами, кисти, которые были тщательно вымыты и рассортированы. Даже когда Мак выходил из себя и разбрасывал все вокруг, он всегда очень заботливо относился к своим кистям. Они были продолжением пальцев художника, как некогда говорил старый художник, который учил Мака. К ним нужно относиться с особой заботой.

За спиной его послышалось тяжелое дыхание Беллами, который взбирался по ступенькам в мансарду. Мак рассеянно снял шейный платок и жилет и передал все это Беллами, появившемуся наконец в студии. Прежде Мак позволял себе писать картины в вечернем туалете, но Беллами решительным тоном на лондонском просторечии заявлял, что не станет нести ответственность за одежду его светлости, если он намерен запачкать ее масляными красками.

Мака это совершенно не волновало, но Беллами относился к этому очень ревностно, поэтому Мак сгрузил одежду на руки слуги и велел ему уходить. Как только за Беллами закрылась дверь, Мак надел старый килт, который был его рабочей одеждой, и переобулся в перепачканные краской башмаки.

Он отбросил в сторону испорченный холст, закрепил новый и с легкостью, обретенной в процессе длительной практики, карандашом стал быстро делать наброски.

Ему потребовалось провести всего несколько линий, чтобы обозначить то, что он хотел, — глаза женщины, еще несколько штрихов, чтобы очертить овал лица и рассыпавшиеся по плечам блестящие волосы. Когда он закончил свой набросок, красота и простота рисунка поразили его в самое сердце.

Мак взял палитру, развел краски и стал писать портрет. Приглушенные тона, множество оттенков белого, краска для теней получилась в результате смешивания зеленого, темно-коричневого и темно-красного. Ее зеленые глаза он приглушил черным, абсолютно точно передав их блеск.

Когда Мак закончил, небо стало светлеть, потому что приближался рассвет. Он бросил на стол палитру, сунул кисти в банку со скипидаром и стал пристально рассматривать свою работу.

Его охватило ощущение радости. После такого долгого, очень долгого, времени его способности возродились вновь.

С холста на него смотрела женщина: чуть вздернутый подбородок, полураскрытые в улыбке губы. Рыжие волосы рассыпались по плечам, а глаза смотрят высокомерно и одновременно соблазнительно. Бутоны желтых роз, нарисованные насыщенной желтой краской Мака, свисали с ее вьющихся волос, как будто она танцевала всю ночь напролет и пришла домой, полумертвая от усталости. Он не стал рисовать платье, в котором она была вчера, просто обозначил его темно-голубыми мазками, которые сливались с общим фоном.

Это была самая прекрасная работа, какую он сотворил за многие годы. Портрет пел на холсте, с легким изяществом струились цвета и выстраивались линии.

Мак на несколько секунд позволил своим натруженным, перепачканным краской пальцам парить над лицом женщины на портрете. Потом он решительно повернулся и вышел из студии.

На следующее утро Изабелла резким движением натянула перчатки и перед зеркалом в холле проверила, как сидит шляпка на голове. Сердце гулко стучало в груди, она была настроена решительно. Если Мак ничего не станет предпринимать в отношении поддельных картин, то

этим займется она.

— Спасибо, Мортон, — кивнула она своему дворецкому, когда тот открыл перед ней дверь. — Пожалуйста, проверь, чтобы куртку лорда Маккензи почистили и вернули ему до полудня.

Изабелла оперлась на руку лакея и уселась в ландо. Только после того, как экипаж тронулся и занял свое место в утреннем потоке, она откинулась на подушки и позволила себе выдохнуть.

Вернувшись домой после бала у лорда Аберкромби, она очень мало спала. Когда Мак ушел с террасы, Изабелла почувствовала, как боль и обида заполнили ее сердце. Ей хотелось броситься следом за ним, заставить его вернуться и просить остаться.

Однако ей пришлось довольствоваться его курткой. Она положила ее рядом с собой в кровать, где могла прикоснуться к ней и вдохнуть запах Мака. Она долго не могла сомкнуть глаз, тоскуя по нему, пока наконец не заснула с мыслью о его улыбке и греховно страстном поцелуе.

Утром она приказала кучеру доставить ее на улицу Стрэнд, где находился магазин Крейна и Лонгмана, торгующий предметами искусства. Мистера Лонгмана уже не было в живых, умирая, он все оставил мистеру Крейну. Но мистер Крейн так и не убрал имя Лонгмана с вывески магазина.

Мистер Крейн, человек низенького роста, с мягкими ладонями и идеально ухоженными ногтями, поприветствовал Изабеллу, когда она вошла, и начал без остановки хвалить Мака Маккензи.

— Мистер Крейн, именно из-за Мака я пришла повидаться с вами, — начала Изабелла, когда владелец магазина истощил запас дежурных улыбок и комплиментов. — Пожалуйста, расскажите мне о картине, которую вы продали миссис Ли-Уотерс.

Крейн сцепил руки, наклонил голову и стал похож на маленькую упитанную птичку.

— О да. «Вид на Рим с Капитолийского холма». Отличная работа. Одна из его лучших картин.

— Вы ведь знаете, что Мак не продает свои работы? Он раздает их всем желающим. Вам не показалось странным, что эта картина вдруг поступила на продажу?

— В самом деле, я удивился, когда его светлость поручил нам продать ее, — заявил мистер Крейн.

— Мак поручил? Кто вам это сказал?

— Простите, что вы сказали? — удивленно спросил Крейн.

— Кто принес вам картину и сказал, что его светлость хочет ее продать?

— Ну конечно, его светлость сам сделал это.

— Вы уверены? — Теперь уже Изабелла удивленно моргала ресницами. — Мак сам принес сюда картину и сам передал ее вам?

— На самом деле не мне. Меня не было. Ее принял и включил в каталог мой помощник. Он сказал, что цена лорда Маккензи не волновала.

В голове Изабеллы лихорадочно проносились мысли. Она думала, что у нее будет простая

задача: указать мистериу Крейну, что он продал подделку, и узнать, что он собирается предпринять в связи с этим. Теперь она сомневалась. Неужели Мак действительно написал эту картину и продал ее? Но почему?

— А ваш помощник знает Мака в лицо? Ведь не предположил же он, что это Мак, не спросив его?

— Миледи, я был удивлен не меньше вашего, но мой помощник в точности описал лорда Маккензи. Даже его беспечную манеру разговора, как будто его искусство не имеет для него особого значения. Очень мило с его стороны, имея такой талант. Милорд мало писал в последнее время, поэтому я был счастлив вообще получить от него хоть что-то.

Изабелла не знала, что говорить дальше. Она-то представляла себе, как спросит мистера Крейна, кто принес картину, пожурит за то, что он позволил подделкам пройти через его магазин. Но теперь не знала, что делать. Она была настолько уверена, что Мак не писал эту картину, хотя, если подумать, он и не подтвердил, и не опроверг это, когда она задала ему вопрос.

— О, милорд, — радостно сказал мистер Крейн, — как это мило с вашей стороны! А мы только что говорили о вас и о вашей замечательной картине, на которой изображен Рим. Добро пожаловать в мой скромный магазин.

Изабелла обернулась. В дверях, загораживая слабый солнечный свет, стоял Мак собственной персоной.

Он перешагнул порог, снял шляпу и улыбнулся Изабелле, у которой от волнения задрожали колени.

— Итак, Крейн, что ты затеял, продавая подделки моих картин?

Глава 4

Влюбленный новобрачный с Маунт-стрит купил своей жене загородный дом в графстве Бакингемшир, где теперь, когда установилась теплая погода и город задыхается от зноя, она выступает в роли хозяйки благотворительных приемов на открытом воздухе. Эти приемы посещают сильные мира сего и богатые, и ни о чем другом так много не говорят.

Июль 1875 года

Крейн начал сбивчиво и путано объясняться, но Мак так и не смог разозлиться на этого коротышку. Все свое внимание он обратил на Изабеллу, стоящую рядом. В своем дневном платье в коричневато-кремовых тонах она была также невероятно красива, как и в элегантно-бальном наряде из атласа и в бриллиантах.

Если бы Маку надо было написать ее в этом костюме, он бы использовал самый светлый желтый цвет для отделки платья, кремовый и янтарный — для лифа, темно-коричневый — для теней. Для кожи — оттенки кремового и розового, темно-красный — для губ. И это был бы единственный яркий акцент у нее на лице. Красновато-оранжевый подойдет для локонов, выбивающихся из-под шляпки. Глаза — оттенки зеленого и черного в тени.

— Мак, я как раз объясняла...

Мак не слушал ее. Вернее, он не слышал слов Изабеллы, он слышал только ее голос, тихий, музыкальный, от которого его сердце было готово танцевать.

— Ваша светлость, — Крейн в своей раздражающей манере потер руки, — вы принесли мне свои картины сами.

— Картины? — удивленно поднял брови Мак. — Ты хочешь сказать, что картина была не одна?

— Ну конечно, у меня есть еще.

Крейн засеменил в заднюю комнату и вышел оттуда с большим холстом в раме. Мак положил трость и шляпу на стол и помог Крейну поднять и повесить картину на крюк в стене.

На ней была изображена Венеция. На переднем плане — два человека в гондоле, расплывающиеся в тумане очертания зданий вдоль Большого канала и отражение их силуэтов в темной воде.

— По-моему, это одна из лучших работ венецианского периода, ваша светлость, — сказал Крейн.

Мак вынужден был признать, что картина действительно хороша. Прекрасно выстроенная композиция, умелое цветовое решение, правильное распределение света и тени, ничего тусклого и невыразительного.

Мак довольно часто писал каналы, погружившись в жалостливое отношение к себе после ухода Изабеллы.

— Но это подделка, правда? — Изабелла с беспокойством смотрела на Мака, закусив нижнюю губу.

— Я не писал эту картину, Крейн. Кто-то морочит тебе голову.

— Но здесь ваша подпись, — указал Крейн на уголок картины.

Мак наклонился, чтобы рассмотреть небрежно нацарапанные в его стиле два слова: «Мак Маккензи».

— Это действительно похоже на мою подпись. — Мак отступил назад, чтобы еще раз рассмотреть картину. — Кстати, неплохая работа.

— Неплохая? — взорвалась Изабелла. — Мак, это подделка.

— Подделка. Но очень хорошая.

— Но, милорд... — У Крейна был шокированный вид. Он оглянулся, как будто в любой момент сюда могла нагрянуть полиция и утащить его в сырую темницу. — Мой помощник клялся, что эту картину принесли вы сами.

— Мистер Крейн... — начала Изабелла.

— Не вини его, любовь моя, — перебил ее Мак. — Если бы я не знал, то сам вряд ли отличил бы, что это подделка.

— Я бы отличила.

— Ты прекрасно разбираешься в этом. Сколько у тебя таких картин, Крейн?

— Всего две, — едва слышно ответил Крейн. — Но, боюсь, я просил еще.

Мак разразился громким хохотом. Изабелла с возмущением смотрела на него, но Мак не мог остановиться. Слишком уж дурацкая ситуация. Несколько лет он не мог написать ничего стоящего, а этот выскочка не только сделал это не хуже Мака, но и подписался его именем, поставив ему это в заслугу.

— Просто любопытно, сколько тебе заплатила Ли-Уотерс? — спросил сквозь смех Мак.

— Тысячу гиней, милорд, — прошептал Крейн.

Мак присвистнул и рассмеялся еще громче.

— Это преступление, — заметила Изабелла.

— О Господи, Крейн, я уверен, ты был счастлив получить такую комиссию. А кстати, что стало с деньгами? Полагаю, что этот «Мак Маккензи» не отказался от своей доли?

— Удивительная вещь, милорд, — с встревоженным видом начал Крейн, — он так и не пришел за деньгами. И не оставил адреса или названия банка, куда мы могли бы перечислить деньги. Это произошло три месяца назад.

— Ну что ж... — Мак сделал паузу, — если он когда-нибудь появится...

— Вы должны будете немедленно связаться с его светлостью, — подсказала Изабелла.

— Я хотел сказать, пусть человек получит деньги. Очевидно, они ему очень нужны.

— Мак...

— В конце концов, он же выполнил работу.

Мак даже не знал, когда Изабелла прекраснее: когда улыбается или когда сердится. У нее покраснели щеки, глаза сверкали зеленым огнем, а в узком корсаже обольстительно вздымалась грудь.

— А как же миссис Ли-Уотерс? — с мертвенно-бледным лицом пробормотал Крейн. — Я должен сказать ей о том, что произошло.

— Зачем? — пожал плечами Мак. — Ей нравится картина. Моя жена говорит, она превозносит ее до небес. Если миссис Ли-Уотерс счастлива, зачем портить ей настроение? — Мак взял трость и шляпу. — Но если вдруг появятся другие «Маки Маккензи», чтобы продать тебе картины, будь осторожен. Я свои картины никогда не продаю. Не вижу причин, чтобы брать с людей деньги за свою не имеющую никакой ценности мазню.

— Мазню? — Крейн бросил на Мака возмущенный взгляд. — Милорд, вас называют английским Мане.

— Правда? Ну, ты знаешь мое отношение к тем, кто так меня называет.

— Да, милорд, вы говорили.

— Полные идиоты, вот как я предпочитаю называть их. До свидания, Крейн. Дорогая, — Мак протянул руку Изабелле, — пойдём.

К его удивлению, Изабелла безропотно приняла его руку и позволила проводить из магазина на улицу, где к тому времени начался дождь.

Изабелла попыталась сохранить сердитый вид, когда Мак помог ей сесть в ландо, но тут же забыла обо всем, почувствовав силу его рук. Она села, поправила юбки, ожидая услышать, как захлопнется дверца и Мак простится с ней. Но вместо этого экипаж накренился, и Мак оказался в ландо рядом с ней.

— Разве у тебя нет собственного экипажа?

Изабелла постаралась не двигаться с места.

— Сейчас мне подойдет твой.

Изабелла уже приготовилась ответить ему с раздражением, как вдруг с полей ее шляпки закапала вода.

— Тьфу ты, дождь. Моя новая шляпка будет испорчена.

— Такними ее.

Мак бросил свою шляпу на противоположное сиденье, и ландо рывком тронулось с места. Дождь барабанил по брезентовой крыше, и этот торопливый стук перекликался с учащенным стуком сердца Изабеллы.

Она вынула булавки, сняла шляпку и промокнула носовым платком соломку. Страусовые перья уже намокли, но, может быть, Эванс спасет их. Она наклонилась вперед, чтобы положить шляпку на соседнее сиденье рядом со шляпой Мака, а когда выпрямилась, Мак положил свою руку на спинку ее сиденья.

Изабелла замерла. Мак, будучи крупным мужчиной, любил развалиться, обычно при этом тесня Изабеллу. Она обожала устроиться рядом, когда они ехали в экипаже, как будто он был большим ковром из медвежьей шкуры. Ей было тепло и уютно.

Мак посмотрел на нее с ленивой улыбкой, прекрасно понимая, почему она застыла на месте, выпрямив спину.

— Но как же твой кучер? — холодно поинтересовалась Изабелла.

— Он знает дорогу домой, живет там много лет.

— Очень забавно. А зачем, скажи на милость, ты нес мистеру Крейну всякую ерунду насчет того, чтобы отдать деньги человеку, который пишет под твоим именем? — попыталась изменить тему Изабелла. — Он пишет подделки и продает их. Почему он должен наживаться на этом?

— Но он ведь не вернулся за деньгами, правда? — пожал плечами Мак, и его рука невзначай коснулась Изабеллы. — Возможно, здесь дело в другом. Может быть, он знает, что не сможет продать свои картины под собственным именем, поэтому использует мое.

— Твое имя, твой стиль и твои цвета. Откуда, ты думаешь, у него формула твоего желтого

цвета? Ведь ты держишь ее в секрете.

— Возможно, он пришел к этому методом проб и ошибок, — пожал плечами Мак. — Я смотрю, ты достаточно уверенно говоришь о том, что подделывает картины мужчина. Но это могла быть и женщина.

— Крейн сказал, что картины оставил мужчина, назвавшийся Маком.

— У женщины мог быть мужчина-сообщник, кто-то, кто похож на меня.

Мак так уютно развалился на сиденье, как будто между ними вообще не было никакого напряжения.

— Это тебя раздражает больше всего, — заметила Изабелла.

— Я сказал тебе, мне все равно.

— Но почему?

— Неужели мы опять должны говорить об этом? — вздохнул Мак и потер глаза тыльной стороной ладони. — Эта часть моей жизни — в прошлом.

— Но это полная чушь.

— Давай сменим тему, — с каменным лицом произнес Мак. — Как у тебя прошло утро, дорогая? Какие-нибудь интересные письма?

В его взгляде сквозило знакомое упрямство, и это свидетельствовало о том, что если он не хочет говорить о чем-то, то даже железный прут не сможет открыть ему рот. Ну что ж, Изабелла тоже могла притворяться.

— Между прочим, я получила письмо от Бет. Они с Йеном хорошо устроились. Я скучаю без нее, — не смогла сдержать вздоха Изабелла.

Бет — очаровательная молодая женщина, и Изабелла радовалась, что у нее появилась новая сестра. С тех пор как она вышла замуж за Мака, она не видела свою собственную младшую сестру Луизу. Семья Изабеллы отказалась от нее, строгий граф Скрэнтон был потрясен бегством собственной дочери с Маккензи. Род Маккензи, конечно, богатый и влиятельный, но при этом он еще и испорченный, бесстыдный, распутный, неразборчивый и, что хуже всего, шотландский. Луизе теперь было семнадцать, она сама готовилась к выходу в свет. От этой мысли у Изабеллы ныло сердце.

— Увидишь Бет в Донкастере, — сказал Мак. — То есть если ты, конечно, сможешь вырваться из Лондона.

— Я обязательно буду на скачках в Сент-Леджере. Я уже много лет ни разу не пропускала это событие. Думаешь, Бет приедет? В ее положении, я имею в виду.

— Поскольку к этому времени ребенок еще не родится, думаю, он будет сопровождать ее в этой поездке.

— Очень смешно. Я хотела спросить, как ты думаешь, захочет Бет путешествовать? Даже поездом? Знаешь, ей сейчас надо проявлять осторожность.

— Йен будет зорко присматривать за ней, любовь моя. Я полностью ему доверяю.

Это правда. Йен все это время ни на минуту не спускал глаз с Бет. С тех пор как стало известно, что Бет должна родить весной, Йен стал заботиться о ней с удвоенной энергией. Иногда это даже вызывало удивление у Бет, но при этом она была полна радости. Ее любили, и она это знала.

— Это очень ответственный период для женщины, даже для такой крепкой, как Бет, — торопливо говорила Изабелла. — Даже если она находится под постоянным присмотром Йена. Ей необходимо отдыхать и беречься, не пытаться переусердствовать в делах.

На последнем слове она всхлипнула и прикрыла рот подушечками пальцев. Она совершенно выбилась из сил в результате бессонной ночи и раннего подъема утром. Если бы не это, она бы спокойно сидела рядом с Маком, не опасаясь потерять самообладание. Она не станет плакать перед Маком, она обещала себе, что не заплачет.

— Любовь моя, пожалуйста, не надо.

— Я рада за Бет, — сердито заморгала ресницами Изабелла, чтобы не расплакаться. — И хочу, чтобы она была счастлива.

— Тихо, успокойся.

Мак обнял ее, защитив своим телом от всего, что могло причинить ей боль.

— Перестань, я не могу ссориться сейчас с тобой.

— Я знаю. — Мак прижался щекой к ее волосам. — Я знаю.

Изабелла услышала, как надломился его голос, повернула голову и увидела, что его глаза блестят от сдерживаемых слез. Она знала, что он тоже переживал эту трагедию. Это было их общим горем.

— Мак, не надо. — Изабелла приложила платочек к его глазам. — Это было так давно. Не знаю, почему я сейчас плачу.

— Я знаю.

— Давай не будем говорить об этом. Пожалуйста. Я не могу.

— Успокойся, дорогая. Мы не станем говорить об этом.

В его глазах все еще стояли слезы. Изабелла обняла его за шею, пальцы поглаживающими движениями скользнули сквозь гущу волос. Она заметила слезинку на его верхней губе и инстинктивно поцеловала это место. Их губы встретились, его неумолимый обольстительный рот заставил Изабеллу раскрыть ему навстречу свои губы и почувствовать, как его влажный язык окунулся в их сладкую глубину. Он не обольщал ее, он целовал ее ради утешения. И хотя прошло более трех лет, все в Маке было ей по-прежнему знакомо. Всклоченные и шелковистые на ощупь волосы, упругий язык, ощущение покалывания на губах от его бороды — все было как раньше.

Но кое-что изменилось. От него больше не пахло виски.

Мак немного отодвинулся, но его губы задержались на губах Изабеллы, подобно туману на

стекле. Еще одно легкое прикосновение губ, и Мак откинулся на спинку сиденья, проведя пальцем по ее щеке.

— Изабелла, — с грустью прошептал он.

— Пожалуйста, не надо.

— Это не станет оружием в нашей игре, — ответил Мак, сразу сообразив, что она имела в виду. — Я обещаю.

— Спасибо.

Оба дыхания слились в одно, когда Изабелла благодарно выдохнула. Мак улыбнулся и снова прильнул к ее губам.

— С другой стороны, моя куртка...

— Мортон почистил ее, — торопливо ответила Изабелла. — Ты скоро получишь ее назад.

— Я имел в виду, — Мак оперся на подлокотник, — что моя куртка провела всю ночь в твоей постели рядом с тобой. Ты забыла, как быстро распространяются слухи между нашими домами. У нашей прислуги такая система оповещения, что ей позавидовали бы прусские генералы.

— Чепуха. — У Изабеллы заколотилось сердце. — Вчера вечером я положила сюртук на кровать, только и всего, а потом забыла о нем и заснула.

— Понятно, — хитро улыбнулся Мак и многозначительно посмотрел на Изабеллу.

— Ты же знаешь, — Изабелла бросила в ответ надменный взгляд, — как может вести себя прислуга, когда ей в голову попадет какая-нибудь идея. При каждом новом пересказе история обрастает новыми подробностями как снежный ком.

— Прислуга может отличаться необычайной наблюдательностью, моя дорогая. И быть гораздо умнее своих хозяев.

— Я только хотела сказать, что тебе не следует воспринимать за чистую монету все, что они говорят.

— Ну конечно, нет. Можно мне попросить твою перчатку, чтобы положить ее сегодня вечером себе на подушку? Ты, естественно, можешь отказать в моей просьбе.

— Я на самом деле отказываю тебе. Категорически.

— Я только хочу развлечь прислугу.

— Тогда отправь их в мюзик-холл.

— А мне нравится эта идея, — во весь рот улыбнулся Мак. — Целый вечер дом будет в моем распоряжении. — Он пробежал пальцем по руке Изабеллы. — Возможно, я даже приглашу кого-нибудь в гости.

Изабелла едва не подпрыгнула на месте.

— Уверена, что твои приятели прекрасно проведут вечер за бильярдом и насладятся щедрым

количеством фирменного виски.

— Бильярд... — задумчиво произнес Мак. — Ну что ж, игра в бильярд в хорошей компании могла бы доставить мне удовольствие. — Он взял руку Изабеллы в тонкой лайковой перчатке и стал чертить узор на ладони. — Я мог бы придумать для игры несколько интересных ставок. Не говоря о том, что кии, шары и лузы могли бы обрести двойной смысл в этой игре.

— Я вижу, тебе нравится слушать себя, Мак, — выдернула руку Изабелла. — А теперь я настаиваю, чтобы ты сказал мне, почему тебя не интересуют поддельные картины.

— Оставь это, Изабелла, — уже без улыбки на лице попросил Мак. — Я вычеркиваю это из нашей игры.

— Это не игра. Это наши жизни. Твоя жизнь. Твое искусство. Я была бы последней душой, чтобы играть в игру, которую ты придумал.

Экипаж замедлил ход, и Мак наклонился к Изабелле. Она не знала, где они сейчас находятся, а поднять занавеску и выглянуть в окно у нее не было сил.

— Это игра, любовь моя. — Мак смотрел ей в глаза. — Это самая серьезная игра, в которой я когда-либо участвовал. И я намерен выиграть. Я верну тебя, Изабелла, в мою жизнь, в мой дом, в мою постель.

Изабелла не дышала. Дышать означало вдыхать его запах, его тепло.

Его взгляд был жестким, радужки глаз неподвижны и холодны. Когда он смотрел на нее так, Изабелла верила, что его предки правили Шотландией и пронеслись почти по всей Англии, чтобы вернуть ее Стюартам. Мак был испорченным человеком, который посещал самые изысканные приемы, но джентльмены, выступающие в роли хозяев, мгновенно отступят перед таким взглядом. Мак был настроен решительно, а когда он полон решимости сделать что-то, берегитесь те, кто стоит у него на пути.

— Ну что ж, а я намерена отыскать того, кто подделывает твои картины. Если уж я играю в твою игру, то мне нужно установить свои правила.

Маку это не нравилось, но Изабелла достаточно хорошо знала его и понимала, что нельзя позволять ему абсолютно все делать по-своему. В противном случае она будет в проигрыше.

— Нужно — значит нужно, — согласился Мак, чем несказанно удивил Изабеллу. — Делай что хочешь.

— То же самое я сказала тебе, когда ты бросил меня на балу.

По внезапно яркой улыбке Мака Изабелла поняла, что просчиталась. Она не собиралась говорить эти слова, они сорвались с языка раньше, чем она успела подумать. Но, оставшись одна на холодной террасе, кутаясь в куртку Мака, она злилась, нервничала, чувствовала себя одинокой и напуганной.

— Делай, что ты хочешь, Мак Маккензи, — бессильно выдохнула она. — Абсолютно все, что хочешь.

— Отличное приглашение.

Мак обхватил руками ее лицо. Он сильный; Изабелла никогда не забудет, какой силой он обладает.

Мак поцеловал ее, но на этот раз никакой нежности в поцелуе не было. Это был грубый, жадный поцелуй, который подчинил ее, и у нее заболели губы. Изабелла с тревогой поняла, что так же жадно ответила на его поцелуй.

— Обещаю тебе, — Мак откинулся назад, — что это не идет ни в какое сравнение с тем, что я хочу сделать.

Изабелла хотела ответить язвительно, но у нее вдруг пропал голос. Мак мрачно улыбнулся ей, сгреб свою трость и шляпу и распахнул дверцу теперь уже остановившегося ландо.

Изабелла заметила, что они остановились в заторе уличного движения на Пиккадилли и ландо оказалось в опасной близости к столбам, отделявшим дорогу от зданий и людей. Мак спрыгнул на землю, не обращая внимания на ступеньку.

— До встречи, — нахлобучил он шляпу. — С нетерпением жду следующей встречи на любом поле боя по твоему выбору.

С этими словами он, насвистывая, пошел прочь. Изабелла смотрела вслед его широкой спине, пока он благополучно пробирался сквозь толпу. Потом кучер захлопнул дверцу, и она больше не видела Мака. Она вглядывалась в залитое дождем окошко, но знакомая фигура ее мужа затерялась в пелене дождя.

Чувствуя себя обделенной, она откинулась на спинку сиденья, и ландо тронулось с места и покатило по Пиккадилли.

Мак совершенно не переносил официальные музыкальные вечера, но спустя два дня после их с Изабеллой встречи сделал исключение и оделся, чтобы посетить один такой вечер в ее доме. Позади были две ночи беспокойного сна и воспоминаний о поцелуях в ландо. В своих лихорадочных видениях он продолжал фантазировать, расстегивая лиф ее платья, целуя мягкую грудь, выступавшую из корсета.

Маку пришла в голову мысль о том, что влечение к собственной жене имеет гораздо более разрушительную силу, чем влечение к незнакомке. Он отлично знал, как выглядит Изабелла без одежды, как раз по такой Изабелле он и скучал. Он вспомнил, как много раз раздевал ее, когда они поженились, с удовольствием отпуская Эванс и возлагая на себя обязанности прислуги по приготовлению Изабеллы ко сну. Проснувшись в одиночестве в поту и с ощущением тяжести в паху, он продолжал вспоминать, как слой за слоем снимал с нее одежду: лиф платья, юбки, нижние юбки, турнюр, корсет, чулки, рубашку.

Свет от камина будет ласкать ее кожу и танцевать в рыжих волосах. Потом Мак покроет поцелуями все ее тело. Он будет наслаждаться прикосновениями губ Изабеллы, каждым движением ее языка и запахом кожи. Он будет ласкать ее грудь, потом рука скользнет вниз, где истекает горячей влагой ее разгоряченная плоть.

Мак положит ее на пол или на кровать, а еще лучше — посадит в кресло и будет ласкать языком грудь, плоский живот и самое горячее местечко, которое ждет его прикосновений.

Ночь, которая последовала после их встречи в магазине Крейна и очаровательной поездки в ландо, Мак провел в мансарде, рисуя Изабеллу.

На этот раз он изобразил ее лежащей в постели на боку и спящей. Он рисовал по памяти, изобразив ее тело в расслабленном состоянии. Одна грудь своей мягкой округлостью касалась простыни, нога согнута, руки свободно лежали на подушке. Лицо было повернуто вниз, рассыпавшиеся волосы наполовину скрывали его, а между ног застенчиво выступал холмик волос коньячного цвета.

Как и на картине, где Изабелла была изображена в бальном платье, задний фон Мак оставил приглушенным, лишь намекнув мазками на расплывчатые тени. Постельное белье в кремовых тонах, волосы Изабеллы, губы и соски — единственные яркие цветовые пятна. А еще — бутон желтой розы в тонкой вазе. Мак рисовал желтые розы на всех картинах с Изабеллой.

Пока Беллами помогал ему надевать килт и застегивал черную куртку, Мак размышлял, сможет ли он сохранять самообладание, находясь в одной комнате с Изабеллой. Он не получил приглашения к ней на музыкальный вечер, но его это не остановило.

— Позволь мне войти, Мортон, — обратился Мак к дворецкому Изабеллы, приехав на Норт-Одли-стрит.

Мортон когда-то работал у Мака, но его поразила Изабелла и та ловкость, с которой она управляла домашним хозяйством. Ей было восемнадцать, но она прекрасно поняла, что Мак представления не имеет, как управлять полным домом прислуги, и в то самое утро, как только появилась в его доме, начала потихоньку все менять. Мак с радостью передал ей бразды правления и велел продолжать в том же духе. Когда Изабелла ушла от Мака, Мортон последовал за ней.

Мортон с надменным видом посмотрел на Мака. Поскольку он примерно на фут был ниже Мака, ему пришлось откинуть голову назад, но он справился.

— Ее светлость сказала, что сегодня вход только по приглашениям, милорд.

— Да я знаю это, Мортон. Тем не менее помни, что я плачу тебе за работу.

Мортону не понравилось грубое упоминание о деньгах, и он задрал нос еще выше.

— Только по приглашениям, милорд.

Мак пристально посмотрел на него, но у Мортонна был решительный характер. Он не собирался отступать в сторону, хотя прекрасно понимал, что Мак, если бы захотел, мог просто взять его за шиворот и убрать с дороги.

— Ладно, не обращай внимания. Передай ее светлости, что у нее хороший сторожевой пес.

Мак коснулся пальцами шляпы, приветствуя крупную женщину с огромными страусовыми перьями на шляпе, которая поднималась по ступенькам. Он почувствовал, что ей доставило удовольствие наблюдать, как Мортон только что дал от ворот поворот необузданному мужу Изабеллы.

Насвистывая какую-то веселую мелодию, Мак спустился по лестнице и через черный ход зашел на кухню. Те, кто там был, оторвались от своей работы и застыли от удивления. Кухарка, покрывавшая глазурью ряды булочек к чаю, замерла, и немного глазури с ложки упало на каменный пол. Посудомойка ойкнула и уронила грязную тряпку на пол.

— Присмотри за моими вещами, Мэтью, ты ведь хороший парень, — обратился Мак к лакею,

подавая ему шляпу и перчатки. — Не возражаете, если я стащу печенье с тмином, миссис Харпер? Я сегодня не пил чай. Спасибо, вы добрая женщина.

С этими словами Мак схватил кусок печенья и бросил себе в рот. Он подмигнул миссис Харпер, которая когда-то была помощницей повара в Килморгане.

— Милорд, — вспыхнула она, как школьница, — не может быть!

Мак съел печенье, пока поднимался по лестнице, вытер платком пальцы и толкнул дверь, обитую зеленым сукном. Он вышел в холл и едва опять не столкнулся с женщиной с огромными страусовыми перьями на шляпе. Мак поклонился ей, а она уставилась на него своими светлыми глазами, пока он жестом не пригласил ее следовать за ним в гостиную.

Глава 5

В доме нашего шотландского лорда и его супруги отмечены признаки напряженности. Джентльмен исчез, ходят слухи, что неделю назад он сбежал в Париж, а леди точно так же продолжает развлекать своих гостей. Все как будто замечательно в большом доме, отсутствие лорда убедительно объяснили его безумным желанием поработать на Монмартре.

Октябрь 1875 года

Единственным признаком раздражения Изабеллы, когда она увидела Мака, стало напряжение в его взгляде. Но многочисленные гувернантки из академии мисс Прингл учили ее быть любезной хозяйкой в любых обстоятельствах, что бы ни случилось.

Изабелла продолжала болтать со своими гостями, ни разу не взглянув на Мака открыто. А он завидовал той леди и джентльмену, с которыми она разговаривала, слегка наклонившись к ним с улыбкой на лице. Мак всегда обожал быть в центре внимания ее зеленых глаз, любил смотреть, как она поджимает губы, слушая его и обдумывая свой ответ.

Сегодня она была в платье из бордового атласа с открытыми плечами, которое при каждом ее движении струилось, как вода. Пышная грудь в декольте притягивала взгляды не только Мака, но и других присутствующих джентльменов. Мак сдержал стон. Видимо, скоро он начнет убивать людей.

Гостиная, состоящая из двух комнат, была переполнена, вечера у Изабеллы всегда пользовались популярностью. Мак приветствовал важных гостей, гостей попроще, послов, иностранных принцесс, старых друзей и просто знакомых. Художникам, представленным Изабеллой, всегда был обеспечен успех. О ней говорили как об обладательнице великолепного вкуса, и хотя ее собственная семья отношений с ней не поддерживала, остальное общество не видело причин избегать ее. Даже уход Изабеллы от мужа лишь немногих оттолкнул от нее. Все же Маккензи так богаты. Харт был вторым богатейшим герцогом в стране после королевских герцогов, и амбициозным людям хотелось снискать его поддержку и покровительство. И если это подразумевало посещение салонов и музыкальных вечеров невестки Харта, значит, так тому и быть.

Мак никогда не понимал любви Изабеллы к такому огромному количеству людей в доме, но вынужден был признать, что никогда и не пытался по-настоящему понять ее симпатии и антипатии. Он просто упивался ею, как хорошим вином, ничего не расспрашивая, позволяя ей

наполнять и вдохновлять его. Он никогда не задумывался о том, чтобы спросить, а как себя чувствует это самое «вино».

Ему не пришлось поворачиваться, чтобы понять, что Изабелла остановилась рядом с ним. Он узнал бы о ее присутствии, даже если бы был глухим и слепым среди песков в египетской пустыне.

— Странно, — услышался ее мелодичный голос. — Я что-то не припомню твоего имени в списке гостей.

Мак повернулся и затаил дыхание. Изабелла стояла рядом и была похожа на живое пламя. Рыжие волосы она украсила бутонами желтых роз, на шее переливалось бриллиантовое ожерелье, которое было на ней во время бала у лорда Аберкромби. Настоящая красавица, даже несмотря на то что в ее глазах сверкало раздражение — в его адрес.

— А почему бы мне не посетить один из известных музыкальных вечеров моей собственной жены?

— Потому что я не посылала тебе приглашение. Я бы запомнила, я сама писала их все.

— Не вини Мортон. Он сделал все, чтобы не пустить меня.

— О, я определенно знаю, кто виноват.

Мак пожал плечами, пытаясь демонстрировать беззаботность. Ерунда, что у него взмокли ладони и он боялся уронить стакан воды, который Мортон принес ему.

— Но теперь, когда я здесь, я мог бы оказаться полезен. За кем, по-твоему, мне следует поухаживать?

Морщинки вокруг глаз Изабеллы проступили еще резче, но она не стала выказывать свое неудовольствие на публике. Она для этого была слишком хорошо воспитана.

— За принцессой Бранденбургской и ее мужем. Они не слишком богаты, но очень известны и имеют большое влияние при дворе. Шотландия от них в восторге. Ты сегодня в килте, поэтому можешь в полной мере продемонстрировать им гостеприимство шотландского горца.

— Как пожелаешь, любовь моя. Я буду вести себя как настоящий шотландец.

Изабелла коснулась его руки и улыбнулась, и сердце Мака заколотилось с опасной скоростью. Он твердил себе, что эта улыбка предназначалась не ему. Изабелла понимала, что все внимание в гостиной приковано сейчас к ним, и хотела сделать из этого хорошую сцену. Она будет улыбаться до тех пор, пока не заболят губы, чтобы люди не говорили о забавном споре между Маком Маккензи и его живущей отдельно женой.

— Не перестарайся, Мак. Сегодня вечер миссис Монро, и я не хочу, чтобы ее обделили вниманием.

— Миссис кто?

— Сопрано. Ты бы знал это имя, если бы получил приглашение.

— Я пришел сюда сегодня по делу, моя дорогая. Но конечно, не для того, чтобы свести тебя с ума. Я пришел сказать тебе, что я не тратил время попусту. Я о том, кто подделывает мои

картины.

Улыбка Изабеллы стала более искренней. Мак переместил свой взгляд на локон, лежащий у нее на правом плече, и едва сдержал желание наклониться и взять его губами.

— Это правда? И что же ты сделал?

— Я поговорил с инспектором Уэллоузом. Изложил ему суть дела и просил помалкивать. Никакой официальной жалобы, никакого официального расследования.

— Понятно, — скептическим тоном сказала Изабелла и переключила свое внимание на гостей, которые собрались вокруг заметно нервничающей миссис Сопрано.

— А я-то думал, ты обрадуешься, что я серьезно отношусь к этой проблеме.

— Непохоже, что ты серьезно относишься к этому. — Изабелла, как обычно, смотрела мимо него. — Ты передаешь это дело мистеру Уэллоузу и при этом просишь его никуда не лезть и не задавать вопросов.

— Эти люди из Скотленд-Ярда обладают поразительной способностью раскапывать информацию.

— А у тебя есть поразительная способность не делать того, что тебе неинтересно. — Изабелла отвернулась. — Проводи принцессу на ее место. Мы начинаем.

Пальцы Мака скользнули по ее платью, когда Изабелла пошла вперед, а все его тело пылало страстным желанием почувствовать женское тепло, которое скрывал атлас.

Миссис Монро спела восторженным гостям, которые по окончании исполнения взорвались аплодисментами и криками «браво».

Изабелла заметила, что даже Маку понравилось. На его обычно насмешливом лице она увидела восторженное одобрение.

Господи, ну почему она не может оторвать глаз от этого человека? Она ни на минуту не поверила в его благовидное объяснение цели прихода сюда. Он якобы пришел сообщить, что разговаривал с полицией. Записки об этом было бы достаточно. Нет, Мак пришел сюда, чтобы показать ей свою власть над ней, убедить ее в том, что она сможет вычеркнуть его из своей жизни, только если он позволит ей это сделать. Он доказал, что даже ее преданный дворецкий не смог остановить его.

Выступление миссис Монро закончилось, и гости толпились вокруг нее. Теперь эта полноватая молодая женщина будет иметь успех. Изабелла передала ее в руки восторженной публики, а сама оглянулась туда, где сидел Мак. Он исчез.

Черт возьми! Знать, что Мак бродит по дому, но не знать где, напоминает ситуацию с залетевшей в дом осой. Невозможно уследить за ней, даже если не спускать с нее глаз.

— У тебя, Изабелла, дар открывать таланты.

Изабелла с трудом переключила внимание на Эйнсли Дуглас, старую школьную подругу из академии мисс Прингл. Эйнсли все еще носила траур по умершему мужу, но красота ее белокурых волос, румяных щек и серых глаз нисколько не потускнела.

— Я думаю, у нее все получится, — обеспокоенно ответила Изабелла, все еще пытаюсь отыскать взглядом Мака.

— Я подумала, может, тебе захочется это знать. Вчера я разговаривала с твоей матерью в торговой галерее.

Эйнсли смотрела на нее с безучастным видом, понимая, что вокруг слишком много гостей. Но она превосходно умела увилить. Всякий раз, когда повар мисс Прингл хотел знать, кто совершил набег на кладовку в предыдущую ночь, ни у кого не было, более удивленного и невинного лица, чем у Эйнсли. Сейчас она была одной из фрейлин королевы Виктории, но ее глаза по-прежнему выдавали в ней озорную девчонку-сорванца, какой она была прежде.

— С моей матерью? — Изабелла постаралась спросить это твердым голосом.

— Ну да. И с твоей сестрой Луизой.

Серые глаза Эйнсли переполняло сочувствие, и Изабелла ощутила тугой комок в горле. После ее первого бала и последующего бегства ей было запрещено видаться или разговаривать с матерью и с младшей сестрой. Прошло уже более шести долгих лет, но запрет отца, сурового графа Скрэнтона, все еще оставался в силе, даже после того, как она ушла от Мака.

— Как они? — с трудом нашла в себе силы спросить Изабелла, губы ей не повиновались.

— Все хорошо, — ответила Эйнсли. — Они с нетерпением ждут первого выхода в свет Луизы, который намечен на весну.

— Да, — Изабелла почувствовала, как болезненно сжалось сердце, — ведь Луизе уже семнадцать, самое время.

— Восемнадцать, как сказала твоя мать.

У Изабеллы перехватило горло, она всхлипнула. Луизе уже восемнадцать, а она просто потеряла нить событий, и от этого было еще больнее.

Она очень хорошо помнила день своего первого выхода в свет. Луиза помогала ей одеваться, фантазировала о том, что она будет делать на своем первом балу, и плакала, что еще слишком мала, чтобы идти на бал с Изабеллой.

Теперь Луиза сама будет в белом наряде с жемчужной ниткой, украшающей шею. Джентльмены станут внимательно рассматривать ее, оценивая в качестве будущей невесты.

— Я уверена, у нее будет успех, Изабелла. Луиза — очаровательная девушка.

Изабелла, поддавшись порыву, взяла Эйнсли за руки. Она не знала, как ей попросить подругу, не выказав при этом своего отчаяния.

— Когда ты в следующий раз увидишь Луизу, пожалуйста, передай ей, что я очень горжусь ею, — выдохнула Изабелла. — Но только чтобы мать не слышала, конечно.

— Ну конечно, передам, — улыбнулась Эйнсли и сжала руки Изабеллы. — И передам все, что Луиза пожелает передать тебе. Твоей матери не обязательно это знать.

— Спасибо тебе, Эйнсли. У тебя всегда было доброе сердце.

— Даже несмотря на то что говорили другие? — лукаво спросила Эйнсли и сцепила свои пальцы с пальцами Изабеллы в сложную конфигурацию, которую они придумали еще в академии мисс Прингл. — Леди из академии мисс Прингл всегда надежные друзья.

Они рассмеялись, и Эйнсли отправилась назад к гостям, где стояли ее брат с женой и другие поклонники таланта миссис Монро.

Изабелла вдруг поняла, что больше не может выдерживать эту толкотню. И поспешно направилась к дверям и вышла в полумрак холла. Она отдала распоряжение погасить свечи здесь и наверху на лестнице, чтобы у гостей не возникло желания бродить по дому. Здесь стояла тишина, и Изабелла облегченно вздохнула.

Вдруг ее внимание привлекло движение на верху лестницы, потом она ощутила запах табачного дыма. Изабелла сжала губы, подобрала юбки и стала подниматься по ступенькам вверх.

Она увидела человека, прислонившегося к перилам, но, подойдя еще ближе, поняла, что там стоят две фигуры. В темноте вспыхивали кончики двух сигар, освещая не только Мака, но и его высокого и тощего племянника Дэниела.

Изабелла отпустила юбки, и в тишине послышалось их мягкое шуршание.

— О Господи, Дэниел, как ты оказался здесь? Что ты делаешь в Лондоне?

— Я задал ему тот же вопрос, — сказал Мак каким-то уж слишком кротким голосом.

— До того, как ты дал ему сигару, или после?

— Я не виноват, — поднял руки Мак. — Это он дал мне сигару.

— Дэниел, — продолжала Изабелла, не обращая внимания на Мака, — ты сейчас должен быть у профессора на дополнительных занятиях.

— Я знаю, но не мог больше оставаться там. — Из всех Маккензи Дэниел меньше всех позволил частным английским школам ослабить его шотландский акцент. — Этот человек сумасшедший, и потом, чертовски несправедливо, что я заперт в Кембридже, а отец — на скачках в Сент-Леджере.

— Твой отец здесь, в Лондоне, — сказала Изабелла.

— Знаю, — сердито пыхнул сигарой Дэниел. — Дядя Мак только что сказал мне об этом. Но почему он здесь? Какие у него могут быть дела в Лондоне, когда вот-вот начнутся скачки?

— Ты еще слишком молод для этого.

Изабелла хмуро указала на сигару.

— Мне пятнадцать. Сигары мне дает отец. Он говорит, что мне надо учиться плохим привычкам джентльмена, чтобы не выглядеть излишне скромным, когда стану старше.

— Может, дяде Маку следует поговорить с твоим отцом?

— Дяде Маку не стоит вмешиваться в дела Кэмерона, — возразил Мак. — Если Кэмерон хочет испортить своего сына, кто я такой, чтобы останавливать его?

— Но он не портит меня, — запротестовал Дэниел. — Он запирает меня с этим стариканом, который едва говорит и заставляет меня целый день читать книги на латыни. Так нечестно. Когда отец был мальчишкой, он был просто невыносим. Все до сих пор вспоминают о том, что он выкинул в Харроу. Почему я не могу быть похожим на него?

— Но может, Кэмерон понял, что быть плохим невыгодно, — сказала Изабелла.

— Что-то непохоже, — фыркнул Дэниел. — Он все такой же, и теперь никто не остановит его. — В его взгляде вдруг появилась мольба. — Можно, я останусь здесь, тетушка? Только до начала скачек. Если я останусь с дядей Маком, отец найдет меня и даст хорошую взбучку. Вы же не расскажете ему, что я здесь, правда?

И хотя Дэниел был взрослым парнем, его мольба тронула сердце Изабеллы. Кэмерон беззаботно перемещал его между школой и домами братьев Маккензи, не всегда уделяя время сыну. Дэниел был очень одинок. Но это вовсе не означало, что ему следует позволять расти без контроля, что Изабелла должна закрывать глаза на то, что он не слушает отца.

— Я должна сказать «нет».

— Ну и ладно, — весело проговорил Дэниел. — Если вы меня выгоните, я всегда могу переночевать в сточной канаве или в публичном доме.

Мак хохотнул, и Изабелла сердито посмотрела в его сторону.

— Ты будешь спать в задней спальне наверху, — суровым голосом произнесла она. — Поднимайся наверх, а я пришлю кого-нибудь из слуг, чтобы приготовили для тебя постель. Но только до поездки в Донкастер, имей в виду, — продолжила она, видя, как запрыгал от радости Дэниел. — Там я верну тебя отцу. И только если ты будешь вести себя как следует. Любая проделка, и я немедленно пошлю за отцом.

— Я буду хорошо себя вести, тетушка. Мне все равно, если потом отец запрет меня с монахами, при условии, что я не пропущу Сент-Леджера.

— И никаких сигар.

Дэниел вынул сигару изо рта и бросил ее в старинную фарфоровую вазу на приставном столике.

— Тетушка Изабелла, скажите, а нельзя ли вместо лакея прислать приготовить для меня постель хорошенькую служанку?

— Нет! — воскликнули одновременно Мак и Изабелла.

— Всем своим служанкам, — продолжала Изабелла, — я дам разрешение отшлепать тебя хорошенько, если ты будешь докучать им. У них очень тяжелая работа, чтобы еще ты досаждал им.

— Ой, ну я только пошутил. — Дэниел схватил Изабеллу за руки и поцеловал в щеку. — Спокойной ночи, тетушка. Знаете, вы моя любимая тетушка.

— Я слышала, как то же самое ты говорил Бет около недели назад.

— Ее я тоже люблю, — рассмеялся Дэниел и помчался по лестнице в комнату на самом верху.

— Он с каждым годом становится все более неуправляемым, — вздохнула Изабелла.

Мак выудил сигару из ее бесценной старинной вазы и положил две сигары на край стола так, чтобы они не пожгли дерево.

— Ты умеешь обращаться с парнем, — отметил он.

— Я слишком мягкая для него. Ему нужна твердая рука.

— Но и нежная — тоже, — подчеркнул Мак.

— Я помню утро после нашей свадьбы, когда Дэниел пришел в наш дом на Маунт-стрит и по ошибке принял меня за одну из твоих моделей.

— А я помню, как дал ему затрещину за его нахальство.

— Бедняга, он же не знал. — Изабелла повернулась к перилам, увидела, как разговаривают и веселятся внизу ее гости, и задумалась, почему ей не хочется спускаться к ним. — Ему было всего девять лет, он искал убежища, потому что его опять выгнали из школы и он боялся сказать об этом Кэму.

— Не надо ему сочувствовать. Этот «бедняга» бросил мне в сюртук мышь, чтобы отомстить за полученную затрещину.

— Мне кажется, что вы оба так и не повзрослели.

— А мы повзрослели.

Руки Мака обвили ее талию. Она почувствовала его тепло, турнюр согнулся под тяжестью его тела, и его губы обожгли изгиб ее шеи.

Глава 6

Щедрое суаре, устроенное на Маунт-стрит в прошлую субботу, было несколько омрачено отсутствием лорда. Леди уверяла своих гостей, что его светлость всего лишь немного опаздывает, но в предрассветные часы стало известно, что он отправился в Рим. Может, он не туда свернул?

Февраль 1876 года

— Я должна спуститься вниз.

Изабелла, закрыв глаза, до боли в пальцах сжала перила.

— Они сами себя развлекают. — Мак тихонько покусывал зубами ее шею. — Им и без тебя весело, ты организовала все как надо.

Он прав. Теперь все внимание гостей сосредоточилось на сопрано. Задачей Изабеллы было пробудить интерес к таланту певицы, и она с этим справилась. Теперь можно и за кулисы. Отличный предлог задержаться.

Руки Мака скользили по атласному лифу платья, а память Изабеллы перенесла ее на несколько

лет назад и вернула в тот вечер, когда они с Маком устроили первое грандиозное суаре на Маунт-стрит. Тогда они тоже стояли на лестнице, пока гости бродили внизу, сгорая от желания узнать, какие перемены внесла свадьба в холостяцкую жизнь Мака. Изабелла чувствовала себя тогда сумасбродной, безнравственной и дерзкой. Все эти люди, многие из которых были уважаемыми членами общества, понятия не имели, что она стоит в тени наверху, позволяя своему распутному мужу любовно покусывать ее шею.

— Ты по-прежнему носишь ради меня желтые розы, — выдохнул Мак.

— Не обязательно ради тебя, — еле слышно возразила Изабелла. — Рыжие волосы не стоит украшать розовыми цветами.

— Ты всегда носишь то, что тебе нравится, и посылаешь к черту всех своих критиков.

Мак покусывал ей мочку уха, захватив губами сережку.

Как же легко было уступать ему. Позволять ему прикасаться к ней, чтобы она забыла боль и печаль, отчаяние и гнев и жгучее одиночество.

Она уже делала это раньше. Она улыбалась ему и каждый раз принимала его после очередного исчезновения, и у них опять все было хорошо. И даже лучше. Это было счастье. Его трудно было выразить словами, море счастья, которое бушевало в ней с такой силой, что она боялась развалиться под его натиском.

Но потом все начиналось сначала. Почти всепоглощающее внимание Мака уступало место раздражению, несдержанности с обеих сторон. Сначала их ссоры бывали незначительными, потом превращались в громкие скандалы. А потом уязвленный и впавший в тоску Мак ударился в пьянство и безрассудное поведение, пока Изабелла однажды не обнаруживала, что он снова исчез.

Мак наклонился и снова нежно прикусил мочку уха, и неприятные воспоминания растворились в чувственном восторге. У него были горячие губы, а язык касался именно тех мест, где кожа была наиболее восприимчива к ласкам. Где-то внизу болтали и развлекались гости, даже не подозревая, что на лестнице в тени стоят двое. Мак переместил руку к декольте Изабеллы, и пальцы скользнули внутрь.

Изабелла прижалась к нему, пока его рука легко ласкала грудь, и повернула голову, чтобы Мак нашел ее губы.

Это он научил ее целоваться, показал ей все способы. Свои уроки он начал на холодной террасе ее отца и продолжил их в экипаже по пути в дом епископа. А потом еще, когда они ехали к нему домой и на ее пальце уже красовалось кольцо, надетое им во время церемонии бракосочетания.

Мак отнес ее тогда наверх в свою спальню и показал, что все ее представления о том, что делают в спальне муж и жена, неправильные. Не надо лежать тихо и спокойно, пока муж получает удовольствие от твоего тела, как будто выполняешь «обязанность». Не надо молиться про себя, чтобы это поскорее закончилось. Никакой застенчивости и страха.

Изучая ее тело, Мак прикасался к ней так, как будто она была изящным предметом искусства, и поощрял проявляемый ею интерес. Он был невероятно нежным и любящим, но и неистовым одновременно. Он дразнил ее, заставлял краснеть, учил дурным словам и позволял исследовать свое тело. Мак лишил ее девственности медленно, не спеша, не причинив боли. У

него были различные масла, и он пользовался ими, чтобы безболезненно овладевать ею, снимая ее напряжение.

Мак смазывал ими руки, чтобы они скользили по ее телу, и показывал, как Изабелла, в свою очередь, сама может доставить наслаждение ему. Он объяснил, что может получить радость, лежа рядом с ней, но даже не проникая внутрь ее тела, а потом доказал, что и сам может сделать для нее то же самое.

Изабелла влюбилась в его нежность, силу, игривость. Ей нравилось наблюдать, как за мгновение до наступления пика страсти гаснет его улыбка. Она обожала слушать, как он смеется, ворчит. Даже его раздражение, которое через мгновение переходило опять в смех, не досаждало ей.

Изабелла перевела взгляд на дверь своей спальни, что была примерно в пяти футах от того места, где они стояли. Внизу смеялись и разговаривали люди, не подозревая, что они с Маком стоят здесь наверху и его язык обследует влажное тепло ее рта. Ради удовлетворения страстного желания она была готова на все. И спальня была совсем рядом.

Мак прервал поцелуй и отстранился от нее, лишив ее тепла своего тела.

— Нет, — выдохнул он, — этого я не хочу.

— Но ты же хочешь этого, — заморгала ресницами Изабелла.

Внезапный холодок, скользнувший по коже, был как пощечина.

— Чего ты хочешь, — чтобы я тебя поцеловала или чтобы выгнала? Уж будь последовательным, пожалуйста.

— Я хочу все, — с горящим взглядом ответил Мак и провел рукой по волосам. — Мне не нужны крошки.

— Я не могу дать тебе все, — покачала головой Изабелла. — Не сейчас.

— Я знаю. Но пойми, я хочу, чтобы ты была в моей постели и просыпалась рядом со мной без стыда, без сожалений, не выталкивая меня за дверь, чтобы кто-нибудь не увидел. Мне нужно твое доверие, полное и безоговорочное. И пока я не получу все это, я буду бороться.

— А у меня какие гарантии, что ты, сделав меня безумно счастливой, потом не умчишься куда-нибудь опять? — звенящим от смущения голосом спросила. Изабелла. — Как это повторялось уже много раз, когда ты оставлял меня одну, потом возвращался несколько недель спустя, ожидая прощения.

Мак снова приблизился к ней и обхватил ладонями ее щеки.

— Я знаю, как плохо поступал с тобой. И снова и снова наказывал себя за это, поверь мне. Если от этого тебе станет легче, то знай, что после того, как я бросил пить, первые месяцы были для меня адом на земле. Мне хотелось умереть, и, возможно, так и случилось бы, если бы не Беллами.

— Мне от этого не легче, — печально заметила Изабелла, — и даже неприятно думать об этом.

— Не волнуйся, я научился пить чай вместо виски. Мне кажется, я уже не могу жить без чая.

Беллами находит и заваривает самые экзотические смеси. Он в этом деле мастер. — Мак провел пальцем по щеке Изабеллы, и она ощутила его нежность. — Но я расскажу тебе, почему мне сейчас лучше. Потому что за все эти годы, когда мы жили порознь, никто из нас не попытался искать утешения с другими. Это говорит о многом.

— Мне это говорит о том, что я была слишком подавлена, чтобы опять когда-нибудь доверить свое сердце мужчине.

Мак улыбнулся своей захватывающей дух улыбкой, и Изабелла спасовала. Ему всегда удавалось одерживать верх. Но как — она не знала.

Хотя нет, знала: Мак Маккензи был мастером обольщения.

— Значит, у меня по-прежнему есть шанс. В один прекрасный день ты попросишь меня остаться, Изабелла. Когда-нибудь. И я останусь. Обещаю.

С этими словами Мак выпустил ее из объятий.

— Нет. — Изабелла сложила руки на груди. — Я не должна снова видеть тебя. Не возвращайся в мой дом. Это нечестно.

— А я и не стремлюсь быть честным, — рассмеялся Мак. — Я борюсь за сохранение нашего брака. Честность здесь ни при чем. — Мак снова обнял ладонями ее лицо. — Но сегодня вечером я оставлю тебя твоим гостям и не стану давать повода для лишних разговоров.

— Благодарю, — резко выдохнула Изабелла, еще не понимая, стоит ли радоваться такому развитию событий.

— Сейчас нам лучше спуститься вниз, пока кто-нибудь случайно не обнаружил, что мы вместе исчезли. Появятся самые нелепые домыслы. Лондон обожает посплетничать.

Мак поправил Изабелле край декольте, который он сдвинул, и от прикосновения его пальцев она ощутила жаркую волну, прокатившуюся по телу.

Мак снова коснулся ее губ, в его глазах пылала страсть, но он, взяв Изабеллу за плечи, развернул ее в сторону лестницы.

Когда Изабелла спустилась вниз, гости в холле окружили ее, и ей пришлось отвлечь на них свое внимание. Краешком глаза она видела, что Мак сошел по ступенькам и смешался с толпой, разговаривая с кем-то, улыбаясь, пожимая руки, как будто он по-прежнему являлся хозяином дома. Изабелла слышала его смех, потом ее увлекли в гостиную, и она потеряла Мака из виду. Когда она спустя некоторое время снова появилась в холле, чтобы проводить гостей, Мака уже не было.

Раннее утро застало Мака в его студии. Он внял рассерженному взгляду Беллами, повязал голову красным цыганским платком и стал смешивать краски на палитре.

Занятие живописью отвлекало его от страсти к Изабелле. Нет, отвлекало — это неточно сказано. На несколько коротких мгновений это удерживало его страсть в рамках. Вот так вернее.

Картина, где он изобразил ее спящей на боку, все еще не высохла. Она стояла на подставке между двумя столами, а на мольберте был закреплен новый холст, на котором он пытался

реализовать свой замысел, недавно возникший в его воображении.

На этой картине Изабелла также была обнаженной. Она сидела на полу, вытянув ноги перед собой и слегка согнув их в коленях. Локти она поставила на колени, выгнув обнаженную спину.

Волосы, прописанные в золотисто-коричневых тонах, частично закрывали ее лицо и беспорядочно рассыпались по плечам, скрывая все, кроме четкой линии груди. Она будто пристально рассматривала лежащий на полу рядом с ней полуоткрытый бутон желтой розы.

Когда работа была закончена, Мак взмок от пота, хотя в студии было холодно. Он отступил назад, тяжело дыша, и стал внимательно изучать свое творение. Картина была наполнена жизненной силой, гармоничные линии тела излучали красоту, спокойствие и чувственность.

Вчерашние поцелуи, ощущение ее гладкой кожи под пальцами, тепло ее дыхания — все это разожгло в нем желание такой силы, что Мак почувствовал, что не сможет это вынести и потеряет сознание. Он перехватил вчера ее взгляд в сторону двери недалеко оттого места, где они стояли, и догадался, что это дверь в ее спальню, он из последних сил удерживал себя, чтобы не схватить ее, не забежать с ней в спальню и, бросив ее на кровать, не сорвать с нее это красивое атласное платье. Прежде он проделывал это, и Изабелла в те времена сдавалась ему со смехом.

Мак обмакнул кисточку в темно-коричневую краску и нацарапал внизу картины «Мак Маккензи». Погоня за Изабеллой вдруг показалась ему очень глупой затеей. Мак опасался, что в этой погоне растеряет остатки здравого смысла.

Он бросил кисточку на стол и в этот момент почувствовал едкий запах горения.

Открыв дверь студии, Мак заметил клубы черного дыма из двери напротив. Сорвав тяжелую ткань занавеса, он бросился к двери и распахнул ее.

Пламя расплзлось от горы сломанной мебели в центре комнаты, пожирая на своем пути сухой деревянный пол и кучу старых штор. Оно уже охватило мебель, которая еще оставалась целой: резной комод, старый шезлонг, колыбель.

Мак бросился в комнату, и понимая, что все усилия теперь уже напрасны, все равно размахивал тканью, пытаясь сбить пламя. Он слишком поздно заметил происходящее, настолько был увлечен творчеством, а теперь пламя вышло из-под контроля.

— Милорд!

Мак выбежал на крик Беллами и толкнул дверь соседней комнаты, где спали две служанки.

— Просыпайтесь! Вставайте и бегом отсюда! Поторопитесь!

Две девушки, проснувшись, завизжали, перепуганные тем, что их разбудил сам хозяин дома, на котором ничего, кроме килта, не было.

Мак оставил их и бросился в свою студию. С губ срывались все известные ему ругательства, пока он собирал три законченные им картины. Он осторожно составил их вместе, проложив между ними специально сделанную рейку. Конечно, кое-что размажется, но, надо надеяться, он все сможет поправить. Все картины он завернул в простыню и, выходя из студии, наткнулся на Беллами, который поднимался по ступенькам.

Весь холл теперь застилала плотная пелена дыма, огонь добрался до двери в мансарду. Мак закашлялся.

— Мэри и Сэл еще не спускались вниз, — крикнул Беллами.

— Вынеси это на улицу, — сунул ему картины Мак. — А я выведу Мэри и Сэл.

— Нет, милорд. Это вы пойдете вниз. Немедленно!

— Беллами, эти холсты стоят моей жизни. Храни их вместе со своими. Давай, иди.

Мак выпустил картины из рук, так что Беллами вынужден был подхватить их. Бросив на Мака полный отчаяния взгляд, он стал спускаться по лестнице, удерживая в больших руках завернутые в простыню картины.

Мак опять толкнул дверь в комнату прислуги. Одна стена была охвачена огнем, в воздухе висела плотная пелена дыма. И Сэл, и Мэри были на полу, Сэл кашляла. Обе застряли здесь из-за того, что пытались одеться.

— Давай-давай, — Мак подхватил Сэл за талию, — пошли.

— Мэри, — всхлипнула Сэл.

Мэри лежала на полу без движения. Мак наклонился, поднял ее и закинул себе на плечо, одновременно подталкивая перед собой Сэл.

Лестничная площадка уже была объята огнем. Мак услышал скрип и треск, и ступеньки, ведущие вниз, рухнули.

— Мы в ловушке, — взвизгнула Сэл. — Мы в ловушке!

— Милорд!

Беллами стоял внизу и с тревогой смотрел вверх.

— Черт возьми, Беллами! Вынеси эти картины отсюда. Мы выберемся через крышу.

Мак затолкал Сэл назад в студию и захлопнул дверь. Через несколько секунд огонь прорвется в эту комнату, которая под потолок заполнена красками, скипидаром, деревянными рамами, холстами.

Мак вытащил стол на середину комнаты, залез на него и открыл слуховое окно. Сначала он подхватил Сэл и вытолкнул ее через открытое окно. Сэл мужественно ухватилась за шифер на крыше и выкатилась наружу, оттолкнувшись ногой от плеча Мака.

Мак спрыгнул на пол и поднял Мэри, которая понемногу начала приходить в себя. У нее дрогнули ресницы, она открыла глаза и едва не задохнулась от ужаса.

— Сейчас не время визжать, моя дорогая, — улыбаясь, подмигнул ей Мак. — Надо лезть вверх.

Сэл, наклонившись в окно, помогла Маку подтянуть Мэри вверх и вытащила ее на крышу. Мак подпрыгнул, ухватился за выступ и протиснулся сквозь окно на крышу как раз в тот момент, когда огонь ворвался в студию.

— Что нам теперь делать? — отчаянно взывала Сэл. — Здесь так высоко.

— Мы должны выбраться отсюда раньше, чем огонь доберется до моих красок. Вперед!

Мэри начала плакать, с ужасом глядя на крыши. Сэл вела себя немного сдержаннее и отчаянно сжимала руку Мака. Обе девушки буквально прилипли к нему, но позволили тащить их по покато́й крыше к крыше соседнего дома.

Этот дом в настоящее время пустовал, Мак знал, что семья уехала в деревню. Слуховое окно было закрыто и не поддавалось усилиям Мака. Он сорвал с головы цыганский платок, намотал его на кулак и ударил по стеклу. Стекло оказалось толстым, и бить пришлось несколько раз. Мак сильно поранил руку, но в конце концов просунул её через дыру в стекле и открыл задвижку.

Он спустился внутрь холодной мансарды, где был застоявшийся, но не задымленный воздух, и, протянув руки, помог спуститься сначала Мэри, потом Сэл. По длинной лестнице они спустились к входной двери дома.

Девушки зарыдали от облегчения, когда Мак открыл дверь. Здесь собрались люди из соседних домов, они уже выстроились в одну цепочку с ведрами заливать пожар. Мак тоже присоединился к ним, пока звон колокольчиков не оповестил о прибытии пожарной бригады с насосами и шлангами. Возможно, эти механизмы и не спасут дом Мака, но они могут предотвратить распространение пожара дальше по улице.

Мак хмурым взглядом встретил подбежавшего к нему Беллами.

— Где, черт возьми, мои картины?

— В вашем экипаже, милорд. Я вывел экипаж с лошадьми из конюшни.

— Мне кажется, ты заслужил повышения жалованья, Беллами. — Внутри у Мака словно что-то отпустило. — Ты, случайно, не прихватил одну из моих рубашек, а?

— В экипаже, милорд. Полный комплект одежды.

— Ты замечательный человек, — похлопал его по плечу Мак. — Неудивительно, что ты победил всех своих противников.

— Подготовка, милорд. — Беллами посмотрел на дом и клубившийся над ним дым, на переполненную людьми улицу, на пожарных, заливавших водой стены. — Что мы теперь будем делать?

Мак засмеялся, потом смех перешел в кашель.

— Мы залезаем в экипаж, который ты так предусмотрительно подготовил, и находим место, где можно переночевать. Мне кажется, я знаю, куда ехать.

Изабелла перегнулась через перила, где несколько часов назад ее целовал Мак, и, дрожа, плотнее запахнула халат.

— Мортон, что, в конце концов, происходит?

Звуки голосов, доносившихся снизу, не смолкли, и Мортон не отвечал. Изабелла стала быстро спускаться по ступенькам и, не дойдя до последней, остановилась в изумлении.

Все домашние Мака — Беллами, повар, лакеи и две служанки — шли друг за другом к черной лестнице, возбужденно рассказывая что-то Мортону и другой прислуге Изабеллы.

— Вам надо было видеть его, мистер Мортон, — сказала служанка, которую звали Мэри. — Его светлость был похож на героя из журнальной статьи, когда выносил нас на улицу и вел по крыше.

Изабелла сложила руки у рта и крикнула:

— Мортон!

Из столовой с высокомерным видом вышел Мак и широко улыбнулся Изабелле. Рубашка была расстегнута до пояса, килт местами прогорел, лицо перепачкано сажей, рыжеватые волосы подпалены.

— Прошу простить меня, ваша светлость, — сказал Мак, нарочито подчеркивая лондонское просторечие. — Не могли бы вы изыскать возможность и приютить меня и мой цыганский табор?

Глава 7

На Маунт-стрит опять кипит веселье, поскольку рыжеволосая леди устроила по поводу окончания сезона бал, который длился весь день и всю ночь. Лорд и леди опять ворковали и целовались, среди приглашенных замечены самые блистательные персоны страны, включая старшего брата лорда, достопочтенного герцога. Тем временем отец леди, грозный пэр, проводит время за чтением нотаций на тему сдержанности и скромности.

Июнь 1876 года

— Мак, что, черт возьми, случилось? — застыв на лестнице, спросила Изабелла.

Мак смотрел на нее, продолжая улыбаться, но глаза темнели от гнева. Мортон повел всех, включая Дэниела, к черной лестнице. Дверь за ними захлопнулась, и звуки голосов стали тише.

— Кто-то поджег верхний этаж моего дома. Пожарным удалось потушить огонь, и он не успел разрушить весь дом, но верхние этажи сильно пострадали.

— А твоя студия? — широко распахнула глаза Изабелла.

— Сгорела. По крайней мере я так думаю. Пожарные не позволят мне вернуться туда.

— И там все сгорело? — Изабелла почувствовала, как болезненно сжалось сердце. — Абсолютно все?

— Да. — Взгляд Мака смягчился. — Все сгорело, мне очень жаль.

Изабелла тяжело сглотнула, спазм перехватил горло, и она вытерла слезы, покотившиеся из глаз. Как глупо, сердито подумала она про себя. Зачем лить слезы над тем, что там сгорело, когда Мак и его люди спаслись?

— Твоя прислуга, конечно же, может оставаться здесь, — справилась с волнением Изабелла. —

Я, не стану выгонять их на улицу.

— А как насчет хозяина, ваша светлость? — Мак положил руку на перила лестницы, неуютно чувствуя себя в своей потрепанной одежде. — Неужели его можно выставить на улицу?

— Тебе по средствам снять номер в отеле.

— Меня в таком виде не примет ни один отель, дорогая. Мне надо срочно принять ванну.

Изабелла мгновенно представила Мака в своей большой ванной комнате лежащим в ванне и напевающим какую-то шотландскую песенку. Мак всегда пел в ванне. По какой-то странной причине от этой мысли у нее забурлила кровь.

— Кэмерон в городе, — начала предлагать варианты Изабелла.

— Да, но он поселился в отеле «Ланем». Та же проблема.

— Даже представить себе не могу, что в Мейфэре у тебя нет больше друзей, которые могут приютить.

— Мои друзья сейчас в деревне, занимаются верховой ездой или охотятся. Или уехали в Париж или в Италию писать пейзажи.

— А дом Харта? Там всегда можно остановиться.

— На дворе — полночь, я никого не хочу поднимать среди ночи. — На губах Мака вновь появилась вульгарная ухмылка. — Боюсь, ты моя последняя надежда, дорогая.

— У тебя плохо получается врать. Я только надеюсь, светские газеты не станут писать, что ты сам устроил пожар, чтобы найти повод явиться сюда.

— Я задушу их, если они это сделают. — Улыбка исчезла с лица Мака. — Сэл и Мэри едва не погибли в огне.

— Я знаю. — Изабелла вздрогнула, ощутив всю трагичность ситуации. — Ты никогда не отличался жестокостью.

— О, я могу быть жестоким, дорогая. Даже не сомневайся. — Мак стал подниматься к ней по ступенькам, от него пахло едким дымом. — Того, кто сделал это, не волновало, что всего в десяти футах от места возгорания спали две девушки. Он не думал, что могли пострадать и другие люди, — гневно сверкал глазами Мак. — Кем бы ни был этот человек, он не знает смысла слова «жестокость». Но уверяю тебя, любовь моя, он его узнает.

Мак пел в ванне.

Ванная комната была построена в доме Изабеллы прежним владельцем. Ее втиснули между передней и задней спальнями на втором этаже, из каждой спальни сюда вела дверь. К ванне и раковине была подведена вода, которая подавалась насосом из бака в подвале.

Изабелла застыла перед камином, уцепившись руками в подлокотники кресла. Полчаса назад она слышала, как Мак вошел в ванную комнату, они с Беллами о чем-то тихо поговорили, потом она услышала, как ванна стала наполняться водой. Наконец Мак погрузился в нее, Беллами ушел, и послышалась песня в исполнении Мака.

Изабелла никак не могла заставить себя лечь спать, пока за дверью ее спальни Мак принимал ванну. Она будет сидеть и ждать, пока он не удалится в свою спальню и в доме опять не воцарится тишина.

— Как это прекрасно, да прекрасно, быть главарем пиратов...

Баритон Мака затих, и Изабелла услышала плеск воды. Наверное, накупался, черт подери. Сейчас он встанет из ванны, с его мокрого тела будет капать вода, пока он дотянется до полотенца.

Изабелла сжалась, впившись ногтями в обивку кресла. Если бы Мак не остался таким же красивым мужчиной, каким был несколько лет назад, неужели ей было бы легче сегодня вечером выставить его за дверь? Вполне возможно, подумала Изабелла. Что было бы довольно несправедливо с ее стороны.

Нет, пришла ей в голову мысль, когда Мак опять начал напевать. Независимо от того, как он выглядит, он останется тем мужчиной, который завладел ее сердцем. Обаятельным, безрассудным, улыбчивым...

Мак снова запел, его голос звучал теперь тихо и угрюмо:

Я был в Шотландии рожден,

Я ей до гроба верен.

Но к смертному ложу теперь приведен

Любовью к И-и-за-а-белле.

Изабелла вскочила на ноги, подбежала к двери и с силой распахнула ее.

Мак лежал в ванне, по самую шею погружившись в мыльную воду, его руки были небрежно раскинуты по краям ванны. На плечах и на руках виднелись красные царапины и порезы от стекла, которое ему пришлось разбить, спасая своих служанок. Он улыбнулся застывшей в дверях Изабелле, рука которой замерла на ручке двери.

— Девушку звали Барбара Аллен, [2]— холодно заметила она.

— Правда? Наверное, я забыл слова.

— Ты засиделся здесь. — Изабелла сжала ручку двери, чувствуя, как взмокла ладонь. — Заканчивай, одевайся и уходи из моего дома. Теперь ты чистый и сможешь найти себе комнату в отеле.

— А я уже закончил.

Мак ухватился за края ванны и встал на ноги.

У Изабеллы пересохло во рту. Мак Маккензи всегда был обладателем восхитительного мужского торса, и сейчас ничего не изменилось. Вода капельками стекала по бугрящимся мышцам тела, с потемневших рыжих волос на голове и на груди. Его восставшая плоть была направлена прямо на Изабеллу, как будто искала ее прикосновений.

Губы Мака растянулись в дерзкой улыбке. Он провоцировал Изабеллу вести себя как та жестокая Барбара Аллен из баллады, высокомерная красавица, из-за которой умер человек. Он ждал, что Изабелла завизжит, закатит истерику или на крайний случай рассердится и хлопнет дверью.

Но Изабелла, удивленно подняв брови, застыла в неподвижности, прислонившись к дверному косяку, и всем своим видом выражала удовлетворение.

У Мака порозовели скулы, он вышел из ванны и заложил руки за голову, сцепив пальцы, чтобы продемонстрировать мышцы плеч и спины.

Замерев от восхищения, Изабелла наблюдала за игрой великолепной мускулатуры его тела.

Она заставила себя оставаться на месте, даже когда Мак направился в ее сторону. Изабелла уловила запах мыла, которое наверняка ему принес Беллами, и этот запах вернул ей воспоминания прошлых дней. На Маунт-стрит она часто проскальзывала в ванную, чтобы потереть Маку спину, сидя на краю ванны. Часто эти помывки заканчивались тем, что она оказывалась в воде вместе с ним, не успев снять с себя платье и все остальное.

вернуться

2

«Жестокая Барбара Аллен» — шотландская баллада.

Кровь застучала в висках у Изабеллы, когда Мак подошел ближе. Он собирался поцеловать ее. Он хотел обнять ее и целовать до тех пор, пока она больше не сможет отрицать, что он нужен ей.

Но в последний момент Мак шагнул к стене и снял с крючка полотенце.

— Разочарована? — поинтересовался он, заворачивая полотенце вокруг талии.

«Какая самоуверенность».

— Не говори ерунды.

Изабелла понимала, что Маку хотелось, чтобы она пострадала. Он хотел, чтобы она подумала над тем, что было между ними, сбросила с себя холодную вежливость, за которой пряталась, признала живую суть их отношений.

— Я не готова, — прошептала Изабелла.

— Я знаю. — Мак взял пальцами ее за подбородок. Вода стекала с его пальцев и катилась по шее Изабеллы. — Иначе ты не стала бы плакать из-за сгоревшей люльки.

— Может, это был знак? — выдавила она, чувствуя, как сжимается горло.

— Никакого знака, — хрипло сказал Мак, — ничего сверхъестественного и тем более таинственного. Пожар произошел в той комнате потому, что какой-то сумасшедший именно там совершил поджог.

— Я знаю.

Изабелла имела в виду, что огонь уничтожил напоминание о случившейся с ними беде и сжег дотла этот барьер отчуждения, и теперь они могли бы начать все сначала.

— Вот именно, моя девочка.

Полотенце вокруг бедер вовсе не делало его менее желанным, наоборот, Изабелле хотелось подцепить его пальцем и сдернуть.

— Умеешь сохранять благоразумие в любой грудной ситуации. Я всегда обожал в тебе это качество.

— Мисс Принта учила нас, что практичный здравый смысл важнее, чем умение разливать чай, — вздернув подбородок, ровным голосом ответила Изабелла.

— Я должен как-нибудь познакомиться с мисс Принта и поздравить ее с успехом.

— Вряд ли она захочет знакомиться с тобой. Она презирает мужчин.

— Возможно, для меня она сделает исключение? — Мак наклонился к Изабелле, и она почувствовала его теплое дыхание. — В конце концов, я влюблен в ее самую лучшую и самую умную ученицу.

— Я была там одной из самых плохих учениц.

— Лгунья.

Рука Мака скользнула по шее Изабеллы, застряла в волосах, и капелька воды с его руки покатила ей за воротник. Она почувствовала на своих губах его дыхание и закрыла глаза, ожидая мягкого прикосновения губ.

Но этого не произошло. Мак погладил ее шею и отпустил. Изабелла вздрогнула от разочарования, а Мак поцеловал себе кончик пальца, сморщившегося от воды, и приложил его к губам Изабеллы.

— Я передумал насчет гостиницы. В твоём доме намного уютнее. Увидимся утром, любовь моя.

С этими словами Мак направился к двери своей спальни и, едва открыв ее, сдернул с себя полотенце.

Изабелла бессильно прислонилась к дверям, не отрывая глаз от узких бедер Мака. Выше талии кожа отливала бронзовым загаром, а ниже, там, где от деревенского солнца ее закрывал килт, была бледной.

Изабелла вспомнила, как ей нравилось смотреть на обнаженного Мака, когда, разгоряченный после занятий любовью, он, сбросив простыни, отдыхал на кровати. Они смеялись, разговаривали, поддразнивали друг друга и снова занимались любовью. Им было так комфортно рядом. Только все это было очень, очень давно.

Мак с ухмылкой посмотрел на нее через плечо и, насвистывая что-то, прошел в спальню и закрыл за собой дверь.

Изабелла еще долго не могла сдвинуться с места. Потом все-таки вернулась в свое кресло и

застыла перед камином. О том, чтобы прилечь и поспать оставшиеся несколько часов, не могло быть и речи.

Утром Изабелла вошла в столовую и увидела две развернутые газеты, которые удерживали две пары мужских рук: одна пара — крупная и мускулистая, вторая — узкая и не такая сильная. Из-за газет раздавался обычный хруст тостов.

Изабелла уселась на стул, который для нее отодвинул Беллами, а ее собственный лакей поставил перед ней тарелку с яичницей и беконом. Вежливо поблагодарив обоих слуг, она приступила к сортировке почты, которая лежала на столе, справа от тарелки. За столом раздавался шелест переверачиваемых страниц и снова хруст тостов.

Надменные светские леди, возможно, удивились бы, увидев, что необузданных Маккензи приручили к жизни в домашних условиях. Это всего лишь иллюзия, пришлось бы сказать Изабелле. Газеты и завтрак лишь на время утихомиривали их.

Тем не менее такие дни в жизни Маккензи случались не раз. Завтраки в замке Килморган, когда под одной крышей встречались все четверо братьев, были счастливым событием, наполненным громким смехом и мужскими разговорами. Завтраки на Маунт-стрит отличались покоем и уютом.

Мак иногда под каким-нибудь предлогом подходил к Изабелле, садился рядом, сажал ее к себе на колени. Они обнимались, кормили друг друга остывшим завтраком. Изабелла посмотрела на газету Мака, которая выступала сейчас в роли барьера, и вздрогнула от воспоминаний.

Раздался стук во входную дверь. Беллами поставил на стол кофейник с дымящимся кофе и пошел открывать.

«Почему Беллами открывает дверь? — подумала Изабелла. — Где, интересно, Мортон? Мак находится в доме не более пяти часов, а уже меняет расписание работы слуг».

— Дай мне войти, Беллами, — послышался мрачный мужской голос. — Я знаю, что он здесь.

Дэниел приподнял газету и выглянул из-под нее. Он бросил на Изабеллу взгляд, полный мольбы, вскочил со стула и помчался к двери, через которую можно было попасть из столовой в библиотеку.

Мак положил газету и взял еще один тост. Кэмерон стремительно вошел в столовую и бросил грозный взгляд на Мака, Изабеллу, заметил поспешно отодвинутый стул и брошенную газету. Изабелла подала знак Беллами налить ей еще кофе, Мак откусил тост, а Кэмерон устремился к двери, ведущей в библиотеку, распахнул ее и влетел туда.

Послышались звуки борьбы, возмущенные голоса и резкий стук другой двери. Кэмерон снова вошел в столовую со стороны холла, волоча за собой упирающегося Дэниела.

— Отец, ну отпусти меня!

— Какого черта ты здесь делаешь?

Кэмерон толкнул его на стул.

— Тетя Изабелла сказала, что я могу остаться.

— Я подумала, так будет лучше, Кэм. — Изабелла как ни в чем не бывало продолжала просматривать почту. — Он бы опять сбежал, если бы я отправила его назад к твоему профессору.

— Ага, это похоже на правду.

Кэмерон отодвинул стул и рухнул на него всем телом. Он был в килте, предположительно оставшемся на нем с предыдущего вечера. Шейный платок помялся, лицо потемнело от пробившейся щетины на подбородке, но выглядел он бодро, сна не было ни в одном глазу, как и у Мака. Изабелла же, наоборот, чувствовала себя не в своей тарелке, оттого что не выспалась. Весь остаток ночи она страдала от бессонницы, сидя с открытыми глазами в кресле, зная, что Мак спит совсем рядом, через комнату от нее.

— Принеси мне что-нибудь поесть, Беллами, — сказал Кэмерон. — Я проголодался. И кофе. Много кофе.

Беллами уже спешил к нему с кофейником. Лакей открыл лифт для подачи блюд с одного этажа на другой, извлек поднос с тарелками и поставил перед Кэмероном.

— Ты же должен быть в Шотландии, отец, с лошадьми, — потер шею Дэниел. — Как ты узнал, что я здесь?

— Доктор Николе послал телеграмму в Килморган, что ты исчез. А Харт прислал телеграмму мне.

— Доктор Николе — рехнувшийся старикашка, — проворчал Дэниел. — Я думал, он слишком боится тебя, чтобы на меня жаловаться.

— Этот рехнувшийся старикашка, — Кэмерон резал бекон, — один из лучших физиков в Англии. А ты маленький наглец. Я хотел, чтобы он научил тебя хоть чему-нибудь.

— Уроки не стоят того, чтобы пренебрегать Сент-Леджером, — произнес Дэниел.

— На самом деле Дэниел обещал вернуться к занятиям, если ему позволят поехать на скачки, — подала голос Изабелла. — Правда, Дэниел?

— Правда, — радостно подтвердил Дэниел. — Я обещаю, что высохну над уроками и стану похожим на доктора Николса, если ты позволишь мне поехать в Донкастер с тобой. Чертовски несправедливо, если я пропущу скачки. Я никогда не пропускал Сент-Леджера.

— Следи за своей речью, когда рядом леди, — прорычал Кэмерон.

— Тетя Изабелла не возражает.

— Это не имеет значения. Извинись.

— Ой, ну хорошо. Прости, тетушка, за сквернословие.

Изабелла снисходительно улыбнулась Дэниелу, а Мак перевернул очередную страницу своей газеты. Кэмерон занялся своим кофе и протянул Беллами чашку, чтобы тот снова наполнил ее.

— Какого черта ты здесь делаешь, Мак? И почему Изабелла накрывает для тебя завтрак, а не вышвыривает тебя вон?

— Мой дом сгорел, — ответил Мак, не опуская газету.

— Что?

Мак свернул газету, подвинул ее Кэму и ткнул пальцем в статью под заголовком «Большой пожар в доме пэра в Мейфэре».

— Они допустили ошибку, — сказал Дэниел. — Дядя Мак не пэр, только дядя Харт является пэром.

— Читающей публике все равно, мой мальчик, — сказал Мак. — Им просто хочется почитать о пожаре в доме аристократа.

— Что, черт возьми, случилось? — спросил Кэмерон.

Мак стал рассказывать, и Кэм слушал, все больше недоумевая и сердясь.

— Ты думаешь, тот, кто подделывает твои картины, пытался поджечь твой дом? Почему? Потому что ты узнал о его делишках? Да как вообще этот ублюдок попал в твой дом? Прости, Изабелла.

— Большую часть дня моя входная дверь открыта, — пожал плечами Мак. — На дверях стоит лакей, но я думаю, что по понятным причинам на какое-то время он мог покинуть свой пост.

— Или впустил преступника, — предположил Кэмерон.

— Я бы удивился этому. Он преданный слуга, и я хочу поговорить с ним, но сегодня утром я разрешил прислуге поспать. У них выдалась тяжелая ночь.

— А Беллами не спит.

Изабелла выразительно посмотрела в сторону бывшего боксера, который завис над кофейником.

— Он отказался. — Мак строго посмотрел в сторону лакея, и тот вежливо ответил ему таким же взглядом. — Кажется, он считает, что, если хоть на мгновение выпустит меня из виду, на меня нападет наемный убийца.

— Вполне может быть. — Кэмерон отодвинул свою тарелку и приложил салфетку ко рту. Глотнув кофе, он со стуком поставил чашку на блюдце. — Здесь, Мак, под присмотром Беллами и слуг Изабеллы ты будешь в безопасности.

— Я тоже так думаю, — улыбнулся Мак и посмотрел на Изабеллу.

— Я уверена, что отель «Ланем» подойдет тебе больше, — холодно отреагировала Изабелла.

— Отель переполнен, — покачал головой Кэмерон. — Я слышал, как сегодня утром об этом говорил управляющий.

«Если Кэмерон возвращался в отель сегодня утром, то я съем свое столовой серебро», — подумала Изабелла, а вслух сказала:

— У Харта всегда дом открыт для приема гостей.

Братья переглянулись, безмолвно пытаюсь сообразить, как опровергнуть ее довод.

— Я могу пожить в доме Харта, — ухмыльнулся Дэниел.

— Нет, не получится, — отрезал Кэмерон. — Изабелла, ты не возражаешь, если Дэниел поживет у тебя до отъезда в Донкастер? Осталось всего несколько дней.

Дэниел одновременно и обрадовался, что поедет на скачки, и огорчился, что ему придется остаться у тетушки, которая не одобряет его курения.

— Я могу поехать в отель с тобой, отец. У тебя же есть уже номер, и я помещусь там как-нибудь.

— Я слишком часто отлучаюсь, чтобы присматривать за тобой должным образом, — покачал головой Кэмерон. — Тебе лучше всего остаться у Изабеллы. — Он встал, подошел к Изабелле и поцеловал в макушку. — Спасибо тебе за вкусный завтрак. Увидимся в поезде. Мак.

Кэмерон бросил последний сердитый взгляд в сторону сына и вышел из столовой. В холле он поблагодарил лакея, который бросился открывать ему дверь, и исчез.

В столовой стало тихо, как будто пронесся и стих ураган. Кэмерон Маккензи был похож на стихию.

Дэниел молча уставился в стол, а Изабелла с Маком продолжили завтрак. Дэниел сильно вырос за это лето и стал ростом почти с отца, поэтому рукава пиджака были ему коротковаты. Он больше не был мальчишкой, но и мужчиной еще не стал.

— Отец не хочет, чтобы я жил с ним, — произнес Дэниел.

— Просто отель переполнен, только и всего. — У Изабеллы от сочувствия сжалось сердце. — Отец прав, здесь я лучше присмотрю за тобой.

— Не надо меня опекать, тетушка. Он отправил меня к доктору Николсу, чтобы я не раздражал его, а теперь оставляет у вас по той же самой причине. Ему вообще наплевать, занимаюсь я физикой или нет. Он просто не хочет, чтобы я жил с ним в отеле. Он не прочь погулять с женщинами, и ему не хочется, чтобы пятнадцатилетний сын путался под ногами.

— Ты напрасно так переживаешь. Он хочет, чтобы тебе было хорошо, только и всего.

— Мальчишка прав, — подал голос Мак. Изабелла бросила на него предостерегающий взгляд, но Мак только покачал головой в ответ. — Кэм никогда не был домашним, и ты это знаешь не хуже меня. Уж не знаю, какая женщина может остепенить его, но я бы с удовольствием с ней познакомился.

— Чтобы он остепенился, как ты, дядя Мак? — немного повеселел Дэниел.

— Попридержи язык, парень.

— Оставь его в покое. — Изабелла кивнула Беллами, который тут же налила ей кофе. — Я рада, Дэниел, что ты остаешься у меня. Мы будем целый день играть, а вечером ты можешь пойти со мной в театр. Мне кажется, у дяди Мака слишком много своих дел, чтобы уделять нам время.

— Наоборот. — Мак поставил свою чашку. — Я совершенно свободен, — подмигнул он Дэниелу. — Кроме того, я отлично умею играть.

Следующие два дня Мак из последних сил старался не сойти с ума. Одна лишь мысль о том, что он живет в одном доме с Изабеллой и она спит в комнате рядом с ванной, не давала ему покоя — он не спал по ночам. Но из-за того, что кто-то поджег его дом, возможно, тот, кто подделывает его картины, а может, просто сумасшедший поджигатель, Маку хотелось быть рядом с Изабеллой. Несколько близких друзей Беллами из числа бывших боксеров согласились помочь присмотреть за ее домом. А еще Мак обратился к инспектору Уэллоузу с просьбой послать кого-нибудь понаблюдать за галереей Крейна на тот случай, если туда вернется человек, который подделывает его картины. Знающий свое дело инспектор обещал позаботиться об этом.

Тем временем Маку приходилось нелегко. Ему трудно было, живя рядом с Изабеллой, не прикасаться к ней. Он слышал, как служанка Изабеллы готовила для нее ванну, потом раздавался тихий всплеск воды, когда она погружалась туда. В такие мгновения Маку было особенно тяжело.

Он стонал и тер руками лицо, его тело требовало, чтобы он распахнул дверь ванной и погрузился в воду вместе с ней. Только ее руки могли успокоить Мака.

С одной стороны, день отъезда в Донкастер приближался для Мака очень медленно, а с другой, ему ужасно не хотелось покидать эту уютную обстановку, где они были вдвоем. Дэниел, конечно, тоже был в доме, мальчишка охотно сопровождал Изабеллу повсюду. Мак хвостом ходил за ними и очень хотел, чтобы Кэмерон позаботился о своем сыне сам, но он так и не решился отправить Дэниела к отцу.

За день до отъезда Мак заглянул в гостиную, пока Дэниел бродил по книжным магазинам, запасаясь книгами. То есть это Дэниел заявил, что он отправился по книжным магазинам, но сам скорее всего спрятался где-нибудь и играет в карты с друзьями.

Изабелла сидела у окна с видом на сад. На коленях у нее лежал открытый журнал, но она его не читала. Она смотрела на залитый дождем сад, каскад ее рыжих волос ярко выделялся на фоне серо-голубого платья.

Она оглянулась, когда он вошел, и Мак заметил ее покрасневшие глаза.

— Что такое, любовь моя?

Он подошел к софе и сел рядом с ней.

— Ничего, — отвернулась она.

— Я слишком хорошо знаю тебя, чтобы поверить. «Ничего» обычно переводится как «нечто ужасное».

Изабелла открыла рот, чтобы возразить, но промолчала и вынула лежавший между страницами журнала листок кремового цвета. Мак взял его в руки и прочитал.

«Моя дорогая сестра, я безмерно рада возможности вновь связаться с тобой. Миссис Дуглас я выразила свою глубочайшую благодарность. Этой весной состоится мое первое появление в обществе.

Смею ли я надеяться, что смогу увидеть тебя после своего выезда в свет? Я буду искать тебя на каждом суаре, музыкальном вечере и балу в ожидании одного только твоего взгляда, скупаю по тебе всем сердцем. Я не должна засиживаться над этим письмом, иначе

отец, что-нибудь заподозрит. Не осмеливаюсь подвергать тебя риску и просить ответить мне, но если ты передашь через миссис Дуглас какую-нибудь маленькую записочку или хотя бы обещание поцеловать меня, когда мы наконец встретимся, я буду дорожить этим как самым ценным бриллиантом. Всегда любящая тебя твоя сестра Луиза».

Пока Мак читал послание, в нем росло знакомое чувство гнева на отца Изабеллы. Граф Скрэнтон был человеком эгоистичным и самодовольным. Изабелла безутешно рыдала, когда, написав матери и сестре сразу после свадьбы, получила свои письма назад, разорванные на мелкие кусочки. К этому граф добавил суровую записку, запрещающую Изабелле все дальнейшие контакты с семьей. Скрэнтон так и не снял своего запрета, даже когда Изабелла перестала жить с Маком.

Мак вернул письмо Изабелле. Она положила его в карман платья, поближе к сердцу.

— Эта миссис Дуглас — твоя старая школьная подруга? — попытался отвлечь ее Мак. — Та, которая могла в ночной рубашке спуститься по оконной решетке?

— Она предложила передать привет Луизе, когда увидит ее, — кивнула Изабелла. — А теперь добилась, чтобы Луиза написала мне записку в ответ.

— Как мило со стороны миссис Дуглас.

Мак с трудом устроил свое крупное тело в уголке крошечной софы.

— Она очень переживает за меня, — слабо улыбнулась Изабелла. — Я благодарна ей за помощь.

— Я тоже.

Мак замолчал, и Изабелла опять уставилась в окно.

Граф Скрэнтон не умел прощать, как и отец Мака, хотя они были разными людьми. Отец Мака был веселым, горячим, вспыльчивым, а отец Изабеллы был холоден как лед и никогда не повышал голоса.

Мак вдруг подумал о том, как брак с ним разрушил жизнь Изабеллы. И то, что она прожила с ним три года, говорит о ее стойкости.

— Завтра мы уезжаем в Донкастер, — не оборачиваясь, сказала Изабелла. — Там ты не будешь жить в одном номере со мной, выбрось из головы эту мысль.

— А ты не будешь жить в отеле, любовь моя. — Мак положил руки на спинку софы. — Для всех нас, включая тебя и твою прислугу, Харт снял дом. Йен настаивает, что Бет там будет лучше, и я с ним согласен. — Он протянул ноги под чайный столик, все еще пытаюсь устроиться поудобнее. — И Бет захочет, чтобы ты была с ней.

— Мак, мы расстались, — гневно сверкая глазами, отрезала Изабелла. — Все кончено.

— Нет, не кончено.

Изабелла хмуро посмотрела на него, в зеленых глазах плескался гнев. Мак и этому был рад, только бы исчезло с ее лица горестное выражение.

— Я оставила тебя, чтобы сохранить здравомыслие, Мак. Вряд ли мне это удастся, если ты

продолжишь сводить меня с ума.

— Тебе нравится, что я свожу тебя с ума, — широко улыбнулся Мак. — Твоя жизнь проходит впустую, если я не задаю тебе жару. — Маку пришлось замолчать, когда Беллами открыл дверь и пропустил Эванс с чайным подносом. — О, чай, отлично. Я проголодался.

Изабелла с раздражением смотрела на поднос с двумя чашками. Прислуга, похоже, была в восторге от присутствия в доме Мака и приняла за правило готовить все на двоих. И Мака это радовало.

Беллами и Эванс удалились.

— Послушай, Изабелла, — мягким тоном произнес Мак, — ведь влюбленная парочка может вместе выпить чаю, не правда ли? Джентльмен приходит к леди, и она угощает его чаем.

— Но не наедине. — Изабелла взяла чайник. — Ее мать, строгая гувернантка или служанка обязательно сядет у стены и станет придирчиво смотреть на молодую пару.

— Хорошо, мы представим, что за пальмами, что растут в горшках, отдыхает двоюродная бабушка Гортензия. — Мак шутливо кивнул пустому стулу на другой стороне комнаты. — А что потом?

— Потом ничего. Я наливаю, ты пьешь.

Изабелла говорила и одновременно разливала чай по чашкам. У Мака на мгновение замерло сердце, когда она, ничего не спросив, все сделала так, как он любит: два кусочка сахара, чай без молока. Она все помнила.

Мак взял чашку и поставил рядом с собой, вежливо подождав, пока Изабелла сняла салфетку с корзинки и положила на фарфоровую тарелку овсяную лепешку. Он не стал ничего трогать, пока она не приготовила чай для себя; потом разломил лепешку пополам, намазав каждый кусок густыми топлеными сливками.

— Лепешки и топленые сливки получаются у англичан замечательно, — объявил Мак. — Конечно, придумали лепешки шотландцы, но англичане здорово их готовят.

— Я англичанка, — напомнила Изабелла.

— Я это знаю, моя очаровательная англичанка.

Мак откусил большой кусок лепешки. Изабелла, не отрывая взгляда, следила за его ртом, пока топленые сливки медленно растекались по его губам. Мак не спеша облизал их.

— Очень вкусно. — Его губы скривились в насмешливой улыбке. — Хочешь попробовать?

— Да, я бы попробовала, — покраснела Изабелла, чувствуя, как заколотилось сердце.

Мак поднес к ее рту жирно намазанный кусок лепешки. Изабелла взяла его губами, пытаясь языком подтолкнуть себе в рот. Тело Мака заныло от безумного возбуждения, пока он наблюдал, как она жевала и глотала.

— Вот еще здесь немного есть.

Мак поднял большой палец, перепачканный сливками.

Он ждал, что Изабелла оттолкнет его, состроит презрительную гримасу и объявит, что игра закончена. Вместо этого она поднесла его руку к своему рту, обхватила палец губами и слизала сливки.

— Ты жестокая женщина, — простонал Мак. — Бессердечная.

— Это почему?

Изабелла отпустила его руку и откинулась на спинку софы.

— Искушаешь меня, делая этот глоток.

— Но ведь ты сам отказываешься удовлетвориться глотком.

— Мне не нужен только один глоток, Изабелла. — Мак поставил тарелку на стол и провел рукой по волосам. — Я хочу тебя всю. Опять и опять, на всю оставшуюся жизнь. Это то, что подразумевает под собой брак, жена моя. Вместе навсегда. Связанные любовью.

— Из чувства долга, ты хочешь сказать.

— Англичанка, — рассмеялся Мак, — если бы ты думала, что брак бывает только из чувства долга, ты бы никогда не сбежала со мной. Когда мы встретились, ты же не думала что-нибудь вроде «Ах, вот он, лихой повеса. Убегу-ка я с ним, чтобы исполнить чувство долга». Нет, ты хотела совсем другого, вместо того чтобы выйти замуж за какой-то высохший пенек, который выбрал для тебя твой отец.

— Возможно, но судя по тому, что я видела, большинство браков превращаются в обязанность и привычку.

— О Господи, Изабелла, — откинулся на подушки Мак, — ты убьешь меня своим пессимизмом. Ну посмотри на Йена и Бет. Они сходят с ума друг по другу. И ты утверждаешь, что их брак превратился в скучную обязанность и привычку?

— Конечно, нет.

— И твой брак тоже не превратился в обязанность, признай это.

— Да, — тихо откликнулась Изабелла, — мой тоже не превратился.

«Спасибо тебе, Господи, за это. — Мак помнил те ночи, когда они, обнявшись в экстазе, медленно двигались, пока не находили ритм, устраивавший их обоих. — Обязанность... Какая чушь!»

— И доказательством этого является то, что, когда я свел тебя с ума, ты сбежала, — продолжал Мак. — Исполненная долга женщина осталась бы и терпела меня.

— Боже мой, мне жаль такую женщину.

— Знаю, потому что ты не такая. Тебе надо было как следует стукнуть меня по голове, причем неоднократно, чтобы я пришел в чувство.

— Но может быть, мой уход был нацелен именно на это.

— Ты определенно привлекла мое внимание. — Мак потянулся к кувшинчику со сливками,

чтобы скрыть свою боль, обмакнул в сливки два первых пальца и лукаво подмигнул Изабелле. — Теперь я осмелюсь спросить тебя, моя прекрасная леди из академии мисс Принта: с какой части моего тела ты хотела бы слизнуть эти сливки?

Глава 8

Леди с Маунт-стрит удалилась в свой загородный дом, где уже стали легендарными приемы, которые она проводит на открытом воздухе. Вид у нее очень довольный, несмотря на неожиданное отсутствие мужа. Она представила гостям поэтессу, которая, вероятно, покорит Лондон. Непокорный лорд, которого наиболее скандальная газета связывала с нашей леди, получил холодный и однозначный отпор, чем вызвал бурную радость газеты, ведь леди остается столпом добродетели.

Июль 1876 года

Изабелла уставилась на капли сливок, застывшие на пальцах Мака, и во рту у нее пересохло. Она не отрывала глаз от его пальцев, чтобы не видеть его лукавой улыбки и блеска в глазах.

Мак не думал, что она сделает это. Он думал, что она попросит его уйти или сделает резкое замечание. Он не думал, что она осмелится наклониться и осторожно поднять складку его килта. Но она сделала это.

— Что ты говорил, шотландцы носят под этим? — поинтересовалась она.

— Изабелла...

У Мака расширились зрачки и стали похожи на черные мерцающие угольки.

— Если ты думал, что твой вызов заставит меня покраснеть, как школьницу, то ты ничего не знаешь о школьницах.

Мак рассмеялся, но тут же замолчал, когда Изабелла встала, подошла к двери и повернула ключ в замке. Мак сидел на софе и следил за ее действиями с остолбеневшим видом.

— Сливки текут, — сказала Изабелла.

Мак перевел взгляд на струйки сливок, стекавшие с его пальцев. Изабелла подошла к нему, взяла за руку и облизала сливки.

Мак всегда был приятным на вкус. Изабелла наслаждалась нежной сладостью сливок, смешанной с острой соленостью его кожи.

Изабелла села и опять коснулась килта:

— Покажешь?

Мак с трудом сглотнул, ему уже было не до шуток. Он взялся за подол килта, сделал глубокий вдох и резко задрал его вверх.

Под килтом ничего не было. Изабелла увидела напряженно выступающую плоть. Дыхание Мака участилось, и восставшая плоть едва заметно пульсировала ему в такт. Изабелла помнила свои ощущения, когда держала ее в руках, а еще она помнила, как касалась ее

губами.

Маку всегда нравились ее ласки. Он даже шутил иногда, что в академии мисс Прингл Изабелла, должно быть, изучала науку о том, как доставить мужчине удовольствие.

— Это ты научил меня, Мак, — шептала Изабелла.

Он никогда не ходил в одном килте, ничего не надев под него. Изабелла точно знала, что Мак обычно носил подштанники, утверждая, что килт — это, конечно, традиционно шотландская одежда, но он не собирается морозить свое «хозяйство» в угоду традициям.

Сегодня ради нее он не надел ничего. Чтобы подразнить ее.

Ну что ж, настало время Изабелле поменяться с ним местами.

— Встань, — сказала она Маку.

Мак до смешного быстро вскочил на ноги, по-прежнему удерживая задранный вверх килт. Изабелла взяла кувшинчик с взбитыми сливками, обмакнула туда пальцы и намазала кончик его плоти.

— Ведьма, — выдохнул Мак.

Ему нравилось так называть ее всякий раз, когда она начинала какую-нибудь игру.

Это слово превратилось в стон, когда Изабелла наклонилась вперед и обхватила губами его плоть. Руки, удерживавшие килт, сжались в кулаки. Мак не потянулся к ней, не дотронулся до нее, он просто держал килт побелевшими от напряжения пальцами.

Изабелла слизала сливки с верхушки плоти и по бокам, куда они успели растечься. Мак немного покачнулся на пятках, но устоял на ногах.

Изабелла почувствовала, как по телу прокатилась волна предвкушения. Сердце бешено колотилось в корсете, грудь набухла, и ее собственная плоть истекала горячим желанием.

Они и раньше играли в такие игры: получали удовольствие, не снимая одежды, и выясняли, насколько далеко они могут зайти. Еще приятнее было заниматься этим в необычном месте, например в пустом холле рядом с бальным залом, в садовой беседке, в студии Мака. Изабелла помнила, как они старались сдерживать возгласы удовольствия и смех.

— Маленькая ведьма, — прошептал Мак. — Капризная кокетка. Моя прекрасная шаловливая женушка.

Изабелла опять взяла сливки. У Мака покраснелось лицо, в глазах читалось отчаяние. Она снова касалась его плоти, любовно намазывая ее сливками.

— Я не железный, любовь моя.

Свободной рукой Мак взъерошил ей волосы.

Но Изабелла не отвечала, старательно слизывая сливки. Скоро со сливками было покончено, и теперь она получала наслаждение, касаясь языком разгоряченной бархатистой кожи его плоти.

— Остановись, любимая, — Мак коснулся ее затылка, — иначе я не выдержу.

Он привык предупреждать ее в том случае, если существовала опасность быть захваченными врасплох, или они находились слишком близко к другим людям, или в том случае, если Изабелла не хотела доводить игру до конца.

Такая вежливость воодушевила ее, и она в ответ положила одну руку на его обнаженную ягодицу и осталась на месте не двигаясь. Изабелла чувствовала, как его плоть запульсировала энергичнее, и вслед за этим наступила разрядка.

— Я люблю тебя, — судорожно выдохнул Мак. — Я люблю тебя, моя маленькая английская ведьма.

Потом Изабелла отшатнулась, и Мак, тяжело дыша, рухнул на софу, и килт снова прикрыл его. Изабелла потянулась за чашкой, но Мак вырвал у нее чашку, поставил ее на стол и обнял Изабеллу.

Они долго сидели рядом. Мак обнимал Изабеллу, а ее голова покоилась у него на плече. Изабелла слышала удары его сердца и чувствовала его теплые губы на своих волосах. Если бы так было всегда, если бы они могли сосуществовать мирно, возможно, они смогли бы спокойно жить вместе. Но они оба были слишком взрывоопасными, слишком эгоистичными, и Изабелла знала это.

— Три с половиной года, — произнес Мак. — Прошло три с половиной года с тех пор, как я чувствовал это. С тех пор, как я чувствовал тебя. Спасибо тебе, любовь моя.

Изабелла подняла голову и, минуя щетинистый подбородок, посмотрела прямо ему в глаза, отливающие медью:

— Кажется, тебе это было необходимо.

— Дорогая моя, не считай это милостыней со своей стороны. Тебе это тоже понравилось.

— Может быть, я, как жена, посчитала это своим долгом, — слабо улыбнулась Изабелла.

— Придумай что-нибудь еще. Это ты говорила уже тысячу раз.

— О Боже, — расширила глаза Изабелла, — тысячу раз?

Мак разразился хохотом. Его дыхание пахло крепким чаем и сливками.

— Господи, как я скучал по тебе. Я так сильно скучал по тебе. — Мак медленно провел рукой по ее волосам. — Если кто-то и может приручить дикого Мака, то это ты.

— Кажется, мне не хочется приручать тебя. Ты мне нравишься диким.

— Правда? Это вселяет надежду.

Изабелла отклонилась от него и взяла теперь уже остывший чай. Чай был прекрасный, но его аромат был безнадежно утерян после пьянящего запаха Мака.

— Я не хочу торопить тебя, Изабелла. И не буду, обещаю.

— Но будешь рисковать отморозить себе все и переселишься в мой дом? — улыбнулась

Изабелла, и Мак улыбнулся ей в ответ.

А вот это было уже опасно для нее.

— Я никогда не обещал, что не стану мучить тебя, дразнить, досаждать, что не превращу твою жизнь в ад.

— Вот уж точно. Спасибо небесам, что мы едем в Донкастер, где с нами будет вся семья.

— О да, я предвкушаю момент совместного проживания с тремя братьями и с племянником, которые будут мешать нашему уединению и сведут меня с ума.

— А мне кажется, у тебя чудесная семья. Четыре брата, заботящиеся друг о друге.

— Братья, которые вечно суют нос в чужие дела, вместо того чтобы заниматься своими собственными. — Мак взял чашку и сделал большой глоток чая. — Я предпочитаю собственного лакея. Свое мнение он держит при себе, пока я не порчу одежду краской, и заваривает необычайно вкусный чай.

— Знаешь, — Изабелла сделала глоток, — еще девчонкой я читала роман о четырех сестрах в Америке. Они разделились на пары, совсем как вы: старшая сестра присматривала за младшей, как Харт за Йеном, а две средние присматривали одна за другой, как вы с Кэмероном.

— О Боже, — с поддельным ужасом произнес Мак, — ты сравниваешь диких Маккензи с четырьмя добродетельными девушками из Америки? Умоляю, никогда не говори такого на людях.

— Глупости. Это необыкновенная история. — Изабелла сжала чашку в руках. — Только подумай, одну из сестер звали Бет, и она умерла.

— Даже не думай об этом, любовь моя, — крепко обнял ее Мак, и улыбка исчезла с его лица. — Бет сделана из крепкого материала, да и Йен не допустит, чтобы с ней что-то случилось. Точно так же и я не позволю, чтобы что-то случилось с тобой.

— Как ты можешь это знать?

— Даю тебе слово. А Маккензи никогда не нарушают своего слова.

— Пока им это выгодно.

— Я раздавлен твоей логикой, — усмехнулся Мак. — Хотя в этом есть свои преимущества. Кстати, любовь моя, мое напряжение не снизилось даже на десятую долю дюйма, и мне очень неудобно пить чай сидя.

Изабелла лукаво улыбнулась ему, радуясь, что он отвлек ее от тревог, положила руку ему на колено, а потом тихонько передвинула ее под килт.

— Ой-ей-ей, — резко выдохнул Мак, — у тебя это хорошо получается. Леди, этому вы учились в пансионе благородных девиц?

— Вовсе нет. — Рука Изабеллы мягко обхватила его плоть, и над верхней губой Мака выступила испарина. — Там я училась умению держать себя и носить шляпку.

— Чепуха. У вас точно были уроки по этому делу. Мисс Прингл наверняка раздавала вам в

качестве учебного пособия образцы мужского достоинства, сделанные из гипса. Делайте вот так, девочки. — Мак перешел на фальцет. — Раз-два, раз-два. Давайте, леди, не сбавляйте темп.

— А вот за это...

Изабелла разразилась смехом и увеличила темп движения своей руки, пока Мак не выгнулся ей навстречу на маленькой, неудобной для него софе и не стал двигаться вместе с ее рукой, выкрикнув ее имя.

Когда опять наступила разрядка, он заключил Изабеллу в свои объятия и целовал до тех пор, пока ей не стало трудно дышать и думать о чем-то, кроме страстного желания раствориться в его тепле.

У Мака стало тепло на душе, когда, выйдя из поезда в Донкастере, он увидел, как Изабелла бросилась в объятия Бет. Они так громко радовались встрече, как будто не виделись много лет, хотя на самом деле с момента их последней встречи прошло всего несколько недель.

Поездка для Мака оказалась не из легких. Он уступил просьбе Изабеллы, и она ехала в отдельном купе. Но соблазн покинуть купе, в котором он ехал вместе с Кэмом и Дэниелом, и пойти к Изабелле преследовал его всю дорогу. Игра с Изабеллой в гостиной, когда она мастерски довела его до вершины блаженства, только сильнее распалила его желание обладать ею.

Его не устраивали игры или случайные встречи в гостиной. Ему нужна была вся Изабелла: ее любовь, дружба, доверие. Страсть без любви и доверия легкомысленна, размышлял Мак, наблюдая, как Изабелла и Бет крепко обнимают друг друга. Только он слишком поздно выучил этот горький урок.

Харт снял дом недалеко от Донкастера. Это был большой деревенский дом, который хозяину с его резко сократившимися доходами было трудно содержать самому. Этот джентльмен решил сдавать жилище другим аристократам, а не продавать его, чтобы оно потом превратилось в отель или в больницу. При доме осталась прислуга из местных жителей, которой должны были платить гости.

В огромном строении было достаточно комнат, чтобы разместить четырех братьев, двух жен, племянника, их личную прислугу и собак. Харт и Йен всегда привозили с собой собак, пять особей самых разных пород, от огромной гончей до маленького терьера. Собаки носились здесь же, радостно виляя хвостами. Изабелла погладила их и к каждой обратилась по имени: Макнаб и Фергус, Руби и Бен и Ахилл, у которого одна лапа была белая.

Маку нравилось, что Изабелла приняла его семью. Когда она встретилась с ними вскоре после того, как вышла замуж за Мака, она мгновенно очаровала его скептически настроенных братьев. Кэмерону она понравилась сразу, при знакомстве он громко рассмеялся и сказал Маку, что теперь у него настанет веселая жизнь. Йен некоторое время посматривал на Изабеллу искоса, а потом предложил показать свою коллекцию ваз из китайского фарфора. Для Йена это было равносильно заявлению о вечной преданности.

Харту, чтобы принять Изабеллу, потребовалось немного больше времени, потому что в политических баталиях он сталкивался с отцом Изабеллы. Харт являлся защитником Шотландии, граф Скрэнтон по-прежнему был недоволен тем, что сто сорок лет назад эта самая Шотландия появилась на карте. Изабелла покорила Харта тем, что не позволила ему притеснять себя. Харт уважал сильных женщин и спустя несколько дней стал относиться к ней мягче. Мак слышал, что точно так же Харт повел себя и с Бет, и до сих пор сожалел, что

пропустил то столкновение.

Как только они вошли в дом, Изабелла и Бет, обняв друг друга за талии, сразу направились в сторону террасы. Их непрекращающаяся болтовня то и дело прерывалась взрывами веселого смеха. Мак с какой-то грустью смотрел им вслед, потом повернулся к Йену и похлопал его по плечу. Йен никак не отреагировал. Это говорило о том, насколько он расслабился, потому что Йен не любил, когда до него дотрагивались, только Бет могла это делать. И он четко дал понять это всем.

Взгляды братьев встретились, и Йен сразу же отвел глаза. Он обычно не мог смотреть в глаза другому человеку, но сейчас относился к этому спокойнее. Шесть месяцев назад он не смог бы подарить Маку даже этот мимолетный взгляд.

— Ты добился этого?

— О чем ты? — поднял брови Мак.

— Изабелла снова твоя жена? — нетерпеливо спросил Йен.

— Дела идут, — пожал плечами Мак.

— Что это означает: да или нет?

Йен, как всегда, был в своем репертуаре, требуя точности во всем.

— Это означает, что мы в процессе примирения.

— Значит, нет.

— Ну хорошо, черт с тобой. Нет, мы не стали снова мужем и женой. Изабелле нужно время.

— У вас было в запасе три года и семь месяцев. Скажи ей, что вы снова вместе, и покончи с этим раз и навсегда.

— Ага, чтобы все было так же просто, как у тебя. Ты помчался за Бет в Париж и настиг ее в пансионе. Быстрая свадьба, и она посвятила себя тебе, счастливчик. У нас с Изабеллой все намного сложнее.

Йен ничего не сказал в ответ, только вытянул шею, стараясь через окна разглядеть на террасе Бет. Мак понял, что брат плохо понимал то, о чем он говорил, и, самое главное, ему было все равно.

Мак замолчал, вокруг него крутились собаки, пытаясь решить, то ли им остаться с этими самцами в холле, то ли рвануть на солнце, где гуляли леди. Бросив самцов, собаки помчались через открытую дверь следом за Бет и Изабеллой.

— Просто? — Йен на мгновение оторвался от Бет и перевел взгляд на Мака. — Конечно, просто. Просто двигайся вперед.

Йен направился к выходу на террасу, невидимые магниты притягивали его к женщине, которую он любил.

В Донкастере был замечен клан Маккензи, их ложу украшала сияющая красота леди с Маунт-стрит. Все ходили перед ней на задних лапках, но, несмотря на возвращение ее супруга и на их очевидное примирение, до наших ушей пока не доходили слухи о еще одном грядущем наследнике на трон Маккензи.

Сентябрь 1876 года

Слова Йена Мак вспомнил на следующий день, когда они собрались на ипподроме в Донкастере, чтобы присутствовать на открытии скачек. Камерон с Дэниелом сразу исчезли в конюшнях, Кэм пробормотал что-то о том, что слишком долго не видел лошадей.

Харт тоже исчез по каким-то делам, которые он надеялся быстро завершить. Он использовал любую возможность, чтобы протолкнуть свою политическую платформу. Для этого на каждом светском мероприятии он бродил среди людей и разговаривал с ними. «Пытается заставить их смотреть на вещи его глазами», — подумал Мак. Он знал, что Харту нравилось, когда люди плясали под его дудку.

По дороге на ипподром Харт пребывал в довольно раздраженном состоянии, и с момента прибытия в дом в Донкастере Мак чувствовал, что между Хартум и Йеном присутствует взаимное непонимание. Неумолкающая болтовня Изабеллы и Бет удачно прикрывала это, но все равно скрытое напряжение было очевидным.

Бет объяснила, в чем дело, когда она с Йеном и Изабелла с Маком уселись в ложу Маккензи, устроенную высоко над беговой дорожкой. Оказывается, Харт попросил Бет исполнить для него роль хозяйки на предстоящем светском приеме в замке Килморган. Харт в качестве герцога хотел добиться расположения некоторых членов парламента, и здесь ему нужна была очаровательная женщина, которая станет улыбаться гостям, растапливая их сердца. Йен был недоволен таким предложением и защитил Бет, посоветовав Харту найти для этого собственную жену.

— Хотел бы я стать свидетелем этого разговора, — захохотал Мак. — Я обожаю, когда ты просишь Харта немного отступить, Йен. Хотя мне жаль, что в этом оказалась запутана и ты, Бет. В спор между братьями Маккензи лучше никому не вступать.

— Это еще мягко сказано, — округлила глаза под своей экстравагантной шляпкой Изабелла.

— Я не возражаю, — торопливо сказала Бет. — Я согласилась немного помочь, но Харт тоже должен понимать, что не всегда происходит все так, как он хочет. И Йен прав: Харту необходимо снова жениться. Кэмерон до смерти боится, что Харт упадет с лошади и он вынужден будет принять титул.

Бесконечная головоломка. Мак всегда чувствовал себя благополучно устраненным от герцогства. Между ним и короной стояли Кэмерон и Дэниел. Если Харт выберет себе невесту и женится на ней, Мак окажется еще дальше от титула. Но после смерти молодой жены и ребенка Харт упрямо отказывался от свадебной церемонии. Семья строила предположения, попытается ли он снова завоевать Элеонору Рамзи, которая до этого бросила его, но по-прежнему была не замужем. Но Харт не предпринимал никаких действий.

Харт зашел в ложу, когда лошадей вывели на первый заезд. Его раздраженный взгляд подсказал Маку, что Харт догадался, кого они только что обсуждали. Он занял стул чуть подале от всех остальных и стал смотреть в театральные бинокль на лошадей.

Сидевшие рядом с Маком Бет и Изабелла продолжали говорить без умолку обо всем, что

приходило им на ум. Женское присутствие на скачках — это возможность для жен, дочерей и сестер продемонстрировать свои самые лучшие шляпки и платья, и Бет с Изабеллой с энтузиазмом подготовились к этому делу. Шляпку Бет с высокой тульей украшали страусовые перья, свисавшие ей на спину. Шляпка Изабеллы была отделана страусовыми перьями и желтыми розами. Угол, под которым шляпка сидела у нее на голове, придавал ей застенчивый вид, и Маку хотелось сдернуть шляпку с ее головы и покрыть Изабеллу поцелуями.

— Вот и они.

Изабелла смотрела в бинокль, указывая на крупную фигуру Кэма в черной куртке и килте. За ним быстрой рысью следовал Дэниел, тоже в черной куртке и килте. Дэниел посмотрел в сторону ложи и помахал рукой.

Изабелла помахала ему в ответ.

— Мак, ты должен спуститься вниз и сделать ставки за нас. Все на лошадей Кэма, разумеется.

— Все? — переспросила Бет.

Для нее это был первый сезон скачек с помешанным на лошадях семейством Маккензи, и она выглядела немного неуверенной.

— Ну конечно, дорогая. Всем известно, что Кэмерон разводит лучших лошадей в Великобритании. Я думаю, на первый заезд десять фунтов на первую и вторую лошадь, да? Потом можно будет рискнуть и поставить больше. Это так забавно.

— Кэм снял свою кобылку с первой гонки, — сказал Харт откуда-то из-за спины Мака. — Он сказал мне, что меньше часа назад она захромала.

Изабелла подняла бинокль и увидела, что Кэмерон взял лошадь под уздцы и повел назад.

— Бедняжка, — с сожалением произнесла она.

— Жить будет, — откликнулся Харт, — но в скачках сегодня не будет участвовать.

Изабелла закусил губу. Недоброжелатели могли бы подумать, что она волнуется за свои ставки, но Мак знал, что она переживает за лошадь. Лошади были как дети Кэма, каждая — член семьи, а у Изабеллы в груди билось доброе сердце.

— Давайте поставим на другую лошадь, — сказала Бет, просматривая таблицу скачек.

— Как тебе вот эта? — Изабелла заглянула в таблицу через плечо Бет. — По кличке Леди Дей. Мне нравится.

— Цвет не тот, — сказал Йен.

— Йен, — Изабелла с недоумением посмотрела на него, — лошадь выигрывает скачки не потому, что она гнедой масти вместо вороной.

— Я имею в виду жокея. Цвета неправильные.

На жокея лошади по кличке Леди Дей был камзол в сине-зеленую полоску. Сам Мак представления не имел, о чем сейчас говорил Йен, но когда тот о чем-то заявлял, то лучше было не спорить с ним — только слова бросать на ветер. Йен обычно оказывался прав.

— Он меня убедил, — сказал Мак. — Выбирайте другую лошадь.

— Мне кажется, вы оба сумасшедшие. Леди Дей должна выиграть. Как ты думаешь, Бет? — спросила Изабелла.

— Если у моего мужа нет другого выбора, — пожала плечами Бет и подождала реакции Йена.

Но он стоически смотрел вниз на загон для лошадей, не обращая внимания на происходящее здесь.

Мак ухмыльнулся, коснулся пальцами шляпы и покинул ложу.

— Вернулись обратно, милорд? — спросил букмекер, когда Мак подошел к стойке.

— Обратно? О чем это вы?

— Разве вы не подходили вон туда, к Гейбу, чтобы сделать ставку? — прищурился букмекер, человек невысокого роста, которого все звали Надежный Рон, и кивнул в сторону соседней кабинки. — Около получаса назад? Меня это задело. Маккензи всегда имеют дело с Надежным Роном.

— Я недавно приехал и находился в ложе со своей женой. Она сказала, что твердо верит в победу лошади, которую зовут Леди Дей.

— Хороший выбор. Отличная порода, шансы — семь против двух. Победитель, призовое место или показ?

— На победителя — так сказала жена. — Мак сделал остальные ставки, взяв у букмекера купоны.

— Мог бы поклясться, что это были вы, милорд, — подвел итог Рон. — Одно лицо, такое же непринужденное поведение. Ошибиться почти невозможно.

— Ну что ж, на этот раз вы ошиблись. Вот что я скажу: если увидите меня опять, убедитесь, что это я, прежде чем обижаться.

— Вы правы, милорд, — ухмыльнулся Рон. — Желаю приятно провести время.

Ошибка Рона насторожила Мака, особенно после того, что ему рассказал Крейн о человеке, который принес в магазин картины на продажу, не говоря уж о пожаре. Лакей Мака заявил, что в тот день в дом заходил и выходил только Мак, но должен же был этот человек как-то проникнуть в помещение. Если лакей в этот момент находился в заднем холле или неподалеку от дома Мака и разговаривал на дорожке с другим лакеем или, возможно, с симпатичной служанкой, то он вполне мог принять за Мака другого человека.

Кроме того, сегодня здесь было очень много людей. Море мужчин практически в одинаковых черных сюртуках и цилиндрах наводнило ипподром. Рон мог ошибиться. В эти дни все мужчины выглядели очень похожими друг на друга — мужская мода в Англии была довольно однообразной.

Размышляя подобным образом, Мак пытался успокоиться, но непреодолимое желание прояснить ситуацию не покидало его. Ему не нравились совпадения.

Он вернулся в ложу, где Изабелла и Бет уже были на ногах, ожидая начала скачек. Йен стоял

рядом с Бет, обнимая ее рукой за талию. Мак почувствовал укол зависти. Когда-то и у него была привилегия стоять вот так же с Изабеллой. Послышался рев толпы, когда лошади рванули вперед. Бет с Изабеллой поднялись на цыпочки, не отрывая глаз от биноклей, волнуясь все больше и больше, когда лошади промчались мимо трибун. Они кричали вслед Леди Дей, которая бежала изо всех сил, что-то подбадривающее.

— Она сделает это. — Изабелла со смеющимся лицом повернулась к Маку. — Я знала, что смогу выбрать победителя.

Она взволнованно схватила Мака за руку, пожала ее и опять повернулась лицом к происходившему на ипподроме.

Этот жест не был каким-то серьезным. Просто мимолетное прикосновение, сжатие пальцев. Изабелла, сама того не осознавая, прикоснулась к Маку так, как делала это, когда они были друзьями и любовниками. Как будто между ними ничего плохого не происходило.

Мак наслаждался этим моментом и запомнил его. Это было намного важнее того, что происходило между ними в гостиной в Лондоне. Удовлетворение страсти невозможно сравнить с непреднамеренным доверительным прикосновением двух людей, которые любят друг друга.

Ну что ж, Мак предпочел бы оба типа прикосновений, но тот факт, что Изабелла повернулась к нему, чтобы поделиться своим волнением, переполнял его сердце радостью. Он был настолько увлечен Изабеллой, что даже не заметил, как другие лошади вырвались вперед, оставив Леди Дей позади. Он только обратил внимание, что в глазах Изабеллы погас озорной огонек. Она посмотрела на Мака так, как в прежние времена, в ней исчезло оживление, и Мак, как самый бестолковый идиот, не задумался почему.

Леди Дей пришла только шестой. Жокей погладил ее по холке, когда она с галопа перешла на легкий галоп и потом пошла рысью, как будто хотел дать ей понять, что из-за проигрыша не стал любить ее меньше. Маку хотелось обнять и успокоить Изабеллу.

— Ну хорошо, Йен, — в раздражении обратилась к нему Изабелла, — как, скажи пожалуйста, ты узнал, что Леди Дей проиграет, увидев цвет жокейского камзола?

Йен молчал, погрузившись в раздумья. Он наблюдал за лошадьми, которые ходили рысью вдоль дальней кромки ипподрома.

— Он хотел сказать, что лошадь была недавно продана, — подал голос Харт. — Несколько месяцев назад ее купил лорд Пауэлл. Скорее всего она не привыкла к новому окружению, к новому режиму, к новому жокею. Не следовало выставлять ее на скачки сегодня. У нее нет желания.

— Ты не мог объяснить мне это раньше, Харт Маккензи? — потребовала Изабелла, но тут же смягчилась: — Бедняжка, не надо было заставлять ее.

Если кто и знал о смущении молодой женщины, вырванной из семейного круга и помещенной в незнакомое окружение, так это Изабелла.

— Не хотел мешать твоему веселью, — улыбнулся Харт. — И тебе урок, что не послушала Йена.

Изабелла показала Харту язык и повернулась к Йену.

— Прости, мне не следовало сомневаться в твоих знаниях.

Йен коротко взглянул на нее, и Мак увидел, как он еще крепче обнял Бет за талию, стараясь найти в ней поддержку.

Йен не всегда принимал поддразнивание и добродушное подшучивание, которое являлось в его семье делом обычным. Слова для него будто витали в воздухе, и только потом он мог уловить и понять их смысл. Он со смущенным видом слушал, прежде чем вклиниться в непонятную на первый взгляд разноголосицу со своим резким замечанием. Можно было подумать, что Йен глуповат, но Мак знал, что его брат — поразительно сложный человек, обладающий замечательным умом. Бет распознала это с самого начала, и Мак обожал ее за это.

Лошади Кэмерона участвовали в двух следующих заездах и всякий раз выигрывали. К Изабелле вернулся прежний энтузиазм, и они с Бет своими возгласами поддерживали семейное чувство гордости. Кэмерон оставался внизу у ограды, как встревоженный отец, наблюдая, как его лошади галопом приближаются к финишу.

Дэниел прыгал и танцевал рядом, напоминая всем присутствующим, что лошади Маккензи — самые лучшие. Кэма больше интересовало состояние лошадей, а Дэниел обожал выигрывать.

— Отличное выступление, — счастливым голосом сказала Изабелла после третьего заезда. — А теперь, Бет, пойдем выпьем чаю и поедем чего-нибудь.

— Разве больше заездов не будет?

— Мы вернемся и потом посмотрим еще, но в программу Сент-Леджера входит гуляние. Нас должны все увидеть, иначе зачем же мы потратили столько времени на эти шляпки?

Бет засмеялась, и они, взявшись за руки, покинули ложу. Йен открыл им дверь и двинулся следом, держась на шаг позади.

Мак собрался выйти следом за ним, но его остановила рука Харта, которую он положил Маку на плечо.

— Пойми, дорогой, у меня нет настроения слушать сейчас твои нотации, — нетерпеливо заметил Мак, видя, как исчезают из виду Бет с Изабеллой. — Как только я опять прижму Изабеллу к своей груди навсегда, тогда можешь меня запугивать. Но только не сейчас.

— Я собирался сказать, как рад опять видеть тебя с ней, — сухо заметил Харт. — Тебе потребуется много времени, чтобы вернуть доверие Изабеллы, но то, что она вообще разговаривает с тобой, дает мне надежду.

Мак, удивившись, повернулся к брату. Они с Хартom были одного роста, и Мак смотрел прямо в глаза Харту. В них отражалось и бремя герцогства, и ответственность за братьев, и его собственное несчастливое прошлое, а еще едва заметный намек на облегчение. Мак и не подозревал, что напряженность между ним и Изабеллой так тревожила Харта.

— С годами ты становишься сентиментальным, — пошутил Мак. — Что же так тронуло твое сердце?

— Потеря.

Харт как-то странно моргнул глазами, и Мак закрыл рот. Многолетняя любовь Харта умерла

при трагических обстоятельствах, и Харт переживал. Он никогда ни словом не обмолвился об этом, но Мак знал, что он горевал по ней.

— Если что и тронуло мое сердце, так это счастье, которое излучает Йен. — К Харту вернулось самообладание. — Я уж и не думал, что когда-нибудь увижу это.

— Я — тоже.

Мак действительно был рад за Йена. Он и жалел, и защищал младшего брата, который несколько лет провел в приюте, куда его поместил их злобный отец. Но Йен недавно обрел радость жизни, которая ускользнула от Мака. Йен был теперь мудрым человеком.

— В этот раз не упускай, — вдруг резко сказал Харт. — Цени то, что у тебя есть, и держись за это. Никогда не знаешь, когда можешь все потерять.

— Ты говоришь так исходя из собственного опыта?

Когда Харт сделал предложение Элеоноре, он был настолько в ней уверен, что, когда она его бросила, все удивились. Но может быть, это и не удивительно вовсе. Такого самоуверенного типа, как Харт, трудно было выносить.

— Совершенно верно. Учись на моих ошибках. — Харт сурово посмотрел на Мака. — И не совершай собственных.

— Есть, сэр! — ответил Мак, и Харт отпустил его.

— Просто сногсшибательно.

Изабелла поднесла ко рту полную ложку взбитых сливок, смакуя их нежный вкус. Ей не понравилось, что на ум сразу же пришли воспоминания о том, как в своей гостиной она слизывала такие же сливки с возбужденной плоти Мака. Тогда вид его напряженно выступающей плоти вызвал в ней такую волну ощущений, которых она давно уже не испытывала.

— Восхитительно, — согласилась с ней Бет. — Я знаю, что это звучит легкомысленно, но, кажется, обстановка роскоши доставляет мне удовольствие.

Вряд ли сидение на скамейках в тесном шатре можно было назвать роскошью, но Бет выросла в бедности. Чай в изящных чашках с пирожными и сливками, красивые платья и шляпки — все это должно было казаться ей порочным. Бет происходила из мелкопоместного дворянства, и манеры, которым она научилась у своей давно умершей матери, были безупречными.

— Наши джентльмены выглядят отлично, правда?

Бет аккуратно откусила кусочек пирожного и посмотрела по сторонам.

Изабелла взглянула на Мака и Йена, стоявших неподалеку. Они действительно выглядели великолепно. Два высоких рыжеволосых шотландца в черных куртках и килтах. У Мака и Йена была небольшая разница в возрасте: Йену — двадцать семь, Маку — тридцать.

Будучи девчонкой, Изабелла смеялась, представляя мужчин в юбках, но когда впервые увидела Мака в килте, ее мнение изменилось самым коренным образом. В килте Мак являл собой впечатляющее зрелище.

Мак насмешливо улыбнулся Изабелле, как будто именно она была той ложкой сливок, которую он хотел съесть, и у нее заколотилось сердце.

Возможно, но только возможно, Мак изменился. Он больше не бормотал нечленораздельных слов, как это было раньше, в нетрезвом состоянии, его речь больше не отличалась сумбурностью, а поведение — непредсказуемостью. Нет, ей не хотелось, чтобы Мак был абсолютно предсказуем, но теперь, когда он говорил с ней, Изабелла была уверена, что его внимание сосредоточено на ней, а вовсе не на его последней картине или на какой-нибудь проделке, которую он учинил с друзьями. Теперь его мысли не тонули в парах виски. Он не пил три года, как сказали Изабелле его братья. Она слышала, что его бросили многие друзья, посчитав, что трезвый, здравомыслящий Мак недостаточно интересен для них. Эгоистичные подхалимы.

Но теперь Мак казался слишком подавленным, в его глазах, даже когда он шутил, таилась глубокая грусть.

«Неужели это из-за меня?» У Изабеллы сжалось сердце. Она знала, что своим уходом причинила ему боль. Ей тоже было больно, но в тот момент она думала, что другого выбора у нее нет. Вот только понимание того, сколько боли она причинила Маку, делало ее несчастной.

— М-м-м, — Бет отставила в сторону свою тарелку и прижала руку к груди, — кажется, я съела лишнее.

Изабелла уже собиралась пошутить, что ей и положено есть за двоих, но, увидев лицо Бет, она вскочила на ноги и начала звать Йена.

Йен выронил свою тарелку, кусок пирожного полетел на землю. Он подбежал к ним и подхватил Бет на руки.

— Ради Бога, Йен, — запротестовала Бет, — со мной все в порядке, не надо суматохи.

Изабелла видела, что с Бет не все хорошо. Ее лицо побелело, как лист бумаги, губы стали бледными, зрачки расширились.

Йен, не тратя времени впустую, быстро вынес ее из шатра, вспугнув, как стаю птиц на своем пути, встревоженных дам. Изабелла бросилась за ним, чувствуя, что и Мак не отстает. В какой-то момент Мак попытался схватить Изабеллу за руку, но она вырвалась и поспешила за Йеном и Бет к воротам.

Она слышала, как у нее за спиной Мак остановил кого-то и приказал бежать за экипажем Маккензи. Спасибо тебе, Господи, за Мака. Господь обожал его шутки и смелые проделки, но в критический момент знал, как сохранить ему присутствие духа. Вскоре к ним уже приближалось ландо Харта, на козлах стоял кучер.

Йен посадил жену, сел сам, успокаивая Бет, и, дождавшись, когда в ландо поднимется Изабелла, велел кучеру везти их домой. Верх экипажа был опущен, потому что стоял чудесный день, и сиденья прогрелись под солнцем.

Экипаж тронулся с места, едва Изабелла успела сесть. Мак остался позади. Изабелла оглянулась назад и увидела, как он поднял руку им вслед, и, несмотря на собственную панику, почувствовала благодарность к нему за то, что он знал, что делать.

Изабелла мысленно поблагодарила Мака еще раз, когда они приехали домой, потому что

буквально следом за ними прибыл доктор, чтобы осмотреть Бет. Он объяснил, что Мак направил посыльного, чтобы нашли его в городе, и передал деньги на двухколесный экипаж.

Изабелле доктор приказал выйти. Она не хотела выходить, но Бет слабо улыбнулась и повторила, что с ней все в порядке. Йен выходить отказался, и доктор не стал с ним спорить.

Изабелла мерила шагами холл на верхнем этаже большого дома, едва замечая великолепный вид на бескрайние сады, который открывался с галереи. Собаки с беспокойным видом ходили за ней следом, понимая, что что-то не так. Прислуга вбегала и выбегала из комнаты Бет с полотенцами и тазами, но никто не остановился поговорить с Изабеллой. А из спальни не доносилось ни звука.

Изабелла все еще ходила взад и вперед по холлу, когда приехал Мак. Все пять собак бросились по ступенькам вниз, чтобы поприветствовать его, а потом точно так же бросились наверх следом за ним.

— Какие новости? — спросил он, и Изабелла почувствовала, что сейчас разрыдается.

— Они не позволяют мне войти, ничего мне не говорят. Я не знаю, что происходит. — Из ее глаз брызнули слезы. — Они не говорят, все ли у Бет хорошо.

Ее обняли сильные руки Мака, и все куда-то исчезло. От него пахло улицей и дымом. Эти запахи успокаивали Изабеллу. Он ничего не говорил, не тратил времени на банальности или фальшивые слова утешения, и она была благодарна ему за это. Мак прекрасно понимал, почему так тревожится Изабелла, и знал, что ее страхи не беспочвенны. Он просто держал ее, как якорь, в безопасной гавани, и Изабелла без всякого стыда уцепилась за него.

Она положила голову ему на плечо, и они долго стояли так, согреваемые солнечными лучами, проникавшими через западные окна. Собаки уселись на месте и затихли, наблюдая за парочкой.

Солнце клонилось к горизонту, когда из комнаты Бет появился доктор.

— Теперь вы можете повидать ее, — сказал он Изабелле.

Изабелла оторвалась от Мака и устремилась в спальню, даже не спросив у доктора, все ли хорошо.

Глава 10

Зловещий слух о том, что шотландский лорд встречался с дамой, занимающей более низкое положение в обществе, оказался ложным. Леди счастлива, что лорд вернулся к ней после очередного внезапного исчезновения, и в доме лорда и леди вновь царит веселье.

Январь 1877 года

Бет лежала под одеялом, над кружевным воротничком ночной рубашки застыло ее бледное лицо. Йен в килте и рубашке лежал рядом с ней, положив загорелую руку на живот Бет.

— Бедняжка Изабелла, — произнесла Бет, когда Изабелла приблизилась к кровати, — я не хотела напугать тебя.

Изабелла опустилась на стул рядом с кроватью и взяла Бет за руку.

— С тобой все хорошо? — дрожащим голосом спросила она. — Как ребенок?

— Все хорошо, — улыбнулась Бет. — Сама видишь, в каких я надежных руках.

Бет с любовью посмотрела на Йена, но он даже не поднял глаз при появлении Изабеллы.

— Слава Богу. — Изабелла положила голову на их переплетенные с Бет руки. — Слава Богу, — рвалась из ее груди простая молитва.

— Со мной, правда, все хорошо, Изабелла. Просто я перегрелась. Сначала — на скачках, потом — сидя в душном шатре. А еще шнуровка тугая, и ты сама видела, с какой жадностью я поглощала эти пирожные с кремом.

Ее голос звучал беззаботно, она была готова превратить случившееся в шутку.

Изабелла закрыла глаза и уперлась лбом в руку Бет.

— Ты плачешь, Иззи? — Бет погладила ее по голове. — Со мной все хорошо. Ну что ты, дорогая?

— У Изабеллы был выкидыш, — громко сказал Йен.

Сквозь собственную боль Изабелла почувствовала, как вздрогнула Бет, услышала, как та охнула от потрясения.

— Это случилось три года назад, — продолжал Йен. — Она была на балу, и мне пришлось везти ее домой. Я не нашел Мака, он был в Париже.

— Понятно. Господи, неудивительно, что вы вдвоем так поспешно доставили меня сюда.

— Она была на третьем месяце беременности. Мальчик. — Йен сократил самое ужасное событие в жизни Изабеллы до коротких и четких фраз. — Мне потребовалось пять дней, чтобы найти Мака и привезти его домой.

Пять дней, в течение которых Изабелла лежала в одиночестве в своей постели в жесточайшей меланхолии. В какой-то момент ей даже подумалось, что она умрет; у нее не осталось сил, чтобы бороться за жизнь. Но тело ее было молодым и сильным, и физически, но не морально, она восстановилась быстро.

— И за это я себя никогда не прощу, — раздался сзади голос Мака.

Изабелла подняла голову и увидела, что он стоит в дверях и смотрит на нее с печальной покорностью.

— Я уже говорила, — тихо сказала Изабелла, — что ты не мог знать, что это случится.

— Я дорожил тобой больше всего на свете. — Мак медленными шагами прошел в комнату. — И меня не оказалось рядом в такую трудную минуту. Ты права, что возненавидела меня после этого.

— Я не...

Изабелла смешалась и умолкла. Она действительно ненавидела его в тот момент за то, что вынуждена была переживать свое горе в одиночестве. Но она и себя ненавидела тоже, понимая, что спровоцировала ту ссору, которая вынудила Мака исчезнуть за две недели до этого страшного события. Она разразилась гневными упреками в его адрес, говорила, что устала от его постоянного пьянства и диких выходок с такими же пьяными друзьями. И Мак решил, как обычно, что самое лучшее, что он мог сделать для нее, — это исчезнуть на время.

— Сейчас я не испытываю к тебе ненависти, — поправилась Изабелла.

— Вот видишь, какой ужасной была жизнь Изабеллы со мной. — Мак едва заметно улыбнулся, обращаясь к Бет. — Я сделал ее несчастной, то сжимая в объятиях, то оставляя одну. Большую часть времени моя голова была одурманена алкоголем, но это не может служить оправданием.

— Так вот почему ты теперь совсем не пьешь, — догадалась Бет.

— Отчасти. Пьянство может разрушить всю жизнь.

— Не надо драматизировать, Мак. — Изабелла встала, шурша юбками. — Ты сделал ошибку, только и всего.

— Я три года совершал одну и ту же ошибку. Не надо оправдывать меня, Изабелла. Я не хочу, чтобы ты простила меня из сострадания.

— А я не хочу, чтобы ты занимался самобичеванием. Это так не похоже на тебя.

— Это раньше было на меня не похоже. Теперь это мое хобби.

— Хватит, — оборвал их Йен. — Бет устала. Идите и ссорьтесь в другом месте.

— Прости, дружище, — откликнулся Мак. — На самом деле я кое-что принес Бет, чтобы подбодрить ее.

Изабелла чувствовала себя сейчас полной дурой, запаниковавшей из-за Бет, в то время как Мак и Йен сумели сохранить присутствие духа. Она поняла, что страх за Бет, всколыхнувший ее собственные тягостные воспоминания, лишил ее способности спокойно думать и действовать.

— Обожаю подарки, — улыбнулась Бет.

Йен оперся на локоть, когда Мак приблизился к кровати, оставаясь рядом с Бет как верный телохранитель. Мак достал из кармана большую пачку денег и положил ее на одеяло.

— Ваш выигрыш, мадам.

— О Боже, я совсем забыла об этом! Спасибо, Мак. Каким замечательным родственником ты оказался. Позаботился об экипаже и докторе и даже деньги привез, и все это за один день.

— Это самое меньшее, что я могу сделать для тебя, чтобы позаботиться о малыше.

Бет улыбнулась. Мак выглядел довольным, а Йен... Йен потерял нить разговора и чертил пальцем узоры на животе Бет.

— А что с моим выигрышем? — все еще дрожащим голосом поинтересовалась Изабелла.

— Твой выигрыш я отдам тебе потом. Спокойной ночи, Бет.

Изабелла поцеловала Бет в щеку, а та крепко обняла ее в ответ.

— Спасибо тебе, Изабелла. Мне очень жаль, что я так тебя напугала.

— Ничего, Бет. С тобой все в порядке, а это — самое главное.

Изабелла еще раз поцеловала ее и вышла из комнаты через открытую Маком дверь.

Мак молча шел с Изабеллой по галерее, а собаки вертелись рядом, словно чувствовали, что кризис миновал.

— Так ты собираешься отдать мне мои деньги?

Изабелла постаралась, чтобы ее голос звучал твердо.

— Конечно, — повернулся к ней Мак. — После того, как взыщу свою цену.

У Изабеллы дрогнуло сердце, ей не понравилось, что близость Мака пробудила в ней желание опять оказаться в его объятиях, где ей было так хорошо и уютно.

— Спасибо большое, вряд ли мне подходит роль женщины легкого поведения. Я не стану целовать тебя за гинею.

— Здесь сто гиней, и я не это имел в виду, — сверкнул глазами Мак. — Хотя предложение интересное.

— Мак...

Он положил руки ей на плечи. Уверенные и сильные руки, которые обжигали своим теплом через тонкую ткань ее платья.

— Моя цена заключается в следующем: ты должна обещать мне, что перестанешь переживать свое горе в одиночестве. Ты меня обвинила в самобичевании, но ведь ты сама грешишь этим и не позволяешь никому даже приблизиться к тебе. Обещай мне, что перестанешь делать это.

— И с кем я должна делить эту боль своей жизни? — сердито поинтересовалась Изабелла. — Кто захочет слушать жалобы о моей трагедии, не придумав повода, чтобы выйти из комнаты?

— Я захочу.

Изабелла остановилась. Она собиралась ответить, но тугой ком в горле не позволил ей сделать это.

— Это и моя трагедия тоже, — тихим голосом продолжал Мак. — Когда я слышу о нашем ребенке, мне хочется умереть. И вдвойне хочется умереть оттого, что я был так далеко от тебя. Ты тоже могла погибнуть в ту ночь, а я, бестолковый и ничего не замечавший вокруг, был в это время в отеле на Монмартре. Йен всегда немногословен, но я знаю, он думает, что мне не мешало бы пережить хотя бы частицу тех мук, которые ему пришлось выдержать в приюте. Ты тоже так думала.

Изабелла кивнула в ответ, глаза щипало от слез.

— Но в то же самое время ты так сильно был нужен мне, что было все равно, в какую даль придется поехать Йену, чтобы найти тебя.

— Ну что ж, он меня нашел, — Мак раскинул руки, — и вот я снова здесь.

— Да, ты здесь. И что мне с тобой делать?

— Я много чего могу придумать.

Они стояли и молча смотрели друг на друга. Последние лучи солнца, проникавшие через окно, согревали Изабеллу.

Она спросила, потому что не знала, как быть с человеком, который внезапно вернулся в ее жизнь. Из-за нее он бросил пить, и теперь это был другой Мак. Трезвый, спокойный, здравомыслящий, но все равно с налетом его прежнего насмешливого высокомерия.

Руки Мака скользнули вниз и обхватили талию Изабеллы, согревая ее сквозь корсет. Его крупное тело словно обволакивало ее хрупкую фигуру, энергия рук лишала душевного равновесия и одновременно утешала. Он легко мог смять ее, взять от нее все, что хотел, однако никогда этого не делал. Даже не пытался. Ни разу.

Ласковыми пальцами Мак коснулся ее лица, в его глазах не было ни желания, ни пыла страсти, хотя Изабелла сквозь юбки чувствовала его реакцию на близость к ней.

— Я здесь, — продолжал Мак. — Тебе больше не придется в одиночестве нести свою ношу.

— Пока, — горько обронила Изабелла.

Она подумала, что Мак вздрогнет от этого слова или рассердится, но он просто погладил ее по голове.

— Всегда, Изабелла, Я больше не оставлю тебя одну.

— Мы расстались.

— По документам. Но если я тебе нужен, для чего угодно, днем или ночью, только помани меня пальцем, и я буду рядом.

— Мак, привязанный к женскому фартуку? — попыталась улыбнуться Изабелла.

— Я бы охотно привязал себя к тебе, любовь моя, если бы ты когда-нибудь надела фартук. — Мак поцеловал уголок ее рта, и тепло его губ заставило сладко замереть ее тело. — Особенно если, кроме фартука, на тебе больше ничего не было бы.

Мак по-прежнему мог ее рассмешить, без сомнения. Он снова поцеловал Изабеллу, но тут в доме вдруг стало шумно. Появились Кэм, Дэниел и Харт, которые тут же стали подниматься вверх, чтобы проведать Бет, за ними не отставали собаки. Мак улыбнулся Изабелле, поцеловал ее, и оба приготовились поприветствовать пришедших.

Мак был не настолько глуп, чтобы предположить, что после одного короткого поцелуя в лучах солнца Изабелла примет его с распростертыми объятиями. Их отношения немного сдвинулись с мертвой точки, но он знал, что им предстоит пройти еще долгий путь.

Всю следующую неделю Кэм с Дэниелом посещали скачки, Йен оставался с Бет, Изабелла

тоже была дома на тот случай, если вдруг понадобится Бет, а Мак перемещался между ипподромом и домом. Он старался разыскать человека, которого Надежный Рон по ошибке принял за Мака. Но ни он сам, ни Рон, ни другие букмекеры больше не видели похожего на него человека. Не было новостей и от Уэллоуза из Лондона, но Мака не покидала тревога, и он все время был начеку.

Из-за недомогания Бет Харт перестал настаивать, чтобы она выступила в роли хозяйки на предстоящем приеме, и их с Йеном отношения потеплели. У Мака появилось такое чувство, что теперь Харт вместо Бет попросит Изабеллу, и ему стало понятно раздражение Йена. Но ни Харт, ни Изабелла ничего не говорили об этом. Кроме того, Харт в эти дни слишком часто исчезал из дома. Он участвовал во всевозможных прожектах, о которых Мак, откровенно говоря, не хотел знать.

Вместо прежнего пристрастия к порочным светским развлечениям Харт с головой погрузился в безжалостные политические махинации. У него особый талант к рискованной игре. Он баллотировался на выборах в возрасте двадцати двух лет и одержал блестящую победу, за несколько лет до того, как превратился в высокомерного герцога и занял свое место в палате лордов. Теперь большинство лордов и членов палаты общин были всецело под его влиянием.

Большую часть времени Бет с Изабеллой, две очаровательные леди в ярких платьях, вместе гуляли по огромному саду. Мак слышал, как они что-то увлеченно обсуждали, и удивлялся, что они находят столько причин посмеяться. Но ему нравилось слушать их голоса, и особенно смех Изабеллы.

Пока Мак и Йен читали газеты, курили сигары или играли в бильярд в приятной тишине, Изабелла и Бет не замолкали ни на секунду. Они говорили обо всем — о домах, одежде и музыке, флоре и фауне отдаленных уголков Британской империи. Это было по-семейному и очень нравилось Маку. Его бесшабашных друзей потрясло бы такое отношение Мака к происходящему.

Вечером Изабелла исчезла в своей спальне, а Мак, страдая от бессонницы, бродил по дому. Тело горело от безумного желания, и хотя сейчас они с Изабеллой разговаривали легко и свободно, он еще не сошел с ума, чтобы просто сбросить с себя одежду и забраться к ней в постель. Когда он все-таки получит доступ к этой святыне, он поклялся, что сделает это так, чтобы не пришлось покидать ее снова.

Когда Изабелла купалась, ее мелодичное мурлыканье сводило его с ума, заставляя болезненно напрягаться все тело.

Однажды вечером Мак понял, что больше не может справиться с собой. Бет с Йеном уютно устроились в своей спальне, Кэмерона с Дэниелом не было дома, равно как и Харта. Из ванной, как обычно, доносился голос Изабеллы и плеск воды.

Мак толкнул незапертую дверь и вошел, не потрудившись даже постучать.

— Дорогая, ты решила свести меня с ума?

От неожиданности Изабелла уронила губку в воду. Она была в комнате совершенно одна, без Эванс. Прежде чем садиться в ванну, Изабелла заколола волосы повыше, но несколько рыжих прядей все равно упали на мокрые плечи. Она раздраженно посмотрела на Мака:

— Не все то, что я делаю, должно тебя касаться, Мак.

В ее голосе не было ни тревоги, ни раздражения. Как будто она разговаривала с ним во время чаепития. Мак сразу вспомнил их последнее чаепитие в гостиной у Изабеллы и почувствовал, как покрывается испариной.

— Я всегда восхищался твоим пристрастием к чистоте.

Он сложил руки на груди, чтобы она не заметила, как у него дрожат пальцы. Мыльная пена мешала видеть все тело Изабеллы, но розовые руки и нежные коленки, высовывавшиеся из воды, вызвали болезненное напряжение и страстное, неукротимое желание.

— Разве не ты рассказывала мне, что однажды твоя мать сравнила тебя с утенком? — беззаботно продолжал Мак. — Потому что ты любишь плескаться в любой воде, какая есть поблизости?

— Думаю, что никогда не отвыкну от этого.

Нет, Изабелла точно решила погубить его. Таков ее подлый план: дать ему взглянуть одним глазком на то, что он не может получить, чтобы он прямо на месте превратился в горстку пепла. Эванс подметет этот пепел и выбросит в мусорный бак. И нет больше назойливого Мака Маккензи.

— Йен с Бет возвращаются в Шотландию в конце недели, — обронил Мак.

— Я знаю. — Изабелла провела мочалкой по руке, мыльные ручейки стекали в ванну. — Ты поедешь с ними?

— Посмотрим.

Этот же вопрос Мак хотел задать и ей.

— Что — «посмотрим»?

— Сколько музыкальных вечеров и небольших суаре ты организуешь в Лондоне. Сейчас уже слишком холодно, чтобы проводить вечера на открытом воздухе, поэтому, я думаю, ты не будешь проводить их в доме в Бакингемшире.

— Мой календарь светских мероприятий предсказуем на много лет вперед, — удивилась Изабелла и провела мочалкой по другой руке. — Балы по поводу открытия и закрытия весеннего сезона, вечера на открытом воздухе в июле и августе, самые важные скачки в сентябре, сезон охоты и Рождество в замке Килморган. Не вижу причин, чтобы менять свои планы в этом году.

— Похоже, мой календарь светских мероприятий ничем не отличается от твоего. Какое счастливое совпадение!

— Для разнообразия.

— Для большого разнообразия, — с серьезным видом поправил ее Мак.

Изабелла подняла на него свои прекрасные зеленые глаза, потом опустила ресницы и, высунув ногу из воды, положила ее на край ванны.

Мак наблюдал за скользящими движениями губки от кончиков пальцев до колена и едва сдерживал себя.

— Мак, потри мне, пожалуйста, спину.

Он замер на мгновение. Изабелла смотрела на него, он — на Изабеллу. Еще не успел раствориться в воздухе звук последнего слога, как он бросился через всю комнату к ней, срывая на ходу сюртук.

Глава 11

Привычка шотландского лорда из Мейфэра быть сегодня здесь, а завтра — там рождает множество домыслов. Леди появляется на балах и в опере, выступает в роли хозяйки на суаре вместе младшим братом лорда, самого лорда нигде не видно поблизости.

Апрель 1877 года

Изабелла затаила дыхание, когда Мак сорвал сюртук и бросил его на стул. Ее забила дрожь, как только он вошел в комнату. Сегодня вместо килта на нем были черные брюки, кремовый жилет и белая рубашка. Никакого отличия от других мужчин в городе. Но Мак был не таким, как все. Он заполнял своим присутствием любую комнату, в которую заходил, и, как бьющуюся рыбу, насаживал ее на крючок. Изабелла почувствовала, что нервничает, когда увидела, как он смотрит на нее. Нравится ли ему то, что он видит? Мак предпочитал леди с пышными формами, а Изабелла, когда ушла от него, здорово похудела, потому что не могла ничего есть. Потом аппетит кое-как пришел в норму, но юношеская округлость так и не вернулась к ней. А Мак, похоже, не изменился, хотя отечность, которую приобрело его лицо в результате пристрастия к выпивке, пропала, и теперь лицо казалось довольно худощавым. Теперь он стал еще красивее, чем прежде.

Мак снял жилет и распахнул рубашку. Изабелла впилась в него голодным взглядом, пока он закатывал до локтя рукава рубашки. Его сильные руки были покрыты золотистыми волосами, притягивавшими свет, когда он двигался.

Он улыбнулся Изабелле и наклонился, чтобы забрать мочалку из ее ставших ватными пальцев.

Он не делал вид, что не смотрит на нее. Она физически ощущала его взгляд: вот он скользнул от ее шеи к груди, задержался на плавной линии ноги, лежащей на краю ванны. Потом подошел к Изабелле сзади и коснулся губкой ее шеи. Она подалась вперед, наклонив голову.

Изабелла сидела так, закрыв глаза. Теплая вода текла по спине к ягодицам; прикосновение мочалки к коже и вода вызвали приятные ощущения. Если бы ее мыла Эванс, это ощущение оставалось бы просто приятным. Но сейчас это был Мак, его напряженное тело находилось совсем близко, и приятное ощущение переросло в чувственное.

Изабелла уткнулась подбородком в колени и улыбнулась, слыша, что Мак продолжает мыть ей спину. При этом одну руку он положил на край ванны, на кончиках загорелых пальцев были видны приставшие крапинки краски.

От вида этих пятнышек у Изабеллы сжалось сердце. Из всего того, что она помнила о нем, почему именно эти пятнышки наполнили ее сильным желанием? Возможно, потому, что они напомнили ей, кто такой Мак. Художник, который занимается живописью из любви к искусству, не заботясь о том, хвалят или осуждают его окружающие.

Изабелла потянулась вперед и поцеловала пальцы Мака.

Мак поднял руку, но только для того, чтобы обнять ее сзади. Он заключил ее в объятия, не беспокоясь, сколько воды перельется при этом через край ванны. Его руки обхватили грудь Изабеллы, и она закрыла глаза.

Все это было таким знакомым для нее и одновременно таким далеким. Дыхание Мака щекотало ей ухо, а большие руки согревали грудь, пока пальцы ласкали соски, превращая их в твердые бутоны. Мак целовал ее шею, и прикосновение горячих губ обжигало кожу.

«Мак, как же я скучала по тебе».

Изабелла задыхнулась от сладострастного чувства, когда одна рука Мака скользнула вниз, а пальцы прижались к заветному холмику между ног, и она раскрылась ему навстречу. Разум предупреждал, что она должна остановить его, сдержанно оттолкнуть, но тело не слушалось. Она слишком долго ждала этого, а Мак знал, как заставить ее тело петь.

Изабелла прикрыла глаза, позволив чувственному началу взять верх над разумом. Когда она выгнулась навстречу его ласкам, Мак тихо засмеялся:

— Узнаю свою шаловливую леди. Ты все такая же гладкая и приятная, какой я тебя помню. И скользкая.

— Это мыло.

— Нет, любовь моя, — пальцы Мака ласкали ее лоно, делая провоцирующие движения, — это — ты.

— Все это было слишком давно.

— Я думаю, ты помнишь, что это такое. — Мак наклонился и нежно прикусил губами мочку ее уха. — Позволь напомнить тебе, моя Изабелла, что ты доставила мне массу удовольствия в своей гостиной. Дай мне отблагодарить тебя за это.

Изабелла вся дрожала под его настойчивыми ласками, она выгнулась, словно лук в руках опытного лучника, и теперь уже не думала ни о чем, кроме Мака и его волшебных рук. За время их брака он научился великолепно понимать ее и сейчас успешно применял свои познания. Сильные пальцы ласкали ее бедра, дразнили, проникали внутрь лона, заставляя Изабеллу стонать от наслаждения.

Когда она в первый раз достигла высшей точки блаженства, Мак замедлил свои движения, чтобы потом, когда она немного успокоится, зажечь ее опять. Так повторялось снова и снова, пока Изабелла не застонала от разочарования. Мак только смеялся и опять мучил ее самой сладостной пыткой на свете.

Тело Изабеллы извивалось от нарастающего возбуждения, и она едва не выскользнула из ванны прямо на него. Мак улыбнулся, его глаза потемнели от желания. Он весь вымок, сквозь мокрую рубашку просвечивало тело. Пол вокруг ванны тоже был залит водой.

Мак приподнял ее и поцеловал. Он властно прижался к ее губам, нетерпеливо раздвинул их языком и проник в рот. Изабелла коснулась рукой брюк, там, где напряженно выступала его плоть.

— Да, — прошептал Мак, — мне хочется наброситься на тебя и наплевать на все доводы рассудка.

Он поцеловал ее страждущие губы.

Изабелла жаждала иного. Возбуждение нарастало в ней, словно огромный огненный шар.

— Мак, — уцепилась она за полу его промокшей рубашки.

— Я знаю, чего ты хочешь. — Мак поднял ее на край ванны. — Не забыла, что я хорошо тебя знаю?

Изабелла кивнула. Они и раньше так играли, и она сразу поняла, что должна сделать. Она встала в воде, раздвинув ноги, и Мак опустился перед ней на колени прямо на мокрый пол.

Изабелла запрокинула голову, когда он прижался губами к шелковистому треугольнику волос внизу живота. Он умело ласкал ее руками, доставляя немислимое наслаждение, но то, что сейчас вытворял его неутомимый язык, просто затмевало все остальное.

Это было райское блаженство. Пальцы Изабеллы запутались в его волосах, и она не отпускала его ни на секунду. Ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание, потому что такого чувственного наслаждения не испытывала с тех пор, как они расстались. Изабелла даже представить не могла бы, что кто-то другой сможет доставить ей удовольствие лучше Мака. Он умело пользовался губами и языком, чтобы свести ее с ума. Она стонала, извивалась, ее бессвязные крики взлетали к потолку.

Соприкосновение небритого подбородка с нежной кожей только усиливало ощущения, пока его губы и язык делали свое дело, медленно подводя Изабеллу к пику блаженства.

Ее накрыла волна такого пронзительного удовольствия, что Изабелла едва не задохнулась от восторга. Ей хотелось полностью раствориться в нем, она хотела, чтобы он отнес ее на кровать и никогда больше не отпускал. Рядом с Маком она становилась бессильной, таяла, превращаясь в крошечную лужицу.

Ее плоть пылала и молила о близости. Изабелла сходила с ума от желания и была готова умолять его лечь с ней в постель. Только один раз. Изабелла с такой силой потянула его за рубашку, что даже немного порвала ее.

— Мак...

О черт, в этот момент она услышала шаги Эванс по коридору.

Из ее горла вырвался хриплый стон досады, и она оттолкнула Мака. Он сел на пятки и провел по губам тыльной стороной ладони. Тело Изабеллы ныло от неудовлетворенного желания, она видела, как горят глаза Мака. Он осознавал свою власть над ней.

— Ты должен уйти.

Изабелла быстро опустилась в ванну, ощущая мелкую дрожь в теле, которое никак не могло остыть от его ласк.

— Почему, любовь моя? — дьявольски улыбнулся Мак, оставаясь на полу. — Неужели ты боишься, что пострадает твоя репутация, если тебя застукают здесь, наедине с мужем?

— Нет. Просто...

Изабелла отмахнулась, разбрызгивая капли воды.

— Что «просто»?

Мак неторопливо встал. Рубашка прилипла к телу, открывая взгляду жесткую растительность на груди и затвердевшие соски.

— Спрятаться за ширмой? Или под одеялом? Дорогая, Боже мой, что же скажут леди Чопорность и мисс Недотрога?

— Мак.

Он склонился и страстно поцеловал ее.

— Как пожелаете, миледи. Я вас покидаю. На этот раз.

Изабелла облегченно вздохнула, хотя и не понимала, почему так разволновалась. Эванс тысячу раз заходила в комнату, когда они целовались, и всегда делала вид, что ничего не замечает. Но сейчас Изабелле почему-то не хотелось, чтобы Эванс видела ее вместе с Маком. Ей не хотелось, чтобы Эванс заметила ее смущение.

Мак коснулся пальцами ее щеки и направился к двери, открыв ее как раз в тот момент, когда на пороге появилась Эванс. Она спокойно посмотрела на Мака поверх стопки полотенец, которую несла в руках.

— Добрый вечер, Эванс. — Мак взял полотенце, лежавшее в стопке сверху, и стал промокать лицо и шею. — Должен предупредить вас, что мадам сегодня немного раздражена.

Изабелла взвизгнула и бросила мочалкой в Мака, которая шлепнулась в дверь рядом с его головой. Мак засмеялся, вытер с лица мыльную воду и подмигнул Эванс:

— Я же говорил!

На следующее утро, когда Мак вышел к завтраку, Изабелла не удостоила его даже равнодушным взглядом. Мак тайком улыбался, пока она не смотрела в его сторону. У нее отлично получалось не замечать человека. Она не делала из этого трагедии, не играла в игры, она просто вела себя так, как будто человек, о котором шла речь, здесь не присутствовал.

Мак откинулся на спинку стула и наслаждался спектаклем. Он знал, что она злится на него за то, что он довел ее до безумия, хотя каждую секунду этого безумия испытывала наслаждение. Даже когда бросала в него мочалку, и тогда получала удовольствие. Но еще Мак понимал, как хорошо, что Эванс вовремя прервала их игру, потому что, если бы они довели ее до естественного финала, Изабелла оттолкнула бы его еще решительнее.

С ее гневом Мак как-нибудь совладеет. Но если она возненавидит себя, то с этим ему не справиться. Если она не доверяет ему, это он сможет пережить и преодолеть, но если она перестанет доверять самой себе, его борьба окажется бессмысленной.

Его плоть никак не соглашалась с такими рассуждениями, потому что хотела только одного: как можно скорее погрузиться в ее жаркое лоно и испытывать чувственное наслаждение.

За завтраком Изабелла объявила о своих планах после скачек ехать вместе с семьей на север Шотландии. И для Мака все решилось. В любой другой момент он остался бы в Донкастере с Кэмом, пока тот присматривает за лошадьми, предпочитая непредсказуемому настроению Харта компанию своего среднего брата-весельчака. Но когда Изабелла заявила, что принимает

приглашение Бет проехаться в купе первого класса, только заболевание чумой могло бы заставить Мака остаться.

Несколько дней спустя, когда они сели в поезд, Йен, ничего не спросив, отправился в купе следом за Бет и Изабеллой. Ни он, ни Бет, похоже, нисколько не удивились, когда туда же вошел Мак и сел рядом с Изабеллой. Он удобно откинулся на спинку сиденья и скрестил ноги, а Изабелла отодвинулась к окну и решительно отвернулась от него.

В Эдинбурге они пересели на другой поезд, и Мак снова присоединился к ним в купе на время короткого переезда до Килморгана.

Прибытие семьи на небольшую станцию в Килморгане, как обычно, стало главным местным событием. Приветствовать Харта на родной земле вышел начальник станции; подали два ландо и два фаэтона; три лакея и две служанки слушали указания о том, как разместить багаж. Носильщик, начальница почтового отделения, хозяин паба и его жена, а также все те, кто случайно оказался в этот момент в пабе, тоже вышли навстречу прибывшим, чтобы помочь чем-нибудь или просто поболтать.

Может быть, Харт и был вторым по значению пэрром Англии, но здесь, в его собственных владениях, сельские жители разговаривали с ним по-свойски, давая советы и смеясь над его шутками. Жена хозяина паба спрашивала у Изабеллы насчет ежегодного праздника урожая, который для сельских жителей и соседних поместий состоится в Большом доме. Для Бет он станет первым, поэтому она с интересом задавала вопросы.

Начальница почты без стеснения схватила за руку Мака и заглядывала ему в лицо через толстые стекла очков. Ее мужа скрутил ревматизм, миссис Макнаб с большой энергией заботилась о нем. Ее задачей было добывать сведения о жизни соседей и все передавать мистеру Макнабу.

— А вы с миледи снова вместе? — неся по платформе ее голос. — Как не стыдно расходиться в разные стороны, когда совершенно понятно, что вы так любите друг друга, даже если она англичанка.

— Я пытаюсь это исправить, миссис Макнаб, — подмигнул ей Мак.

— Да я уж вижу. Эти расставания жен и мужей, наверное, стали модным делом в городах, но ведь это не что иное, как скандал. Для полного счастья вам нужно обзавестись кучей детишек, запомните мои слова.

У самой миссис Макнаб было шестеро сыновей, все уже взрослые. И хотя ростом они значительно превосходили мать, боялись ее до смерти.

Мак видел, как напряглась Изабелла, но она не подала виду, что слышала их разговор, и выскользнула из здания станции. Он похлопал миссис Макнаб по руке, поблагодарил за совет и устремился за Изабеллой.

Несмотря на спешку, Маку не удалось сесть в экипаж вместе с ней, Йеном и Бет, поэтому он поехал во втором экипаже с Хартом. Он не видел Изабеллу, когда они приехали домой, но замок в Килморгане, да теперь уже и не замок, а растянувшийся, словно чудовище, дом был таким огромным, что увидеть ее сразу по приезде было непросто. В своем крыле дома Мак переодел запылившийся в дороге костюм и постучал в дверь соседней комнаты. Раньше эта комната принадлежала Изабелле, но сейчас она была пуста, кровать не подготовлена, камин холодный.

— Она остановилась в комнате дальше по коридору, милорд, — подсказала Эванс, проходя мимо с ворохом коробок на руках. — Распоряжение ее светлости.

Еще две недели назад решение Изабеллы воспользоваться другой комнатой рассердило бы Мака, но теперь это решение только позабавило его. Если она решила, что переезд в другую комнату, расположенную дальше по коридору, мешает ему, то она ошибается.

Мак продолжил свои поиски и наконец нашел Изабеллу на верхнем этаже в своей студии. Она стояла спиной к нему и изучала три картины, стоявшие у дальней стены. Это были те три холста, которые Мак втайне написал еще до пожара в его студии.

— Вот черт!

Изабелла услышала тихий голос Мака, но не повернулась. Она не могла оторваться от созерцания холстов, которые, словно божественные лики, излучали свет.

На одной картине было изображено ее лицо, шея, грудь. Поднятые в высокую прическу волосы были украшены желтыми розами, как тогда на балу у лорда Аберкромби. На другом полотне она, обнаженная, сидела на полу, вытянув ноги, волосы почти скрывали ее лицо. На третьем холсте она спала, положив под голову руку, по обнаженному телу струились рыжие волосы.

— Я не позировала, — не поворачиваясь, сказала Изабелла.

— Да, — Мак прикрыл дверь, — я писал по памяти.

Картины были выполнены в приглушенных тонах, и только характерные для Мака мазки красного и коричневого цвета выделялись яркими цветовыми пятнами. Женщина на этих картинах жила и дышала, была настоящей. Это была Изабелла.

— Когда?

— В Лондоне, до того, как сгорел мой дом.

— Три картины за неделю?

— На меня нашло вдохновение. — В голосе Мака послышалось напряжение. — И потом, они еще не закончены.

Изабелла наконец повернулась, чтобы посмотреть на Мака. Он по-прежнему стоял у двери. Обаятельный, улыбчивый мужчина, который так решительно ухаживал за ней последние несколько недель, куда-то пропал. Сейчас перед ней стоял хмурый Мак, которого она видела после того, как они расстались. Человек, который отказался от выпивки и от своей претендующей на понимание искусства компании и жил отшельником в Килморгане или в своем доме в Лондоне и никуда не высывался.

— Надеюсь, они не предназначены для пари, которое ты заключил? Ну, насчет картин эротического характера?

— О Господи, ну конечно, нет! — возмутился Мак. — Ты думаешь, я позволю таким типам, как Данстан и Мэннинг, пялить свои похотливые взгляды на мою жену? Если ты так думаешь, значит, совсем не знаешь меня, Изабелла.

На самом деле она так не думала, но за последние три года Мак сильно изменился, поэтому

Изабелла ни в чем не была уверена.

— А разве я когда-нибудь знала тебя по-настоящему?

— Я думал, знала. Когда-то. — Мак подошел к картинам. — Я уничтожу их.

— Ты не сделаешь этого. — Изабелла встала перед картинами, словно защищая их. — Они прекрасны.

— Ты счастлива, что твой живущий отдельно муж нарисовал твое обнаженное тело? — удивленно поднял брови Мак. — Может быть, для того, чтобы вглядываться в то, что ему не принадлежит?

— Так ты для этого их написал?

— Нет. — Мак беспокойным движением провел рукой по волосам. — Или да. Я не знаю. Я должен был написать их. Они рвались из меня на волю. Но теперь эти картины уже не важны. Я прикажу Беллами сжечь их.

— Нет!

— Любимая, эти картины — бесполезное потакание одержимому разуму. Или ты хочешь сказать, что намерена своими руками уничтожить их? Здесь где-то у меня был нож.

— Ты не уничтожишь их, потому что эти картины — лучшее, что ты создал.

— Согласен, — Мак снова провел рукой по волосам, — неплохая работа.

— Неплохая? Мак, да эти картины гениальны. Они похожи на ту, что ты написал в тот день, когда я вышла за тебя замуж. Когда ты впервые показал мне свою студию, я была преисполнена благоговейного страха. Мисс Прингл научила нас разбираться в настоящем искусстве, и я видела, что твои картины именно такие.

— Вряд ли их можно сравнивать с Рубенсом или Рембрандтом, дорогая, — насмешливым тоном сказал Мак.

— Да, это больше похоже на Дега и Мане, как сказал мистер Крейн.

— Крейн станет нахваливать даже муравья, ползущего по холсту, если за это ему полагается вознаграждение при продаже. Кроме этого, ты назвала имена художников, очень скандальных и отверженных обществом. Респектабельные люди разделят твое мнение, что я принадлежу к одному с ними классу.

— Ты воспринимаешь это всерьез? Картины прекрасные, и я не позволю тебе сжечь их, порезать или сделать с ними что-то еще. Если мне придется купить их у тебя, чтобы сохранить, я куплю.

— Ты знаешь, что я никогда не продаю свои картины. Возьми их, если они тебе так нравятся.

Изабелла пожевала губу. Мак всегда беспечно отмахивался от комплиментов собственному таланту, думала она, пока не поняла, что ему просто безразлично, что думают другие люди. Мак обожал писать, и ему было совершенно неинтересно, что там говорят о его работах. Вот почему он дарил холсты и не боролся за признание его таланта Королевской академией. Мак нисколько не гордился своей творческой одаренностью, которую считал частью самого себя,

подобно цвету глаз с медным отливом и голосу с легкими шотландскими интонациями.

— Тебя правда не волнует, что с ними станет? — спросила Изабелла.

— Абсолютно, — ответил Мак, посмотрев на картины каким-то голодным взглядом.

— Но это ложь, полнейшая ложь.

— А что ты хочешь услышать от меня? Ты хочешь, чтобы я сказал, что это лучшие мои картины, что они часть моей души, которая тоскует без того, чего не может иметь? Что они кричат о том, что я чувствую, когда смотрю на тебя?

— Я хотела сказать, что ты должен признать, что картины просто замечательные, — покраснела Изабелла.

— Они действительно хороши. Они то единственное, что я смог написать за многие годы.

— За многие годы? — уставилась на него Изабелла. — О чем ты говоришь?

Мак отвернулся, потер виски, как будто у него болела голова.

— Как ты думаешь, почему я равнодушно отнесся к человеку, который подделывает мои работы? Во всяком случае, пока он не поджег мой дом? Я не шутил, когда сказал, что он пишет лучше меня. Ты видела, какая пародия у меня получилась, когда я писал Молли. Я не смог сделать ничего приличного, с тех пор, как перестал плыть по жизни под парами виски. Все, что я пытался создать в трезвом состоянии, было ужасным. И я пришел к выводу, что мой талант проявляется только в тех случаях, когда я пьян.

— Неправда...

— Нет, это правда. Последнее, что я делал, были виды каналов Венеции. Я работал над ними до тех пор, пока силуэты гондол не стали вызывать у меня физическое отвращение. Последнюю картину и оставшиеся бутылки виски я в ту же ночь выбросил в канал. Кстати, никогда не рассказывай Харту про виски, он меня убьет. После этого я вернулся в Англию и обнаружил, что не могу сделать ни одного мазка. Заметь, в первые месяцы трезвости у меня так дрожали руки, что я не мог держать кисточку, не говоря уж о том, чтобы расстегнуть пуговицы на рубашке.

Изабелла вдруг очень ярко представила себе Мака, одного, в его студии на верхнем этаже дома на Маунт-стрит, сердито разбрасывающего по комнате холсты, когда у него ничего не получалось. Осознание собственного бессилия наверняка разбило его сердце.

— Ты никогда мне не рассказывал.

— Что я должен был рассказать тебе? — рассмеялся Мак. — Что я конченный человек? Даже когда я освоился в роли трезвого человека, я не смог написать ни одной тени, которая не была бы грязной, провести ни одной линии, которая была бы точной. — Мак перевел дыхание. — Потом я написал эти три картины...

Изабелла была потрясена его откровенностью.

Когда она только вошла в комнату, картины были спрятаны в огромном узле, который, она видела, Беллами притащил в ее лондонский дом после пожара в доме Мака. Тогда она не

обратила на это внимания, а сегодня, когда они приехали в Килморган, ей стало любопытно, над чем работал Мак. Она нашла Беллами, который распаковывал вещи, и поторопила его, чтобы он достал эти полотна.

Беллами, должно быть, не знал, что на них изображено, потому что, когда они появились на свет, он покраснел, пробормотал что-то и выскочил за дверь.

Сначала Изабелла рассердилась. Зачем это Мак писал ее, не сказав ей самой об этом? Это было похоже на то, как если бы он подсмотрел за ней в замочную скважину и изобразил на холсте то, что увидел.

Потом ее поразило, насколько удивительны эти картины. Талант Мака был виден в каждом мазке, в каждой детали. Королевская академия никогда не признавала работы Мака, заявляя, что его картины низкопробные и скандальные, но, по мнению Изабеллы, эта академия могла катиться к черту со своим признанием.

— Так ты поэтому сказал, что откажешься от пари? — нарушила молчание Изабелла. — Не потому, что не смог создать эротическую картину, а потому, что не мог писать вообще?

— Ты видела. — Мак посмотрел в глаза Изабелле. — Я лучше откажусь и позволю им посмеяться над собой, чем покажу эти картины.

— Ты не станешь отказываться, — заявила Изабелла. — И выиграешь это проклятое пари. Если ты можешь писать только меня, значит, ты будешь писать меня.

— Черта с два! — От ярости у Мака даже шея покраснела. — Я сказал, что не позволю моим так называемым друзьям смотреть на твое обнаженное тело. Оно предназначено только для моих глаз.

— Но ты же можешь, например, изменить цвет волос. Или нанять Молли, когда вернешься в Лондон, и изобразить ее голову вместо моей. Мне все равно.

— Писать на заказ? Выбирать тела и головы, чтобы угодить зрителю? Боже упаси!

— Ради Бога, Мак, это же не для выставки в Париже. С помощью этих картин ты должен выиграть пари с несколькими отвратительными людьми в твоем клубе. Покажи им картины, а потом уничтожь их, если хочешь. Я не позволю, чтобы тебя осмеяли какие-то бездарные светские снобы, которым нечем заняться, кроме как придумывать способы посмеяться над другими.

Мак улыбнулся, и в его улыбке появился намек на прежнее озорство.

— Вот это да! Ты защищаешь своего пропадающего мужа.

— Если я смогу помочь тебе захлопнуть язвительные рты Данстана и Мэннинга, я сделаю это.

— Говорю тебе, мне совершенно безразлично, что обо мне думают эти ребята.

— Я знаю, что тебе-то это безразлично, а вот мне невыносима мысль о том, что они станут смеяться над тобой, говорить, что ты слабый и безвольный и... бесталанный.

Мак разразился хохотом. Все еще продолжая смеяться, он положил руки на плечи Изабеллы.

— Если ты хочешь поступить так, любовь моя, я не буду с тобой спорить. Я же не сошел с ума,

чтобы спорить. Только позволь мне самому решать, хочу ли я выиграть это чертово пари.

Когда он был вот таким прежним Маком, обаятельным, улыбающимся и дерзким, Изабелле хотелось всю свою жизнь быть с ним рядом и никогда не думать о чем-то другом. Даже понимание того, что жизнь с Маком никогда не была легкой, меркло перед его улыбкой. Она любила его тогда и любила его сейчас. И никогда не переставала любить. Но выбор — выбор был ужасно трудным.

— Ну и ладно. — Изабелла чувствовала, что ее голос звучит слишком уступчиво, потому что Мак как-то подозрительно прищурился. — В конце концов, это твоё пари, делай как знаешь. — Она выскользнула из-под его рук, когда из коридора послышался металлический звук колокольчика. — О Господи, это сигнал к ужину? А я еще не переоделась.

Мак встал между ней и дверью, преграждая путь. В его глазах появился опасный блеск.

— Я заставлю тебя сдерживать слово, жена. Встречаемся здесь, завтра утром, в десять часов. Не слишком рано? Ваша светлость успеет встать и позавтракать?

— В девять. К этому времени я вернусь с утренней прогулки.

— Хорошо, в девять. Можешь не одеваться.

— Я надену самый толстый халат. — Изабелла покраснела, но старалась говорить спокойным тоном. — Я знаю, ты всегда забываешь растопить камин, когда работаешь.

— Как хочешь. — Взгляд Мака скользнул по ее шее, вниз к груди, как будто он мог видеть через платье то, что ему предстояло увидеть завтра. — Тогда до завтра, миледи.

— Ты хотел сказать — до ужина. Если ты, конечно, не собираешься прятаться в своей комнате в это время.

— Я и не мечтал об этом, — опять ухмыльнулся Мак.

Изабелла с убийственным взглядом прошла мимо, но его потемневшие глаза заставили ее сердце биться в ускоренном ритме. Ни один мужчина не умел смотреть на женщину так, как смотрел Мак. Он заставлял ее почувствовать себя желанной, нужной. Он смотрел на нее так, как будто представлял ее обнаженной и разгоряченной на полу под тяжестью собственного обнаженного и такого же разгоряченного тела. Он был грешным мужчиной и хотел творить с ней грешные дела. За своей спиной Изабелла услышала смех Мака. Он всегда так делал, когда она уходила, обиженная до глубины души, потому что четко знал, что такие же грешные дела она сама хочет совершать с ним.

Глава 12

Холодок в отношениях между лордом и леди на Маунт-стрит, по-видимому, растаял. Так за суровой зимой приходит долгожданная весна. Лорд объявил всем без исключения, что в начале следующего светского сезона ожидается появление маленького Маккензи.

Май 1877 года

Мак заблаговременно подготовил холсты и рамки. Он хотел быть готов к приходу Изабеллы, чтобы у нее не осталось времени передумать.

Если она вообще придет. За ужином Изабелла не разговаривала с ним лично, хотя и не обходила его присутствие ледяным молчанием, как это было в Донкастере. Она болтала с Бет, обменивалась репликами с Хартом, втянула в разговор Йена.

Мак наблюдал за Йеном, поражаясь произошедшим с ним переменам. Его младший брат, человек с израненной душой, который раньше мог надолго уйти в себя, никого не замечая вокруг, теперь был разговорчив, конечно, по сравнению с прежним Йеном, и всякий раз, когда он смотрел на свою жену, на его губах блуждала улыбка.

Правда, Йен все еще неловко чувствовал себя, когда встречался взглядом с кем-то, кроме Бет, и ловил каждое ее слово, глядя на ее губы, как будто ему нравилась их форма. Но теперь ему лучше, чем прежде, удавалось следить за нитью разговора других людей. Никакой отстраненности, никаких внезапных приступов раздражения. Он смотрел на Бет с явной любовью. И это Йен, которому всегда было непросто выразить словами свои мысли. Бет словно возродила Йена к жизни, и Мак всегда будет благодарен ей за это.

Йен заметил, что Мак смотрит на него, и наградил его торжествующим взглядом. Какая дерзость! Братья много лет пытались пробудить в Йене энергию жизни, а две женщины открыли для него мир: Изабелла — сестринской любовью, а Бет — любовью жены.

После ужина Мак отправился в студию, чтобы подготовиться к завтрашнему утру. Он урвал несколько часов сна на диване, который поставил там, потом встал задолго до прихода Изабеллы, надел свой традиционный килт, башмаки и платок, чтобы не испачкать краской волосы.

Когда точно в девять Изабелла открыла дверь, Мак стоял, склонившись над столом, и смешивал краски. Он не оглянулся, когда она вошла. Послышался шорох шелковой ткани, и у Мака задрожали руки.

— Боже мой, здесь и правда тепло, — изумленно сказала Изабелла. — Я надела теплый халат, но ты, похоже, затопил камин.

— Это Беллами. — Мак, не поднимая глаз, решительно продолжал смешивать краски. — Мы же не можем загубить ее светлость, правда? Запри дверь, любовь моя, если не хочешь, чтобы кто-нибудь из членов семьи случайно не наткнулся на тебя в костюме Евы.

Щелкнул замок. Зашелестел халат Изабеллы, пока она пересекала комнату.

— Мне сесть?

Мак продолжал смешивать краски, чтобы получить свой знаменитый оттенок желтого.

— Тогда я устроюсь поудобнее и буду ждать, когда ты будешь готов.

Мак резкими движениями водил мастихином [3] по палитре. Добавил немного зеленого, оказалось, слишком много. Проклятие. Пришлось начинать все сначала.

— Я сегодня утром чудесно покаталась верхом, — сказала Изабелла. — Отличная погода. Бодрящий воздух.

Немного кадмиевой желтой — будет то, что надо.

— Харт ездил со мной. Мы много разговаривали. Он спрашивал, как я отнесусь к тому, если он

снова женится.

Мак напряженно работал всеми мышцами, пока размешивал до нужной консистенции большой объем краски. Тот, кто утверждает, что писать красками физически нетяжело, просто ничего не понимает в этом деле.

Мак, собравшись с силами, наконец повернулся.

Изабелла сидела на краю кушетки, как впервые выехавшая в свет девушка на своей первой чайной церемонии. Ноги она аккуратно поставила на пол, руки положила на колени. Рыжие волосы были собраны в простой узел, из которого выбилось несколько прядей. На ней был широкий халат, но шелк льнул к обнаженному телу, а из открытого ворота скромно выглядывала мягкая округлость груди. О Боже!

Кушетку без спинки Мак поставил перед занавесом из темно-красной парчи. Кушетка имела конструкцию канапе: один конец был приподнят, так что леди могла откинуться назад, полулежать или полусидеть. Кушетку украшали драпировка из белого шелка и гора золотистых подушек. Рядом на столике стоял кувшин с яркими желтыми розами. Некоторые бутоны уже поникли.

— Ложись. — Мак резко вздохнул и заставил себя отвернуться. — И прикрой живот белой тканью. Через минуту я начну.

Такие же рекомендации он приказным голосом отдавал многим натурщицам, не испытывая при этом никаких чувств, когда они выскальзывали из своей одежды и эффектно устраивались там, где он предлагал. Для Мака натурщицы представляли интерес лишь с точки зрения формы и колорита. Они терпеливо держали предложенную художником позу, не разговаривая, не хныкая и не пытаясь флиртовать с ним.

Мак взял кисть и подошел к мольберту, не отрывая взгляда от холста. Краем глаза он увидел, как Изабелла развязывает пояс халата, и услышал громкий стук собственного сердца.

«Но я ведь и раньше писал ее. Это всего лишь картина, и больше ничего».

— Вот так? — услышат он ее голос.

Ему надо посмотреть на нее. Как он, интересно, собирается писать, не глядя на нее?

Мак посмотрел в ее сторону и едва сдержал стон.

Изабелла лежала, опираясь на один локоть, вполоборота к нему, прикрыв живот струящейся белой тканью, оставив на виду нежные груди с темными сосками и ярко-рыжий треугольник волос между ног. Когда они поженились, Изабелле было восемнадцать, ее груди, были высокими и упругими, как два персика. Спустя шесть с половиной лет грудь стала полнее, бедра округлились, женственные изгибы тела заменили угловатость фигуры молоденькой девушки. Она была так прекрасна, что Маку хотелось плакать.

— Мак? — Изабелла подняла руку и щелкнула пальцами. — Ты здесь, Мак?

— Задумался.

Мак заставил себя посмотреть на нее с беспристрастным лицом, как будто это была ваза с фруктами, которую он поставил для рисования. «Фрукты. Господи, помоги мне!»

— Это должна быть эротическая картина, а твоя поза слишком скучная и однообразная.

— Но мне мало что известно об эротических картинах.

— Представь, — Мак с трудом сохранял спокойный тон голоса, — что твой возлюбленный несколько раз овладел тобой и потом оставил одну.

— О Боже.

Изабелла села, поджав под себя ноги, и как будто стала что-то писать на коленке.

— Что, скажи, пожалуйста, ты делаешь? — уставился на нее Мак.

— Пишу прошение своему адвокату, указываю имя обольстителя и сумму, которую я ожидаю получить в возмещение ущерба.

— Восхитительно, любовь моя. — У Мака опять заколотилось сердце. — А теперь ложись. И раскинься небрежно.

— Раскинуться? — удивленно подняла брови Изабелла. — Как это — раскинуться?

— Ты хочешь сказать, что в академии мисс Прингл не учили этому искусству?

— Ни этому, ни тому, как надо выглядеть после того, как тебя обольстили, — ответила Изабелла. — Наверное, мне следует поговорить с мисс Прингл, чтобы она внесла изменения в программу обучения.

— Попробуй, — рассмеялся Мак. — И пожалуйста, позволь мне присутствовать при вашем разговоре.

— Я думаю, ты хотел сказать, что я должна выглядеть растрепанной.

Изабелла провела рукой по волосам, и из пучка выбилось несколько локонов, упавших на лицо.

Нет, она решила убить его. Они разговаривали легко, как будто на самом деле все это было не важно, но при этом оба нервничали. По крайней мере Мак. Изабелла, как всегда, казалась спокойной и невозмутимой.

— Не просто растрепанной. У тебя была ночь необычайно страстной любви.

— Мне придется воспользоваться собственным воображением. Я не уверена, что знаю, что это такое.

Коварная улыбка Изабеллы и озорной блеск глаз лишили Мака сдержанности. Он бросил кисть, обошел вокруг мольберта и остановился рядом с Изабеллой.

— Маленькая чертовка!

— Я пошутила, Мак. Думаю, у меня были страстные ночи.

— Ты, моя дорогая, находишься в опасной близости к...

Мак замолчал, не в состоянии завершить предложение.

— В опасной близости к чему, милорд? — улыбнулась Изабелла.

«К утру восхитительной страсти, — хотел сказать он. — Она ведь его жена, его второе «я». Так почему он должен себя сдерживать?»

— К щекотке, — закончил свое предложение Мак. — Тебя надо щекотать до тех пор, пока ты не перестанешь шутить над своим едва ковыляющим старым мужем.

— Я бы никогда не стала применять слова «едва ковыляющий» и «старый» в отношении тебя.

Изабелла окинула взглядом его тело сверху донизу, и Маку показалось, что его лизут языки пламени.

Ему было трудно дышать. Говорить. Думать. Он присел на край кушетки и поправил сбившуюся простыню у нее на животе.

— Я обещал завершить эти картины до Михайлова дня. А теперь раскинься, моя дорогая. Руки над головой, вот так, ноги вытяни вот так, простыню скомкай и отбрось в сторону.

Изабелла безмолвно позволила ему проделать все манипуляции с собственным телом. У Мака дрожали руки, как будто он был парализован.

— Если бы леди действительно спала после ночи страстной любви, — сказала Изабелла, — она бы завернулась в простыню, чтобы не замерзнуть. После того как согрела себя чашечкой чая.

— Ты в полном изнеможении. Еле-еле вообще проснулась. — Мак шлепнул ее по бедру. — Здесь подбери немножко.

— Что? Ты намекаешь, что я толстая, Мак Маккензи?

— Это слово никогда бы не сорвалось с моих губ, мой маленький ангел.

— Тогда, может, пухлая, а? Или даже тучная?

Маку хотелось сказать, как он обожает эти роскошные формы и ее тело, которое стало еще прекраснее с тех пор, как он видел его последний раз. На самом деле после ухода от него она немного похудела, Мак заметил, что она стала меньше есть, и его это тревожило.

Но Мак рисовал женщин с пятнадцатилетнего возраста и знал, как чувствительно относятся они к любому, даже кажущемуся изменению в объеме талии. Мудрый художник никогда не скажет об этом, если только не хочет лишиться работы. Мака всегда радовало, что Изабелла весьма трепетно относится к своему телу, но, даже подшучивая, как сейчас, он был не настолько глуп, чтобы признаться ей, что предпочитает ее округлые формы телам женщин, которые постоянно худеют и похожи на щепки.

вернуться

3

Специальный нож для смешивания красок или очистки палитры.

— Любовь моя, у тебя самый изящный, какой только можно себе представить, зад, как говорят

французы.

— Лгун. — Изабелла подцепила пальцем пояс его килта. — Снимай это.

— Что? — замер Мак. — Зачем?

— Ты увидел, какая я стала. Может, я тоже хочу увидеть, не стал ли твой зад со временем шире.

Она увидит лишь пугающую мощь его восставшей и увеличившейся в размерах плоти. И сможет повесить на нее свою шляпку со скачек в Сент-Леджере... О Господи, почему он подумал об этом?

— Ты уже видела меня в ванне у себя в доме в Лондоне, — пробормотал Мак. — А у тебя в гостиной я поднимал свой килт.

— И оба раза — мимолетный взгляд, и только. — Изабелла еще сильнее потянула за пояс килта. — Давай, Мак. Смена позиций — честная игра.

Мак решил, что удавит того, кто придумал эти слова. Он сделал глубокий вдох, расстегнул и отпустил килт, позволив шерстяной ткани упасть на пол.

— О, вот это да! — округлила глаза Изабелла.

Мак поставил одно колено на кушетку, завис над Изабеллой и наклонился к ее лицу.

— Неужели ты думала, что будешь лежать здесь в таком виде, не вызывая во мне никакой реакции? Да в таком состоянии я пребываю с тех пор, как ты примчалась в мой дом и наконец заговорила со мной после трех с половиной лет молчания.

— Но это было несколько недель назад. Наверное, это доставило тебе некоторые неудобства.

— Неудобства? Это было ужасно!

— Но ты отлично справился, — сверкнула глазами Изабелла.

— Я умираю, так хочу тебя. Мне удавалось сдерживать себя все эти годы, потому что ты требовала этого. Но больше сдерживать себя я не могу.

Изабелла проглотила ком в горле. Мак ждал, что она опять пошутит, оттолкнет его, посмеется над ним.

— Но сейчас ты со мной, — прошептала Изабелла, прикоснувшись к его лицу. — И дверь заперта.

— Черт, — прорычал Мак, — хотел бы я быть святым. Если бы я был святым, я смог бы уйти из комнаты даже с закрытой дверью.

— Если бы ты был святым, ты бы никогда не женился на мне, — тихо сказала Изабелла.

— Я сделал тебя несчастной?

— Ты спас меня от заурядного брака с заурядным человеком, который проводил бы дни в клубе, а ночи — с любовницей. Мне ничего не оставалось бы делать как покупать новые

платья, устраивать чаепития и праздники.

— Но ты и так покупаешь новые платья, устраиваешь чайные церемонии и праздники.

— Я покупала платья, в которых, как я думала, тебе будет приятно видеть меня, — покачала головой Изабелла. — Чайные церемонии я устраивала для твоих друзей, они были и моими друзьями тоже. Я организовывала праздники, чтобы помочь людям, которым эта помощь нужна, потому что я хотела следовать твоему примеру, когда ты помогал бедным художникам.

— Я много раз оставлял тебя одну. Совсем как заурядный муж.

— Но не ради клуба или любовницы, что было бы невыносимо.

Изабелла нежно смотрела на него своими зелеными глазами. Мак коснулся губами ее ресниц, чувствуя, какие они пушистые и густые.

— Клубы — отвратительное место, — шептал он. — Игорные дома и кабаре — намного интереснее. Я бросал тебя на несколько недель, чтобы сбежать в Париж, Рим или Венецию. Все зависело от моего желания.

— Потому что ты считал, что мне необходимо побыть одной, подальше от тебя.

— Да, — выдавил Мак.

Изабелле было трудно жить замужем за ним — Мак видел это. Они спокойно жили вместе месяц-другой, потом ее взгляд становился напряженным, на лице появлялось обессиленное выражение. Они теряли самообладание, начинали ссориться по разным пустякам. Вскоре Мак понимал, что самым лучшим подарком от него Изабелле были бы мир и покой. Он собирал вещи и исчезал. Он писал ей из тех городов, где останавливался, из Рима, Парижа или Цюриха, рассказывал сплетни о друзьях и посылал почтовые открытки. Изабелла никогда не отвечала, но Мак вел кочевой образ жизни, поэтому это было не важно. Письмо вряд ли дошло бы до него.

Через несколько недель он возвращался, она встречала его радостной улыбкой, и все начиналось сначала. До наступления очередного кризиса в отношениях.

Мак посмотрел ей в глаза и понял, что Изабелла не верит, что на этот раз что-то будет по-другому. Если он мудрый и практичный человек, он выйдет сейчас из этой комнаты, давая понять, что готов к медленному развитию событий, готов обеспечить ей тихий, прочный, разумный брак, а не тот, который изобиловал взлетами и падениями.

Но Мак не был мудрым и практичным и уж точно не отличался благоразумием.

Он поцеловал Изабеллу.

Все его тело наполнилось жизнью. Он почувствовал, как бурлит кровь в жилах, как напрягаются мышцы, какие мягкие у Изабеллы губы.

— О Боже, какая ты сладкая. — Мак целовал ее губы, чувствуя на них вкус утреннего чая с сахаром. — Маленькая сладкая дебютантка, которую я выкрал под носом у ее отца.

Эта маленькая сладкая дебютантка обняла Мака за шею и потянула на кушетку, прямо на восхитительно обнаженное тело.

Почувствовав тяжесть тела собственного мужа, Изабелла издала тихий стон. От него пахло краской, его губы возбуждали ее, обещали, дразнили. Это было так давно, так давно.

— Изабелла, — прошептал Мак с потемневшими от страсти глазами.

Сейчас он был совсем другим Маком, не таким, как тогда в Донкастере, когда дразнил ее, пока она принимала ванну. Тогда, заигрывая с ней, он был одет и чувствовал себя хозяином ситуации. Теперь он целовал ее и был, как и Изабелла, обнажен, их тела прижимались друг к другу, и только смятая простыня служила барьером между ними. Сейчас они были мужем и женой.

— Просто поцелуй меня, Мак, — прошептала Изабелла.

— Но я не этого хочу.

— О Господи, — расширила глаза Изабелла, пытаясь сохранять беззаботный тон, — ты и правда ступил на путь воздержания.

— Нет, моя дорогая, я хочу тебя. — Улыбка Мака смогла бы растопить самое крепкое ледяное поле. — Я хочу любить тебя часами. Днями. Неделями. Только поцелуев мне мало.

— Ты уже говорил это раньше. — Изабелла коснулась пальцами рыжей щетины на подбородке. Сегодня утром он не брился. — Но тебе хочется всего и сразу. Разве нельзя просто принимать все так, как оно есть?

— Я очень близок к этому.

Изабелла рассмеялась, а Мак насупил брови.

— Не надо смеяться, Изабелла. Господи, какая ты красивая!

Изабелла рассмеялась еще громче. Мак встал и взял ее на руки.

— Эта кушетка такая неудобная.

Изабелла отметила, что он не попросил ее пойти вниз к нему или к ней в спальню. Она знала, что к тому времени, когда они оденутся и пойдут туда, разум может возобладать над чувствами.

А Изабелла не хотела этого. Пока не хотела.

Мак сел на кушетку и усадил Изабеллу к себе на колени. Удерживая ее в сильных руках, он целовал ей шею, грудь. Его волосы щекотали подбородок Изабеллы, и она поцеловала его в макушку, чувствуя, как в ее тело упирается напряженная плоть Мака.

Мак продолжал покрывать поцелуями ее тело, протиснув ей между бедер руку.

— О, ты готова, Изабелла, — широко улыбнулся он, коснувшись ее лона, — не сомневайся.

— Я знаю.

— Я, наверное, умру на месте, если не овладею тобой.

Изабелла развернулась и оседлала Мака, широко расставив на кушетке ноги.

— Не знаю, получится ли у меня, — забеспокоилась она. — Это было так давно.

— Такое не забывается, любовь моя.

Внезапная паника привела Изабеллу в полное смятение. Она думала, что преодолела это. Но Мак не прикасался к ней с тех пор, как она оттолкнула его после случившегося выкидыша. Почти четыре года назад. Он никогда не настаивал, никогда не уговаривал, но проходили месяц за месяцем, и Изабелла стала замечать раздражение в его глазах. Ей ужасно хотелось подойти к нему, успокоить и его, и себя, но страх не позволял ей сделать это.

— Если ты хочешь прекратить...

Мак не отпуская ее взгляд.

Какие великодушные слова. Изабелла понимала, что он едва сдерживает себя, но даже теперь ему не хотелось давить на нее. Он уйдет, если Изабелла хочет этого.

— Я не хочу останавливаться. — Изабелла обхватила руками его лицо и поцеловала Мака. Поцелуй был долгим и нежным. — Я хочу этого.

У Мака потемнели глаза, он вновь погрузил пальцы в ее горячее лоно.

— Ты готова?

Изабелла кивнула, она все еще волновалась. Мак, не отрываясь от ее губ, медленно, поддерживая ее за бедра, вошел в нее. Изабелла задохнулась, расширила глаза, почувствовав внутри его плоть. Такие необычные и одновременно такие знакомые ощущения.

— Ты такая тугая, — прошептал Мак. — Ну почему ты такая тугая?

— Потому что живу как монашка.

— А я живу как монах. Кажется, мы только что нарушили все наши клятвы.

Изабелла засмеялась, потом вздохнула и устроилась поудобнее. Совершенно никаких болезненных ощущений, плоть Мака без усилия проникла в ее тело. От радости и необыкновенной легкости Изабелла улыбнулась. Все замечательно.

Прошло так много времени с тех пор, как они были близки, но Изабелла в точности помнила свои ощущения в их самую первую ночь. Мак словно отпечатался на ней той далекой ночью, и ее тело никогда не забывало его.

Мак запустил руку в ее волосы, высвобождая их из узла, пока они не упали свободной волной ей на спину.

— Мое место здесь, — пробормотал он, нежно глядя ее тело, и Изабелла, качнув бедрами, начала двигаться.

Ощущение того, как восторженно принимало Мака ее тело, заслонило ему все другие мысли.

— Я люблю тебя, — услышала свой голос Изабелла.

— А я люблю тебя, моя Изабелла. И никогда не переставал любить, ни на одну секунду.

В студии стояла тишина, которую нарушало только их шумное дыхание, возгласы удовольствия да немного поскрипывающая кушетка.

Мак был прав: его место было рядом с ней. Они идеально подходили друг другу и знали это сердцем. Изабелла вдруг вспомнила, сколько ночей провела рядом с ним. Его крепкое тело вдавливало ее в матрас, нежные руки были повсюду, а горячие губы снова и снова доводили ее до изнеможения. Любовь с Маком могла быть бурной и восторженной, потом — медленной и жаркой, как этим солнечным утром в его студии.

От тепла камина и жарких рук Мака у Изабеллы горело все тело. Мак изучал ее из-под полузакрытых глаз с довольным лицом и грешной улыбкой на губах.

— Скандальная дебютантка обвивает ногами порочного лорда, — объявил он.

— Любящего лорда, — поправила Изабелла.

— Никогда не сомневайся в этом. И все же лорд — порочный, очень порочный. Развратный озорник.

— Меня соблазнили.

— Удобная отговорка. Тебя соблазнили этим? — Мак сделал более настойчивое движение, и Изабелла ахнула от наслаждения. — А как насчет этого?

Мак приподнял ее и сделал еще одно мощное движение.

— Да! Мак! Да!

— Пока еще нет, — остановился Мак.

На его лице застыло сосредоточенное выражение. Он задрожал, и на теле выступила испарина. Тем временем его ладони скользнули по гладким бедрам Изабеллы туда, где соединялись их тела, и пальцы стали умело и уверенно дразнить и ласкать ее естество. Изабелла уже чувствовала, как растет напряжение внутри ее и горячая волна окутывает ее тело, но эти прикосновения сводили ее с ума. Они лишь усиливали возбуждение, и все ее тело стремилось им навстречу. Изабелла вскрикнула, и ее звонкий голос взлетел к потолку большой светлой комнаты.

Дыхание Мака стало хриплым, он цепко держал ее в руках и как сумасшедший неистово стремился достичь пика. Он приподнял ее и опустил и вновь приподнял. И еще, и еще...

Изабелла откинулась назад, отдаваясь воле Мака. Когда наступил долгожданный момент любовного экстаза, Изабеллу затопили такие острые ощущения, что ей показалось, что она теряет сознание. Когда она открыла глаза, Мак смотрел на нее и улыбался.

— Ты прекрасна, — хрипло сказал он, — любовь моя, радость моя. Как же ты прекрасна!

Изабелла поцеловала его горячие губы, а он потянул ее на себя и лег на кушетку, прижав к себе. Они так и не разъединили свои тела, плоть Мака оставалась такой же напряженной, что и в самом начале. Он продолжал с улыбкой смотреть на нее.

Они постепенно успокоились, сердца стали биться ровнее. Горели, потрескивая, угли в камине, согревая комнату. Ей было вдвойне тепло лежать сверху на Маке, который был прекраснее

любого матраса, на котором ей приходилось лежать.

— Я всю тебя испачкал красками. — Мак провел пальцами по щеке Изабеллы. — Наверное, следы краски остались на моих пальцах, когда я растирал их.

— Я привыкла, — улыбнулась Изабелла, — и всегда обожала смотреть на тебя, перемазанного в краске.

— Или пахнущего краской?

Иногда Мак превращал работу над картиной в бурные любовные игры, если они с Изабеллой случайно оказывались в студии одни.

— А это мне нравилось больше всего, — призналась Изабелла.

Она давным-давно не ощущала такой удовлетворенности, такого насыщения. Здесь была любовь, она исходила от Мака и окутывала собой Изабеллу.

— Нам хорошо вместе, — шептал ей на ухо Мак. — Все газеты в отделах светской хроники рассказывали о нашем браке, но они никогда не знали, насколько нам было хорошо.

— Газеты печатали такую ерунду, — поцеловала его в щеку Изабелла, ей нравилось, что щека была колючей.

— Особенно мне понравилось, — засмеялся Мак, — когда они придумали, будто я заблудился и оказался в Риме вместо нашего суаре.

— Это я виновата. Мне тогда так надоели с расспросами, куда ты делся, что я всем объявила, что ты, должно быть, заблудился. Я помню, что сильно злилась тогда.

— На меня?

— На них. Это не их дело, где ты находишься. Это касалось только тебя и меня.

— Но теперь я здесь, — тихо сказал Мак.

Изабелла качнула бедрами, чувствуя его твердую плоть внутри:

— Точно, здесь.

— Я здесь, чтобы остаться, — хрипло сказал Мак. — Навсегда.

— В таком положении это будет очень неудобно, даже для тебя.

— Не знаю, — поцеловал ее Мак, — мне здесь нравится.

Изабелла приготовилась что-то сказать, но вдруг почувствовала медленное движение Мака, и все ее слова замерли на губах, растворившись в чувственном удовольствии. Он всегда так делал: дожидался, когда она становилась податливой и сонной, а потом вновь зажигал ее с такой силой, что в конце оба чувствовали изнеможение и полное удовлетворение. Мак оставлял ее задыхающейся от удовольствия, разгоряченной, смеющейся и счастливой.

Когда они вместе достигли вершины экстаза во второй раз, то были уже на полу, Изабелла — по-прежнему сверху, сорванный занавес из красной парчи укрывал их тела. Мак хрипло

засмеялся, потом его глаза потемнели, как бывало всегда, когда он готовился излить в нее свою жизненную силу. Его руки блуждали по влажному телу Изабеллы, запахи любви смешивались с запахом краски. Всякий раз, когда Изабелла слышала этот запах, она вспоминала о Маке.

Мак прижал ее к себе, и они затихли, пытаясь отдышаться. Они долго лежали в полной тишине, не разговаривая, пока в высокие окна не стало заглядывать солнце.

— Мак, — пробормотала Изабелла, — что с нами случилось?

— Ты вышла замуж за Маккензи. — Мак провел ладонью по ее волосам. — Надо было быть сумасшедшей, чтобы пойти на это.

— Я не была сумасшедшей. — Изабелла подняла голову и посмотрела в его твердое лицо. — Я знала, что поступаю правильно. И никогда в этом не сомневалась.

— Я сам поступил чертовски глупо. Не смог устоять, чтобы не подразнить маленькую дебютантку в белом наряде, но мне следовало оставить тебя в покое.

— Но я только рада, что ты этого не сделал. Я понимала, за кого мои родители хотели отдать меня замуж. Отец к тому времени уже подобрал трех джентльменов. Родители думали, что я не знаю, но я узнала. Когда там, на террасе, ты прошептал, что у меня скорее всего не хватит смелости сбежать с тобой, я поняла, что ты мое спасение, и воспользовалась этим.

— Спасение? — нахмурил брови Мак. — Так я был твоим спасением? Изабелла, ты меня убила.

— Я выбрала тебя, Мак. Но не ради богатства. Мисс Прингл всегда говорила, что ради денег не стоит выходить замуж: богатый муж может оказаться скупым или отравить жизнь.

— Мисс Прингл следовало стать проповедником, — еще больше нахмурился Мак.

— Она действительно поучала нас, но была права.

— Неужели в тот момент, когда ты решила сбежать из семьи и жить со мной, став героиней скандала и сплетен, ты думала о добродетельной мисс Прингл?

— Но ничего скандального в этом не было: мы поженились. — Изабелла провела пальцем по его губам. — Ну и ладно, если даже немного не так, как следует.

— Все было сделано так, как надо. Я позаботился, чтобы этот брак был законным, потому что знал, что твой отец будет вынюхивать все до последней мелочи, пытаясь отменить его.

— Бедный отец. Я перечеркнула все его надежды и чувствовала себя несчастной, поступая так. Но если бы мне пришлось выбирать опять... — Изабелла посмотрела прямо в глаза Маку, — я поступила бы точно так же.

— Я разрушил твою жизнь.

На лице Мака одновременно отразились смущение, надежда, печаль.

— Не строй из себя этакого страдальца. Знаешь, почему я согласилась выйти за тебя замуж, Мак Маккензи? Никогда не встречая тебя, я знала о тебе все, потому что все вокруг только и говорили о твоей семье. Я слышала все об Йене в том ужасном приюте, о Кэме и Харте с их несчастливыми браками и о тебе, пишущем обнаженных женщин в Париже.

- О Боже, — у Мака вспыхнули глаза, — какой позорный факт для девичьих ушей.
- Мне надо было залезть в нору, чтобы не слышать этих сплетен, скандалов и тому подобного.
- Признаю, что браки Кэма и Харта оказались неудачными, но почему, скажи на милость, это подтолкнуло тебя к мысли выйти замуж за их брата?
- Потому, что они заботились о своих женах. Элизабет была жестока по отношению к Кэмерону, я знаю это, но он никогда и слова против нее не сказал. Сара разочаровала Харта своей чрезмерной застенчивостью, но он тоже никогда не сказал ни слова. Он оставил свою давнюю любовницу, чтобы быть верным жене, и заботился о ней до конца. Я видела Харта, когда умерли Сара и ребенок. Он был удручен горем, хотя некоторые злобные люди утверждали, что он испытал облегчение. Смерть жены была для него последней каплей. Харт так одинок.
- Изабелла, — прорычал Мак, — если ты начнешь заваривать Харту ячменный чай и вязать теплые домашние туфли, я заболею.
- Ты эгоист. За Хартом нужно присматривать.
- Он великий герцог Килморган. Это за мной нужно присматривать. — Мак обнял Изабеллу. — Я тот человек, у которого в руках было все счастье мира и который все потерял. Ты мне должна вязать домашние туфли.
- Не говори ерунды.
- Изабелла чмокнула Мака в кончик носа.
- Он обнял ее за шею и притянул к себе для долгого, страстного поцелуя. Разговор, как поняла Изабелла, закончился.
- Мак перевернул ее на упавшую занавеску и сам оказался сверху. В этот момент раздался стук в дверь и послышался хриплый голос Беллами:
- Милорд?
- К черту, — прорычал Мак, — уйди!
- Вы говорили, если срочно...
- Что, дом рушится?
- Пока нет, милорд. Его светлость хочет видеть вас.
- Передай его светлости, чтобы исчез. Куда-нибудь далеко-далеко.
- Мне кажется, вам следует поговорить с ним, милорд, — помолчав немного, расстроенным голосом сказал Беллами.
- Черт тебя побери! Ты работаешь на меня, а не на моего назойливого брата!
- В таком случае, милорд, я хочу предупредить, что уйду с этого места.

Мак раздраженно вздохнул. Братья уже привыкли к властным манерам Харта, но на этот раз

Изабелла понимала, что Харт, кажется, зашел слишком далеко.

— Все в порядке, Мак. — Кончик пальца Изабеллы скользнул с его носа к губам. — Может, что-то важное. Я не сбегу.

Мак приник к ее губам долгим и нежным поцелуем. Изабелла, окутанная чувственным туманом, полностью подчинилась ему, обняла и прижалась всем телом. У нее почему-то появилось такое чувство, что когда это мгновение закончится, другого такого может уже не быть. Она не понимала, откуда знает это, но это чувство захватило ее и заставило цепко держаться за Мака.

Сам Мак остался бы здесь, Изабелла знала это, но Беллами снова постучал в дверь и покашлял.

— Лучше пусть это действительно окажется важным, — пробормотал Мак, встал и, подхватив килт, направился к двери, демонстрируя Изабелле свой упругий зад.

Глава 13

После внезапной болезни леди с Маунт-стрит упаковала чемоданы и отправилась к морю. Мейфэр грустит по поводу ее отъезда.

Сентябрь 1877 года

«Срочно», — сказал Беллами. Что за катастрофа, думал Мак, спускаясь по лестнице.

В холле первого этажа стояли Харт с Йеном и женщина, которую Мак раньше никогда не видел. Главный холл дома, выстроенного в палладианском стиле, с высокими окнами, простирался по всей его длине и был уставлен полированной мебелью и украшен картинами. В самом центре холла стоял круглый стол с огромным букетом цветов. Цветы прислуга меняла каждый день. Раньше здесь стояла хорошо выполненная копия мраморной скульптуры «Аполлон и Дафна» работы Бернини. Но, несмотря на всю красоту скульптуры, Бет решила, что для леди, которые могут заглянуть сюда в гости, будет приятнее видеть цветы. Скульптуру перенесли в комнаты Харта наверху.

Мак сомневался, что эта женщина пришла навестить Бет или Изабеллу. Невероятно худая, в темно-коричневом платье, поношенной шляпке и в плаще, который свободно болтался на ее костлявых плечах, с поблекшим от усталости и забот лицом, она казалась больной, хотя выглядела ненамного старше Изабеллы. У ног женщины, привязанная к запястью ее руки куском бечевки, стояла крошечная девочка с ярко-рыжими волосами и карими глазами.

Харт разговаривал с женщиной по-французски. Йен стоял рядом, заложив руки за спину, слегка покачиваясь с пяток на носки, как он всегда делал, когда был растерян или огорчен.

Мак запахнул рубашку, которую набросил на его голое тело Беллами, и подошел к ним.

— Харт? В чем дело? Кто это?

Взгляд, которым одарил его Харт, мог бы прожечь дырку в камне. Этот взгляд золотистых, как у орла, глаз всегда был взглядом хищника и в данный момент выражал бешенство.

— Я предоставляю тебе свободу действий, потому что и сам не святой, — напряженным

голосом начал Харт. — Но я не потерплю лжи.

— Лжи? Какой лжи? О чем, черт возьми, ты говоришь?

— Эта женщина утверждает, что родила от тебя ребенка, — перебил Мака Йен. — Но она ошибается.

— Ну конечно, она ошибается, — изумленно согласился Мак. — Я никогда в жизни не видел эту женщину.

В глазах женщины отразилось непонимание, она переводила беспокойный взгляд с одного брата на другого.

— Вы ошиблись, мадам, — раздраженно сказал ей Мак по-французски.

Она бросила на него полный отчаяния взгляд и начала торопливо бормотать, что она ни в коем случае не могла ни с кем перепутать Мака Маккензи, шотландского лорда, который во Франции долгие годы был ее любовником. Ради нее Мак оставил жену, но через год после того, как родилась их маленькая дочь, исчез. Она долго ждала его возвращения, но болезнь и бедность не позволяют ей больше заботиться о маленькой Эйми, поэтому она приехала в Шотландию, чтобы найти Мака и отдать ему девочку.

Мак слушал ее с растущим изумлением. Харт с искаженным от гнева лицом едва сдерживался, а Йен смотрел в пол, подоткнув кулаком подбородок.

— Клянусь тебе, Харт, я представления не имею, кто эта женщина, — сказал Мак, когда незнакомка замолчала. — Я никогда не ложился с ней в постель, и это не мой ребенок.

— Тогда почему она, черт возьми, утверждает это? — потребовал Харт.

— Откуда мне знать?

За своей спиной Мак услышал легкие шаги и шуршание шелка и закрыл глаза. Проклятие.

Когда он вновь открыл глаза, Изабелла уже спустилась на последний лестничный пролет. Она была полностью одета, каждая ленточка завязана, каждая пуговичка застегнута. И только волосы вместо обычной прически были собраны в хвост, который лежал у нее на спине. Изабелла, ни слова не говоря братьям, сразу направилась к хрупкой молодой женщине.

— Изабелла, вернись назад, — встал на ее пути Харт.

— Только не указывай, что мне делать, Харт Маккензи, — решительно отрезала Изабелла. — А ей надо присесть. Кого-нибудь из вас, мужчин, можно попросить позаботиться о чае?

— Изабелла, — сурово повторил Харт.

— Этот ребенок никакого отношения к Маку не имеет, — повторил Йен. — Девочке мало лет.

— Я слышу тебя. Пойдемте со мной, мадам, — обратилась Изабелла к женщине тоже по-французски. — Мы присядем, и вы немного отдохнете.

Изабелла нежно обняла женщину за плечи, а та посмотрела на нее изумленным взглядом.

Они с Изабеллой сделали несколько шагов, как вдруг женщина прижала руку к животу и

повалилась на пол.

— К черту чай, Беллами, — крикнул Мак вслед слуге, который отправился выполнять просьбу Изабеллы похлопотать насчет чая. — Посылай за доктором.

Он помог Изабелле поднять женщину и усадить на небольшой диван, откуда женщина с ужасом смотрела на Мака.

— Все будет хорошо, мадам, — тихо сказала ей Изабелла. — Придет доктор, вы отдохнете.

— Ангел, вы просто ангел, — заплакала незнакомка. — Бедный мой ребенок.

Девочка, увидев, как упала мать, услышав крики мужчин, поняла, что происходит что-то ужасное. И сделала то, что сделал бы на ее месте любой ребенок: она широко открыла рот и начала громко плакать.

— Бедная моя малышка! — еще сильнее завывала женщина. — Что станет с моей бедной девочкой?

Йен повернулся и бросился по ступенькам вверх, пролетев мимо спускавшейся по лестнице Бет, словно не заметил ее. Бет бросила взгляд на его удаляющуюся спину и остановилась в нерешительности, не зная, куда ей теперь идти: вниз или вверх.

Все-таки она решила спуститься. Подойдя к малышке, Бет взяла ее на руки.

— Не плачь, — сказала она по-французски. — Никто тебя не обидит. Смотри, вот твоя мама.

Бет поднесла ребенка к матери, но молодая женщина даже не потянулась за малышкой. Она сидела, откинувшись на подушки, как будто давно не сидела на чем-то мягком.

Бет грустно посмотрела на Мака, встретив его вопросительный взгляд. Девочка немного утихла, но продолжала шмыгать носом, уткнувшись в плечо Бет.

— Бедняжка истощена, — держа женщину за руку, сказала по-английски Изабелла, обращаясь к Бет.

— Дело не только в этом. — Мак глянул на Бет. — Правда?

— Я уже сталкивалась с этим, — кивнула Бет, — в рабочем доме. Доктор снимет боль, но, думаю, не сможет ей помочь.

— Поэтому она и пришла. — Изабелла погладила руку незнакомки и опять перешла на французский: — Вы пришли сюда, потому что заболели.

— Когда лорд не вернулся, — кивнула женщина, — я не знала, куда еще идти.

— Нужно уложить ее в постель, — сказала Изабелла.

— Подождите Беллами, чтобы он отнес ее, — не двигаясь с места, как застывший бог, подал голос Харт.

— Господи, да я сам ее отнесу.

С этими словами Мак взял женщину на руки и едва не потерял равновесие, настолько легкой

она оказалась. Как будто на руках у него был скелет в одежде. Мак мысленно согласился с Бет: женщина умирала.

Пока Мак нес незнакомку вверх по лестнице, она внимательно изучала его лицо, смущенно нахмутив брови, и от этого на лбу у нее появилась морщинка. Бет с Изабеллой шли сзади, Бет все еще держала маленькую девочку на руках.

— Думаешь, ребенок испугал Йена? — услышал Мак вопрос Бет.

— Не знаю, — откликнулась Изабелла. — Ты не волнуйся, дорогая, я уверена, что с вашими собственными детьми у Йена все будет отлично.

Мак чувствовал тревогу Бет, но не знал, как ее успокоить. Йен был непредсказуемым человеком, и кто знает, как он поведет себя с собственным ребенком, когда тот родится?

Мак занес женщину в свободную спальню, которая предназначалась для гостей, и положил на кровать. Незнакомка с трепетом осмотрела изысканное убранство спальни, перебирая пальцами лоскутное одеяло, которым ее прикрыла Изабелла.

Изабелла забрала у Бет ребенка и передала Маку:

— Присмотри за ней, дорогой. Иди!

Крошка взглянула на Мака и опять заревела. Изабелла безжалостно подтолкнула Мака к двери и выпроводила в коридор, по которому уже спешила Эванс с ворохом одежды. Другая служанка несла таз с водой, еще одна — полотенца.

Маленькая Эйми продолжала пронзительно вопить, а дверь в спальню перед носом Мака уже захлопнулась. Но он заметил, что к ним по коридору направлялся Йен.

— Что ты с ней делаешь? — пробился сквозь плач Эйми его голос.

— Ничего. Держу на руках. Женщины выставили меня за дверь. Я всегда считал решительными шотландских женщин, но до англичанок им далеко.

Йен посмотрел на Мака так, как будто не понимал, о чем тот говорит.

— Я нашел на чердаке детские кубики, — обронил он и направился в небольшую гостиную рядом.

Следом за ним пошел и Мак с Эйми на руках.

Там Йен, присев, высыпал кубики из коробки на ковер. Эйми с интересом рассматривала их, сразу перестав плакать.

— Опusti ее на пол, — посоветовал Йен.

Мак поставил Эйми на пол. Стояла она весьма неустойчиво, поэтому буквально через минуту села на попку и потянулась за кубиками. Йен растянулся на полу рядом с девочкой и показал ей, как ставить кубики друг на друга.

— Как тебе удалось найти их на чердаке? — Мак упал в ближайшее кресло и свесил руки между колен.

— Мы в детстве играли с ними.

— Да я знаю, что играли, но это было двадцать пять лет назад. Спусти столько лет ты помнил, что они есть и где они лежат? — Мак поднял руку. — Нет, подожди, конечно, ты помнил.

Йен не слушал брата. Он учил Эйми, как строить невысокую стенку, которую она с ликованием разбивала. Йен ждал, пока она все разрушит, а потом терпеливо строил стену заново.

Мак провел рукой по волосам. Какое сумасшедшее утро. Только что в его объятиях была Изабелла и он был счастливым человеком. В воздухе запахло примирением, и Мак до сих пор чувствовал тепло ее тела. А в следующее мгновение притащилась ненормальная француженка, поставила перед ними ребенка и заявила, что это его ребенок. И Изабелла, вместо того чтобы схватить пистолет из оружейной комнаты и наставить на Мака, бросилась помогать бедняжке.

Должно быть, это ночной кошмар.

Мак встал. Надо надеть что-нибудь, кроме килта и рубашки, и выяснить, кто эта женщина.

Как только он подошел к двери, Эйми начала пронзительно голосить, ее визг проникал в мозг Мака. Она голосила до тех пор, пока Мак не вернулся и не сел с ней рядом. Она сейчас же успокоилась и опять начала играть с кубиками.

— Что с ней такое? — спросил Мак.

— Не хочет, чтобы ты уходил, — пожал плечами Йен.

— Но почему?

Йен молча продолжал составлять кубики. Как когда-то в детстве, он и сейчас старался ставить все кубики ровно, осторожно двигая их до тех пор, пока не получался идеально ровный ряд.

Эйми смеялась и разрушала построенную Йеном стену.

— Йен, — начал Мак, наблюдая, как брат опять составляет кирпичи, — почему только ты мне веришь? Я имею в виду, что этот ребенок не мой.

— У тебя не было женщины с тех пор, как Изабелла оставила тебя три с половиной года назад, — не отрываясь от своего увлекательного занятия, сказал Йен. — Эта девочка совсем еще малышка. Даже учитывая время, которое женщина вынашивает ребенка до срока, она слишком мала, чтобы быть твоей дочкой.

Безупречная логика. И в этом весь Йен.

— Знаешь, брат, я ведь мог и соврать насчет холостяцкой жизни.

— Но ты не лжешь, — поднял глаза Йен.

— Нет. А вот Харт считает меня лжецом. И одному Богу известно, что думает Изабелла.

— Изабелла верит тебе.

Мак посмотрел на брата и увидел, что Йен смотрит ему прямо в глаза. Мак приободрился. Такие мгновения дорогого стоили. Йен верил Маку, знал в душе, что Мак не врет. Это вдвойне ценно.

Йен моргнул ресницами и вновь занялся кубиками. Драгоценные мгновения миновали.

В комнате вдруг появился специфический запах. Они оба посмотрели на Эйми, которая взяла кубик и пыталась засунуть его в рот.

— Думаю, пора искать женщин, — сморщился Мак.

Братья встали. Эйми встала на четвереньки, попыталась подняться на своих полненьких ножках, не выпуская из рук кубик, и протянула руки к Маку.

На губах Йена появилась удивленная улыбка, хотя взгляд по-прежнему был уклончив. Мак взял на руки Эйми, от которой неприятно пахло, и они двинулись на отчаянные поиски женщин в этом доме.

Пришел местный доктор и довольно долго пробыл у постели француженки. Всякий раз, когда Мак заглядывая в спальню для гостей, он находил свою жену сидящей рядом с женщиной или помогающей доктору.

Эйми никак не хотела оставаться без Мака. Одна из служанок, веселая шотландка, у которой было пятеро своих детей, охотно помыла девочку и передела, но Эйми плакала всякий раз, когда Мак пытался выйти из комнаты, и замолкала, только когда он опять брал ее на руки. Весь остаток дня, как только Мак пытался оставить Эйми с Бет, с экономкой или с веселой служанкой, малышка кидалась в рев. В ту ночь Мак уснул одетый на неразобранной постели вместе с Эйми, которая устроилась рядом на животике.

Утром, все еще чувствуя усталость, Мак вынес Эйми на террасу. Дул холодный ветер, зима в Шотландию приходила рано, но в безоблачном небе ярко светило солнце. Экономка принесла маленький стульчик для Эйми и помогла Маку укутать девочку, чтобы не замерзла. На солнышке Эйми уснула, а Мак присел на низкий каменный парапет и смотрел на горы, острая стена которых окружала Шотландию.

Он услышал шаги Изабеллы за спиной, но не повернулся. Она подошла к парапету и остановилась рядом с Маком, глядя на красивый пейзаж, раскинувшийся перед глазами.

— Она умерла во сне, — немного помолчав, усталым голосом обронила она. — Доктор сказал, что рак распространился по всему телу, и удивился, что она еще жила до сих пор. Наверное, заставляла себя жить, пока не пристроила ребенка в надежное место.

— Она говорила тебе, как ее зовут?

— Мирабель. Это все, что она сказала.

Мак молча смотрел на разбитые в саду клумбы. Скоро отключат фонтаны, чтобы они не замерзли, а клумбы укроет снег.

— Я тебе верю, ты знаешь, — нарушила тишину Изабелла.

Мак повернулся к ней. Сегодня утром она надела коричневое платье, но в солнечном свете оно казалось ярким. Сейчас она была похожа на леди с картины Ренуара, такая же царственная и спокойная, солнечный свет бросал блики на ее волосы и играл в складках платья. От бессонной ночи лицо было бледным, но все таким же красивым.

— Спасибо, — ответил Мак.

— Я верю тебе, потому что Мирабель просто сразила меня своей робостью. Она говорила, что делала все возможное, чтобы удержаться и не искать тебя, что она вообще бы не покидала Париж, но ситуация стала безвыходной. Она испугалась меня, тебя, этого дома, — покачала головой Изабелла. — Совершенно не твой тип женщины.

— А если бы она была, как ты выражаешься, моим типом женщины?

— Даже если бы она оказалась смелой молодой женщиной, готовой поставить тебя на место, ты бы никогда не оставил ее жить в полной нищете, особенно с ребенком. Это не в твоем характере.

— Другими словами, ты не веришь в мою верность, веришь только в мое благородство и мой вкус к женщинам.

— Мы более трех лет жили отдельно, — пожала плечами Изабелла. — Я ушла от тебя, требовала развода. Откуда мне знать, искал ли ты удовольствий на стороне? Большинство джентльменов на твоем месте поступили бы именно так.

— Но я не отношусь к большинству. Я действительно думал об этом: то ли доставить себе удовольствие, то ли наказать тебя. Но так и не решился на это, потому что ты взяла мое сердце, я был словно пустой сосуд. Никаких чувств не осталось. Мысль о том, чтобы прикоснуться к кому-то еще...

Друзья Мака относились к его холостяцкой жизни с юмором, а братья думали, что он пытается показать себя перед Изабеллой. Вероятно, отчасти так и было, но настоящая правда заключалась в том, что Мак не хотел другую женщину. Встреча с другой не успокоила бы его и не помогла бы забыть Изабеллу. Мак пропал, когда женился на Изабелле, и этим все сказано.

— Должно быть, отец девочки — он, — сказала Изабелла. — Я имею в виду человека, который подделывал твои картины и продавал их мистеру Крейну.

— Я пришел к такому же выводу. Черт возьми, кто этот мерзавец? — Мак с сердитым видом посмотрел на горы. — Когда я нес Мирабель наверх, было видно, что она поняла, что ошиблась. Я не тот человек, которого она искала. Но она не сказала об этом ни слова. А тебе или Бет она что-нибудь говорила?

— Ну конечно, нет. Подумай сам, Мак. Если бы ты оказался на месте бедняжки, без пенни в кармане, зная, что умираешь, разве ты не оставил бы свою малышку брату состоятельного лорда или признал бы свою ошибку, чтобы твой ребенок оказался в сточной канаве?

— Эйми никто не собирается выбрасывать в сточную канаву, — сдался Мак. — Ее можно передать на воспитание какому-нибудь фермеру. Жена нашего егеря обожает детей, а собственных у нее нет.

— Ее вообще никому на воспитание передавать не надо. Я удочерю ее.

— Изабелла.

Мак пристально посмотрел ей в глаза.

— А почему нет? Эйми не виновата, что ее бросил отец, а мать умерла от неизлечимой болезни. У меня есть средства, большой дом и время, чтобы вырастить и воспитать ее.

— Ее отец скорее всего сумасшедший человек. — Мак оттолкнулся от перил. — Этот парень, кем бы он ни был, пишет картины и подписывает их моим именем, потом продает через уважаемых продавцов произведений искусств, но никогда не забирает деньги. Когда мы были на скачках, Рон клялся, что видел человека, делавшего ставки, которого он принял за меня. Значит, он преследует нас. Я уже не говорю о попытке сжечь мой дом.

— Но Эйми не виновата в этом.

— Я знаю. Но что может произойти, если он придет за ней? Об этом ты подумала? Ведь ты будешь одна.

— Я смогу защитить ее, — упрямо твердила Изабелла.

— Дорогая, я знаю, что ты хочешь ребенка, — нежным голосом сказал Мак.

— Конечно, хочу, — покраснев от раздражения, подтвердила Изабелла. — А Эйми никто не захочет взять. Почему я не могу попытаться помочь ей?

— А что ты скажешь этим бульварным газетенкам в ответ на вопрос, откуда она появилась?

— А почему я вообще должна им что-то говорить? У Эйми, как и у меня, рыжие волосы. Я скажу, что она сирота моего давно потерявшегося кузена из Америки, ну или что-нибудь в этом роде.

— Мой ангел, весь Лондон придет к выводу, что это моя внебрачная дочь от неизвестной женщины. Они все подумают так, как подумал Харт.

— Мне уже давно безразлично, какую там чепуху пишут эти бульварные газеты.

Изабелла произнесла это высокомерным тоном, но Мак знал, что ей совсем не безразлично. Журналисты уже заработали на них много денег. По какой-то причине широкую публику увлекали подробности того, как обустроила Изабелла дом на Маунт-стрит, что происходило у них на приемах и вечерах, почему у них с Изабеллой случались ссоры, настоящие и придуманные. Являясь братом второго самого влиятельного пэра в Англии и Шотландии, Мак давно уже привык, что за ним наблюдают и пишут о нем что кому вздумается, но Изабелла, которая вела очень закрытый образ жизни, довольно болезненно переживала все это.

Мак признавал, что не сделал ничего, чтобы интерес прессы к ним пропал. Он брал с собой Изабеллу в игорные дома, она присутствовала в его студии, пока он писал обнаженных натурщиц, ездил с ней в Париж, где работал днями без сна и отдыха, пока она ходила по магазинам и посещала приемы. Газеты обожали писать об этом.

— Но Эйми это может быть не безразлично. Со временем.

— Я не позволю, чтобы этот ребенок рос в бедности и без любви, — решительно отрезала Изабелла. — Кем бы ни был этот человек, ее отец, совершенно понятно, что Эйми ему не нужна. Миранда говорила, что работала у него натурщицей. Она думала, что позирует великому и благородному Маку Маккензи. О тебе к тому же было известно, что ты не изменяешь своей жене. Она бы никогда не поверила, что он — это ты, если бы мы по-прежнему жили вместе. — Изабелла перевела дыхание. — Если бы я не оставила тебя.

— Изабелла, ради Бога, послушай. В том, что появилась Эйми, твоей вины нет.

— Мне надо было остаться, Мак. Надо было попытаться все наладить.

У Изабеллы горели глаза, она вся дрожала. У нее была бессонная ночь, а сейчас она без умолку твердила об осознании собственной вины, хотя к ней это не имело никакого отношения.

— Я свел тебя с ума, любовь моя, — сказал Мак. — Помнишь? Я прочел письмо, которое ты мне написала. Я читал его сотни раз и каждый раз надеялся, что между строк смогу прочесть что-нибудь другое.

— Знаю. Но я сбежала, оказалась трусихой.

— Не говори так.

Мак потянул ее к себе и заключил в объятия. Изабелла пахла солнцем, и ему захотелось уткнуться в нее и так простоять здесь весь день.

— Я встречал трусов, Изабелла. Ты не такая. Господи, ты вышла замуж за меня, а это требовало мужества.

— Только не дразни меня сейчас, — сказала Изабелла, уткнувшись в его плечо. — Пожалуйста.

— Успокойся, любовь моя. — Мак погладил ее по ярко горящим на солнце рыжим волосам. — Ты можешь заботиться о малышке, если хочешь.

— Спасибо.

Мак замолчал, но все это ему не нравилось. Дело было вовсе не в благородстве Изабеллы, захотевшей помочь бедной девочке, которая лишилась матери, просто он боялся, что этим поступком она хочет искупить некую надуманную вину. Ему не давала покоя мысль о том, как поступит этот сумасшедший человек, когда узнает, что Изабелла взяла Эйми к себе. Маку просто необходимо было отыскать мерзавца.

Проснувшись Эйми, увидела Изабеллу и заворковала что-то, привлекая ее внимание. Прямо сейчас ребенку были нужны забота, ласка и тепло. Потом еще будет время, чтобы разобраться в сложных эмоциях взрослых.

Изабелла взяла девочку на руки, но Эйми заплакала и стала тянуть ручки к Маку. Он безропотно протянул руки, стараясь не думать о том, как ему стало приятно, когда малышка прижалась к нему и затихла.

— Нравится тебе это, Мак, или нет, — улыбнулась Изабелла с мокрыми от слез щеками, — но Эйми решила, что ты принадлежишь ей.

— И это означает, что если ты хочешь заботиться о ней, то мне придется находиться рядом с тобой.

— Разумеется, пока она не привыкнет ко мне. В таком случае тебе лучше отправить Беллами за билетами, чтобы мы могли вернуться в Лондон.

— В Лондон? А что не так в Килморгане? Здесь полно места, где Эйми может побегать, поиграть с детьми фермеров.

Изабелла посмотрела на него одним из тех взглядов, который сразу дал Маку понять, что в этих вопросах он безнадежен.

— Я должна отдать распоряжения насчет нянь и гувернанток, надо разобрать вещи, приготовить детскую. Надо переделать кучу дел до наступления сезона.

— Она пока еще не готова выступать в роли дебютантки. — Мак подбросил Эйми на руках. — Она еще очень маленькая, чтобы вальсировать.

— Не говори чепухи. Просто мой сезон весь расписан по дням, и я не стану отправлять своего ребенка в деревню, чтобы она не отвлекала меня, пока я буду развлекать гостей.

— Как делали твои родители, ты хочешь сказать?

Эйми тянула Мака за волосы до тех пор, пока он опять не подбросил ее на руках, и малышка завизжала от удовольствия.

— Совершенно верно, — подтвердила Изабелла. — Я помню это ощущение одиночества и собственной ненужности. И я не хочу, чтобы Эйми росла, видя нас издалека.

Изабелла все решила. Мак снова крепко прижал к себе Эйми, но почувствовал тревожное беспокойство. Он знал, что Изабелла глубоко переживала потерю их ребенка, но до этого момента не понимал, насколько сильно она хотела детей. Настолько, что была готова сделать Эйми своим ребенком?

Ясно только одно: какими бы сложными ни были мотивы Изабеллы, она решила ехать в Лондон с Эйми. Малышка была спокойной только рядом с Маком, а Мак был решительно настроен не выпускать Изабеллу из виду.

Следовательно, они уезжают в Лондон все вместе. Он и Изабелла, которые до сих пор были двумя настороженными спутниками, вращающимися один вокруг другого, а теперь стали частью крепкой тройцы.

Глава 14

Лондон с возмущением услышал о разрыве между шотландским лордом и его леди. Лорд удалился на континент, а леди больше не живет на Маунт-стрит. Есть поговорка, к которой многие невесты и женихи должны прислушаться: жениться не воды напиться.

Январь 1878 года

На террасе Мак назвал Изабеллу смелой, но свое настоящее лицо он показал Изабелле по дороге в Лондон. Они уехали на следующий день после похорон Мирабель на промокнутом от дождя церковном кладбище.

Эйми прилипла к Маку с удвоенной силой и почти никому больше не позволяла прикасаться к себе. Изабелле она разрешала подержать себя, сообразив своим крошечным умом, что Изабелла была вместе с Маком. Но при этом она совершенно четко обозначила, что предпочтение отдает Маку. Тот охотно соглашался и позволял Эйми прыгать у него на коленях, играть с карманными часами, таскать себя за волосы и хватать за нос.

Изабелла никогда не думала, что Мак так хорошо управляет с детьми. Будучи беременной, она тайком переживала, что он не проявит интереса к их ребенку, когда тот родится. Теперь, наблюдая за ним со своего места в купе, Изабелла с восхищением отмечала, что обращаться с

детьми у него получается даже лучше, чем у нее. Он накормил Эйми молоком из чашки, позволил ей раскрошить хлеб, оставшийся от его обеда, и устранился только в тот момент, когда пришло время сменить подгузник.

— Всему есть предел, — сказал Мак, передавая ребенка Эванс.

Служанка сразу как-то подобрела, увидев его играющим с Эйми, и все время снисходительно ему улыбалась.

Когда поезд тронулся, Мак заснул, прислонившись к стене в купе, а Эйми уснула у него на руках. Вид крупного мужчины в килте, который спал, прижимая к груди ребенка, растопил сердце Изабеллы.

Когда на следующее утро они приехали в Лондон, Мак дал указание своему кучеру везти их в дом Изабеллы. Выйдя из экипажа на Норт-Одли-стрит в сопровождении мужа, с которым они жили врозь и который теперь нес на руках ребенка, Изабелла кожей ощущала взгляды соседей. Она чувствовала, как поднимаются занавески и в окнах появляются лица. Мак прав: слухов не избежать.

Прислуга в доме Изабеллы, наоборот, оказалась на высоте. Мортон о приезде хозяйки предупредил телеграммой Беллами, и тот освободил спальню, где жил Дэниел, чтобы сделать из нее детскую комнату. Он также взял на себя смелость связаться со своей племянницей — у нее был опыт работы няней, и она в данный момент искала место. Мортон пригласил мисс Уэстлок приехать на собеседование в этот же день, если так будет удобно ее светлости.

— Вот поэтому я и говорю, что ты сманила моих лучших слуг, — засмеялся Мак. — Мортон — бог среди дворецких.

— Я стараюсь делать все, как нужно, милорд, — невозмутимо ответил Мортон.

— Знаю, Мортон, что все так и есть, но только я уверен, что ты бросил бы меня, ни секунды не раздумывая, если бы пришлось выбирать между мной и моей женой. Скажи Беллами, чтобы приготовил мне хорошую порцию дарджилинга, [4]приятель.

Изабелле понравилась мисс Уэстлок, хотя она не сомневалась в этом и до встречи с ней, потому что ее рекомендовал Мортон. Она сразу взяла ее на работу. Мисс Уэстлок, серьезная женщина лет тридцати пяти, считала само собой разумеющимся, что ей не откажут, и сразу взяла с собой вещи. Она быстро поднялась наверх в приготовленную для нее комнату рядом с детской и приступила к выполнению своих обязанностей.

Остаток дня Изабелла планировала посвятить распаковыванию чемоданов и походу по магазинам. Предстояло купить очень многое: детскую коляску, подгузники, детскую мебель, одежду, игрушки. Мак предоставил эти заботы ей, сказав, что они с Беллами отправляются в дом Мака, чтобы посмотреть, что там успели отремонтировать. Все закончилось тем, что ему пришлось взять с собой Эйми с мисс Уэстлок, потому что девочка не отпускала Мака от себя.

вернуться

4

Сорт черного чая.

Изабелла чувствовала приятное изумление и грусть одновременно, когда наблюдала, как Мак садится в экипаж с ребенком на руках, а следом за ним — мисс Уэстлок с большой сумкой детских принадлежностей. Покинув Лондон, Изабелла и Мак все время находились рядом; теперь было как-то непривычно, что он поехал, а она осталась и не поехала вместе с ним.

«Три с половиной года я жила без него, — напомнила себе Изабелла. — Три с половиной года». А теперь — один день без Мака, и дом кажется пустым. Она решила, что самый лучший выход — заняться делом, поэтому попросила заложить экипаж и отправилась на Риджент-стрит.

Она обнаружила, что ей нравится покупать детские вещи и игрушки, и посетила столько магазинов, что Эванс начала бормотать что-то про стершиеся подошвы башмаков. Изабелла успокоила ее и нагрузила служанку детскими книгами с картинками, кубиками, крошечным чайным сервизом и куклой высотой с Эйми. Знакомые, которых Изабелла встречала по пути, не скрывали своего любопытства, и она прямо говорила им, что планирует усыновить ребенка. Рано или поздно они все равно узнают, размышляла она. А делать из Эйми тайну она не собиралась.

Когда Изабелла вернулась домой, лакеи ворчали не меньше Эванс, пока носили в дом несметное количество коробок. На столе в холле она обнаружила письмо от Эйнсли Дуглас. Мак еще не вернулся, и Изабелла поспешила в свою спальню, чтобы почитать его.

Она дважды прочла послание и, поцеловав его, сунула в лиф платья.

— Дай тебе Бог здоровья, Эйнсли.

Когда Мак вернулся домой со спящей Эйми на руках, он нашел Изабеллу в детской. Мисс Уэстлок необходимо было решить кое-какие вопросы, поэтому Мак сам принес Эйми, чтобы уложить в кровать.

Изабелла стояла у окна, смотрела на угасающий день, глядя золотистые волосы куклы, посаженной на подоконник. Мак положил Эйми в кровать, укрыл одеялом и подошел к Изабелле.

Она не обернулась. Случайный луч солнечного света коснулся ее лица, и Мак заметил, каким грустным оно было. У него разрывалось сердце.

— Изабелла, — коснулся он ее плеча.

Она повернулась к нему с глазами, полными слез, собралась что-то сказать, словно хотела извиниться за слезы, но не смогла, слова застряли в горле. Мак распахнул объятия, и она шагнула прямо в них.

Мак крепко обнял ее, и тут же на нее нахлынули воспоминания.

«Не думай об этом. Не делай себе больно».

Но воспоминания были немилосердными.

Словно все это было вчера, Мак увидел себя заходящим в спальню Изабеллы в доме на Маунт-стрит после того, как у нее случился выкидыш. Он был пьян до такой степени, что еле стоял на ногах, несмотря на все усилия Йена запретить ему пить.

В поезде, следовавшем из Дувра в Лондон, он не выпускал из рук фляжку с виски, чтобы

заглушить страшную боль, которая грызла его изнутри. Он никогда ничего подобного не ощущал, даже когда умерла мать. Они не были особенно близки с матерью, он едва знал ее. Отец держал братьев подальше от хрупкой и болезненной герцогини: ревность старого герцога распространялась даже на сыновей. Герцогиня и умерла из-за этой излишней ревности.

Горе, которое пережил Мак в связи со смертью матери, ни в какое сравнение не шло с тем отчаянием, какое овладело им в тот момент, когда Йену наконец удалось втолковать ему, что Изабелла потеряла ребенка и сама находится на грани жизни и смерти. Виски, поглощаемое в огромных количествах, ничуть не облегчало ни чувства вины, ни печали, но Мак отчаянно продолжал напиваться.

Он ввалился в дом и поднялся в спальню Изабеллы. Мак помнил, что нашел ее в кресле у камина, где она сидела с распущенными волосами, с побледневшим и осунувшимся лицом. Когда Мак вошел, она подняла на него красные от слез глаза.

— Мне жаль, — упал перед ней на колени Мак и уткнулся лицом в подол ее халата. — Мне очень жаль, — прохрипел он.

Каждую секунду он ждал, что ему станет легче, она погладит его по голове и прошепчет, что все в порядке, она его простила.

Но Изабелла так и не дотронулась до него.

И только спустя несколько мрачных и унылых недель Мак понял, каким бессердечным эгоистом он был. А пока он ломал голову и переживал, что Изабелла не утешила его, не успокоила его боль. Он смотрел на нее и видел, какие суровые у нее глаза, а лицо было настолько белым, что казалось высеченным из мрамора. Мак попытался заключить ее в объятия, но был настолько пьян, что вместо этого упал на четвереньки и его стошнило прямо на ковер.

Йен, который редко выражал какие-то эмоции, схватил Мака в охапку и выволок из комнаты, бросая на него мрачные взгляды.

— Изабелла плакала, хотела тебя видеть, — сердито выговаривал ему Йен, пока Беллами чистил его одежду. — Поэтому я искал тебя. Не знаю, зачем ты ей нужен, ты же вечно пьян.

Мак и сам не знал. Почувствовав себя лучше, он опять отправился на ее поиски, зная, что ему необходимо извиниться перед ней.

Мак нашел Изабеллу в детской комнате, ее рука лежала на резной колыбельке, которую они вместе выбирали, как только узнали, что Изабелла беременна.

Он подошел к ней сзади, обнял, положив голову на плечо.

— Я даже выразить не могу, как я сожалею, что это случилось, когда меня здесь не было. Я пьяный хам. Я просто умру, если ты меня не простишь.

— Думаю, я прощу тебя, — ответила Изабелла, проведя пальцем по полированной спинке кровати. — Я обычно прощаю.

Мак почувствовал, что у него словно гора с плеч свалилась, и он зарылся лицом в ее восхитительные волосы.

— Мы попытаемся снова. Попытаемся зачать другого ребенка.

— Это был мальчик.

— Я знаю, Йен сказал мне. — Мак поцеловал изгиб ее шеи и закрыл глаза от вновь нахлынувшей боли. — Может быть, другой ребенок тоже будет мальчиком.

— Пока нет, — так тихо ответила Изабелла, что Мак почти не расслышал.

Ему показалось — он понял смысл ее слов. Ей потребуется время для восстановления. Познания Мака о женских недомоганиях исходили от его натурщиц. Он знал, что каждый месяц в течение нескольких дней они не могли позировать полностью обнаженными и иногда не могли работать по нескольку недель после родов или случившегося выкидыша. Их не очень устраивало это, потому что вечно нужны были деньги. Некоторые натурщицы приносили своих детей в студию, потому что у них не было средств, чтобы нанять няню ребенку. У них часто не было мужей и даже преданных любовников. Мак никогда не возражал против присутствия детей, и он им, похоже, тоже нравился.

— Когда будешь готова, скажи мне, — сказал Мак, коснувшись ее щеки. — Скажи, и мы все начнем сначала.

— Как ты можешь говорить об этом с такой легкостью? — Изабелла отшатнулась от него, на бледном лице ярко горели зеленые глаза. — Этот ребенок умер, ну подумаешь, мы постараемся завести другого.

— Я не это имел в виду, — растерялся Мак, столкнувшись с ее яростью.

— Зачем ты вернулся из Парижа, Мак? Там тебе было бы лучше с друзьями, соревновались бы, кто сколько выпьет, пока не свалится с ног.

— Я не пьяный сейчас.

Поразившись, Мак отступил назад. Изабелла была права.

— Не настолько пьяный, как в ту минуту, когда пришел утешить меня и запачкал ковер.

— Это была случайность.

— Зачем ты вообще вернулся? — сжала кулаки Изабелла.

— Йен сказал, что ты этого хотела.

— Йен сказал. Йен сказал. Так ты только поэтому вернулся домой? А вовсе не потому, что хотел быть со мной рядом? И не потому, что случилось несчастье?

— Перестань переворачивать мои слова, Изабелла. Ты думаешь, я ничего не чувствую? Ты думаешь, у меня не болит душа? Почему, как ты считаешь, я пью? Я пытаюсь заглушить боль и не могу.

— Бедняжка...

Если бы она ударила его, ему не было бы так больно.

— Что с тобой? — спросил Мак. — Я никогда такой тебя не видел.

— Просто мы потеряли нашего ребенка. — Изабелла почти кричала. — Но ты не приехал домой, чтобы утешить меня, Мак. Ты приехал сюда, чтобы я утешила тебя.

Некоторое время Мак смотрел на нее с недоумением, потом сказал:

— Конечно, мне нужна твоя поддержка. Мы должны поддерживать друг друга.

— У меня не осталось сил на поддержку. У меня ничего не осталось. Я совершенно пустая. А тебя не было рядом. Господи, ты так был мне нужен, а тебя не было!

Изабелла отвернулась, прижав руки к животу, в угасавшем свете дня ее яркие волосы горели, как пламя.

— Я знаю, — выдавил Мак. — Знаю. Но это произошло так неожиданно, любовь моя. Впереди еще было много месяцев; никто из нас не мог знать, что это случится.

— Ты бы знал, если бы был тогда на балу вместе со мной. Если бы ты был в Лондоне. Если бы несколько недель назад ты не исчез, даже не потрудившись сказать мне, куда собрался.

— Так что, меня теперь на привязи держать? — вскипел Мак. — Ты же знаешь, почему я уехал: мы почти все время ссорились. Тебе необходимо было отдохнуть от меня.

— Это ты так решил. В полночь, не сказав ни слова. А может, мне надо было, чтоб ты остался. Может, я бы предпочла ссориться с тобой, чем прислушиваться к тишине в доме и знать, что ты за сотни миль отсюда. Ты когда-нибудь спрашиваешь меня? Нет, ты просто исчезаешь и пытаешься помириться со мной, привозя глупые подарки, когда вообще соизволишь появиться дома.

О Господи, она довела его до безумия сильнее, чем любая другая женщина за всю его жизнь. Нет, сильнее, чем любой другой человек, женщина или мужчина, и это даже не обсуждается.

— Изабелла, мой отец убил собственную жену. Тряс до тех пор, пока у нее не сломалась шея. Почему? Потому, что они спорили, а он был пьян и не контролировал свой гнев. Ты думаешь, я хочу, чтобы это случилось? Ты думаешь, я хочу в один прекрасный день выйти из ступора и понять, что ударил тебя?

— О чем ты говоришь? — Изабелла в ужасе смотрела на Мака. — Ты никогда даже пальцем до меня не дотронулся.

— Потому что я всегда исчезал, прежде чем это могло случиться.

— Господи, Мак, ты говоришь, что уезжаешь всякий раз, потому что хочешь ударить меня?

— Нет!

Мак никогда не мог даже представить себе такого, но он всегда боялся, что в нем проснется ярость отца, который избивал и унижал его и братьев. Он отправил Йена в приют, потому что тот был единственным свидетелем истинной причины смерти матери, и наказывал Мака за желание — за потребность — писать картины.

— У меня нет желания ударить тебя, Изабелла. И никогда не было.

— Тогда почему?

— А что, каждое свое действие муж обязан объяснять жене?

К Маку вернулось прежнее раздражение.

— Обязан, если женился на ней.

— Ох, моя маленькая дебютантка, — Маку вдруг захотелось смеяться, — какие у тебя коготки.

— Спасибо большое. Я не хочу, чтобы ты дразнил меня или оставлял одну для моей же пользы. Я хочу, чтобы у меня была нормальная семья. Разве я прошу слишком многого?

— Ты имеешь в виду такую семью, когда я целый день провожу в клубе, а за ужином ворчу, прикрывшись газетой? Мне потребуется любовница, потому что у тебя не будет никакого интереса к низким удовольствиям жизни. Ты станешь тратить все мои деньги на покупки бесполезных вещей и будешь рада, что я не путаюсь под ногами. Такую семью ты желаешь иметь?

Мак выдохся, надеясь, что Изабелла наконец улыбнется, но, судя по ее лицу, она рассердилась еще больше.

— Это твоя обычная позиция: все или ничего. По твоему, у нас должен быть либо бурный и скандальный брак, либо ты можешь совсем не обращать на меня внимания. А ты никогда не думал, что у нас может получиться что-то другое, более разумное?

— Нет. — Мак сжал кулаки, стараясь успокоиться. — Понимаешь? Мы спорим обо всем. Мы или любим друг друга, или кричим на весь дом. Я уезжаю, потому что для тебя это должно быть слишком утомительно. Если ты волнуешься, что я убегаю к другим женщинам...

— Об этом я не волнуюсь. Йен сказал бы мне.

— Ах да, Йен. Твой охранник и мой стражник. Дорогой Йен, который всегда рядом с тобой.

— Ради Бога, Мак, я надеюсь, ты не ревнуешь меня к нему? У него даже в мыслях никогда не было предать тебя.

— Ну конечно, я не ревную.

«Или все-таки ревную?» — подумал Мак. Он не боялся, что Йен попробует соблазнить Изабеллу, потому что брат был человеком другого склада. К тому же естественные потребности собственного тела Йен удовлетворял с куртизанками, но никогда не испытывал влюбленности ни в одну женщину. Мак сомневался, что Йен знал, что это такое. Но для Изабеллы он был хорошим другом, возможно, даже лучшим, чем сам Мак. И это терзало его.

— Кажется, ты предпочитаешь, чтобы рядом с тобой был он.

— Потому что он — здесь. Тебя никогда нет рядом, за исключением тех случаев, когда это удобно тебе. И то лишь затем, чтобы попытаться шокировать меня или показать своим друзьям, что у твоей прелестной дебютантки есть мужество принимать твоих друзей такими, какие они есть. С тобой нет... спокойной жизни.

— Упаси меня Боже от спокойной жизни. Это ассоциируется с трясущимися стариками в клубах и безликими комнатными туфлями. Но для этого я и уезжаю, дорогая, чтобы позволить тебе пожить спокойно.

Во время спора Мак понял, что на этот раз легкого прощения добиться не получится. Изабелла не подойдет к нему, не улыбнется и не скажет, что рада видеть его, несмотря на обстоятельства. Не будет жарких объятий в постели, женского смеха рядом, пока он будет вспоминать, как хорошо ему вместе с женой.

На этот раз прием будет холодным.

Мак отступил назад и поднял руки, демонстрируя полную капитуляцию.

— Я попросил прощения, Изабелла. Мне искренне жаль. Если бы существовал способ знать, что так случится, я был бы рядом. Тебе необходимо отдохнуть и прийти в себя, я понимаю. Пошли за мной опять, когда захочешь видеть.

С этими словами Мак повернулся и ушел. Он спустился по лестнице, вышел из дома и, дойдя пешком до станции, сел на поезд в Шотландию. Там он стал активно заливать горе виски и ждать письма от Изабеллы.

Но это письмо так и не пришло.

Мысли о прошлом наконец отпустили Мака, и он вернулся в настоящее. Он стоял в детской комнате Эйми, удерживая Изабеллу в своих объятиях и видя, как даже слабый солнечный луч заставляет блестеть мягкие завитки волос у нее над ухом.

— Изабелла, — прошептал он, — я такой эгоист, такой подлец. Ты веришь, когда я говорю тебе, что теперь понимаю это?

— Это было давно.

Изабелла рассматривала налет сажи на подоконнике снаружи.

— И ты обо всем забыла? Сомневаюсь, любовь моя.

— С этой частью нашей жизни покончено. Гнев, взаимные обвинения, боль... Я не хочу переживать это заново.

— Я тоже не хочу пережить это еще раз. — Мак тихонько поцеловал ее за ухом. — И не хочу, чтобы тебе приходилось прощать меня. Ты поняла? Никогда не прощай меня.

— Мак...

— Выслушай меня. Когда я сказал, что хочу, чтобы ты опять была в моей жизни, я имел в виду, что хочу вернуть все, что я забрал у тебя.

— Но ты ничего у меня не забирал.

— Я любил и обожал тебя, но выжимал из тебя все соки, заставлял тебя страдать. Я любил то, что ты мне давала: твоё восхищение, твоё признание, твою любовь, твоё прощение. Я забывал любить тебя ради тебя самой.

— А теперь ты изменился?

— Мне хотелось бы думать, что это так, — серьезно ответил Мак, услышав скептические нотки в голосе Изабеллы. — И хочу исправить все то, что я успел натворить.

— Давай не будем говорить об этом прямо сейчас, Мак, — с блестящими от слез глазами попросила Изабелла. — Пожалуйста, не сейчас.

Мак кивнул. Нет, все-таки какой же он идиот! Ждать восхищения от Изабеллы произошедшими в нем переменами, когда ее явно тревожит что-то другое. Не это ли истинное наказание для него? Видеть, как женщина, с которой он обошелся так низко, остается равнодушной к его попыткам загладить собственную вину?

— Эйнсли прислала мне письмо, — сказала вдруг Изабелла. — Оно уже ожидало меня, когда я вернулась из поездки по магазинам.

В эту минуту Маку было наплевать на все, кроме Изабеллы, но он все же заставил себя отреагировать:

— И как идут дела?

— Она решила устроить мне встречу с Луизой. После стольких лет разлуки я наконец снова смогу увидеть свою сестру.

— Отличная новость. — Мак еще крепче прижал Изабеллу, зная, как это важно для нее. — Когда и где состоится эта встреча?

— Завтра днем в Холланд-парке. Только не думай, тебя не приглашают. На эту встречу я должна пойти одна, — сурово отрезала Изабелла.

— Ну хорошо, дорогая, — улыбнулся Мак, — я исчезну.

Он не собирался исчезать совсем, но Изабелла не должна этого знать.

— Спасибо, Мак.

Мак наклонился, чтобы поцеловать ее, но тут проснулась Эйми. Изабелла резко отстранилась от Мака, схватила куклу, подошла к малышке и, широко улыбаясь, показала девочке ее новую игрушку.

Встреча с сестрой должна была состояться в четыре часа, но Изабелла прибыла в Холланд-парк задолго до назначенного времени. Она ходила взад и вперед по тропинке, представляя себе разные причины, по которым ее сестра не сможет приехать сюда. Возможно, их отец пронюхает об этом плане и запрет Луизу в спальне. А может, и сама Луиза передумает, по-прежнему сердясь на Изабеллу за ее побег.

Но Изабелла верила Эйнсли. Она может очаровать кого угодно и уговорить любого, а тот факт, что она придворная дама королевы, окажет влияние на мать Изабеллы. А еще Эйнсли отличается изобретательностью. Если кто и мог организовать тайную встречу Изабеллы с Луизой, то только Эйнсли Дуглас.

И все-таки Изабелла беспокойно ходила туда-сюда по тропинке, нервно сжимая и разжимая руки. Что сказать Луизе при встрече? «Как ты жила последние пять лет? Вот это да, как ты выросла?»

Когда Изабелла последний раз разговаривала со своей сестрой, Луиза носила косы. Она восхищалась Изабеллой, без конца забрасывала ее вопросами об одежде и прическах, о браке и мужчинах, как будто наивная Изабелла была в этих вопросах признанным авторитетом. Выйдя

замуж за Мака, Изабелла мельком видела сестру издалека, отметив, что она превратилась в красивую молодую девушку. Но она с грустным сердцем понимала, что может видеть ее только на расстоянии.

Изабелла услышала шорох за спиной и почувствовала, как ускоряется ее пульс. Она шагнула на узкую тропинку между часто растущими деревьями и увидела широкую спину мужчины с темно-рыжими волосами, удаляющегося от нее.

— Мак, — раздраженно окликнула его Изабелла и застыла на месте, когда тот обернулся.

Это был не Мак. Изабелла успела сделать всего пару шагов, когда незнакомец схватил ее за талию и сбил с ног. Она хотела закричать, но грубая рука успела зажать ей рот.

— Изабелла, — горячее дыхание незнакомца коснулось ее уха, — моя дорогая, никогда не бросай меня снова.

Глава 15

Леди И.М. удивила Лондон, устроив суаре в своем доме на Норт-Одли-стрит со специальной целью — представить истинным ценителям прекрасного в Лондоне мисс Сару Коннели, меццо-сопрано, недавно приехавшую из Ирландии. На приглашение откликнулось так много гостей, что дом буквально трещал по швам.

Март 1878 года

Изабелла кусалась, боролась и брыкалась, но мужчина не отпускал ее. Он потащил ее по тропинке и через щель в высокой живой изгороди, отрезая от внешнего мира.

Это было какое-то наваждение. Она находилась в центре парка, в центре Лондона, в середине дня, но эта отдельно стоящая рощица с таким же успехом могла бы находиться и далеко в деревне.

Изабелла услышала, как церковные часы пробили четыре раза. Эйнсли с Луизой придут в назначенное место. И что они обнаружат? Что Изабеллы там нет. Ей не хватило ума обронить там носовой платок или брошку, как должна была сделать любая героиня из приключенческого романа. Эйнсли может подумать, что Изабелла задержалась или, того хуже, передумала. Что подумает Луиза, Изабелла даже представить себе не могла.

Мужчина поставил ее на ноги, и Изабелла толкнула его в лицо. Он ударил ее, и она мгновенно почувствовала вкус крови на губах.

— Не надо ссориться со мной, моя Изабелла. Мы с тобой принадлежим друг другу.

Может быть, он и был похож на Мака, этот высокий человек с таким же цветом волос, как у Мака, но его голос не имел ничего общего с голосом Мака. Вместо бархатного баритона Мака у него был скрипучий и тонкий голос.

Изабелла услышала крик, и мужчина без предупреждения отпустил ее. Она споткнулась и упала, оцарапавшись о кустарник. На тропинке раздался звук шагов, и чьи-то руки опять потянули ее к себе.

Изабелла машинально стала отбиваться, пока не услышала знакомый голос:

— Изабелла...

Она заплакала и обняла Мака, с облегчением прижимаясь к нему всем телом. Мак немного отступил и осмотрел лицо Изабеллы.

— Проклятие, я убью его, — вспыхнули яростью его глаза.

Изабелла дышала с трудом, была слишком напугана и слишком сердита, чтобы спорить. Она опять прижалась к Маку, ощущая тепло его тела, его силу и чувствуя себя в безопасности с ним рядом.

— Это был он, да? — услышала она голос Мака. — Мой призрачный двойник?

— Со спины он был так похож на тебя! — кивнула Изабелла.

— А спереди?

— И похож, и не похож. Никто из тех, кто хорошо тебя знает, после первой же секунды встречи не перепутает тебя с ним.

— Будь он проклят! Мало того что подделывает мои картины и поджег дом, так еще и покушается на мою жену. Этого я ему не прощу.

Изабелла закрыла глаза. Ее сердце колотилось от страха, от страха не только за себя, но и от мысли, что Мак погонится за этим сумасшедшим незнакомцем. Больше всего ей хотелось сейчас успокоиться в объятиях Мака и отправиться домой.

— Останься со мной.

Мак так крепко прижал ее к себе, что Изабелла слышала стук его сердца, чувствовала тепло его тела и учащенное дыхание.

— Я останусь, любимая моя, обязательно останусь.

Мелодия часов, выбивавших четверть часа, заставила Изабеллу поднять голову.

— Луиза, — промолвила она несчастным голосом.

Мак взял ее за руку и повел назад через кусты на ту тропинку, где Изабелла должна была встретиться с Луизой. Там никого не было. Вдалеке Изабелла увидела Эйнсли и знакомую фигуру Луизы, которые покидали парк, взявшись за руки. Вокруг них повсюду были люди, и они ушли уже достаточно далеко, чтобы Изабелла могла окликнуть их, не привлекая внимания.

— Луиза, — прошептала Изабелла.

— Мне очень жаль, любовь моя, — обнял ее Мак. — Напиши миссис Дуглас и назначь другую встречу. Только на этот раз в более безопасном месте.

Изабелла не сводила глаз с Луизы. Ее младшая сестра была такой красивой, с царственной осанкой, такой элегантно в своем наряде в красках осени. Луиза ни разу не оглянулась, гордо удерживая высоко поднятую голову.

Только после того как Изабеллу усадили в кресло перед горящим камином с бутылкой горячей

воды на коленях, она задала Маку очевидный вопрос:

— Как ты вдруг оказался рядом и спас меня?

У Изабеллы был такой бледный и напуганный вид, что ярость Мака вспыхнула с новой силой. Сегодня этот незнакомый человек, кем бы он ни был, подписал себе смертный приговор.

— Мак, — повторила Изабелла.

— Ну конечно, я пошел за тобой, — рассеянно ответил он.

— Пошел за мной? Зачем?

— Ты считаешь, что твоя встреча с сестрой в заброшенном уголке парка не должна была меня беспокоить? Так вот, меня это встревожило. И как видно, не зря.

— Благодарю. Ты спас меня, — Изабелла взяла у Эванс чашку горячего чая, — но это вовсе не означает, что мне нравится, что ты за мной шпионишь.

— Я шпионю? Не надо так драматизировать, любовь моя. Я боялся, что твой отец узнает, что вы с Эйнсли задумали, и бросится останавливать тебя. Или что ты можешь привлечь внимание вора, которому представится прекрасная возможность лишиться тебя украшений. Никогда не думал, что мой мститель будет прятаться в кустах, чтобы наброситься на тебя.

Изабелла вздрогнула, и Мак снова мысленно послал проклятия в адрес подонка.

При виде Изабеллы, перепачканной в грязи и с разбитой губой, в нем пробудилась первобытная ярость.

Но Мак сдержал себя, наклонился и осторожно поцеловал Изабеллу.

— Побудешь здесь одна немножко? — Он провел ладонью по ее лицу, стараясь не касаться раны на губе. — Мне нужно выйти.

— Это обязательно?

Сегодня утром, когда Изабелла схватила его за руку и умоляла остаться с ней, Маку переполняла радость. Но сейчас ему необходимо было найти этого другого «Мака» и свернуть ему шею.

— Я ненадолго, — пообещал Мак.

— А куда ты?

— Надо сходить кое-куда.

Мак снова поцеловал ее, бросил взгляд на Эванс и вышел из комнаты.

Мак никогда не бывал в Скотленд-Ярде и, возможно, при других обстоятельствах посчитал бы этот визит забавным происшествием. Он вышел из экипажа на Уайтхолл, придерживая шляпу от сильного ветра, и зашел в здание.

Интерьер был прост и выдержан в деловом стиле, из комнаты в комнату сновали люди в темных костюмах или в униформе. Мак остановил кого-то и спросил, где можно найти

инспектора Уэллоуза.

— Вам нужно в отдел уголовного розыска, молодой человек. По лестнице наверх.

Мак помчался по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Он не спрашивал, в какой ему кабинет, просто открывал все двери подряд, пока за одной из них не нашел инспектора вместе с двумя переодетыми детективами.

Мак ворвался в комнату и оперся кулаками на стол Уэллоуза.

— Итак, что вам удалось обнаружить? Как продвигается дело?

— Кое-что есть, — спокойно ответил инспектор.

— Расскажите мне все подробно. Он мне нужен.

На лице Уэллоуза появился интерес. Он был хорошим инспектором, шел, словно ищейка по запаху, и ему нравилось ловить преступников.

— Случилось что-то новенькое. Скажите, что?

— Он напал на мою жену. — Мак бросил на стол шляпу и трость. — Он осмелился поднять руку на Изабеллу и дорого заплатит за это.

— Напал на нее? Когда? Где?

Мак рассказал инспектору все, что случилось утром, а тот аккуратно записывал рассказ на листок бумаги. Уэллоуз был левшой, как отметил Мак.

Пока Уэллоуз писал, Мак ходил по комнате. Два других детектива сидели, склонившись над бумагами; потом один из них встал и вышел из кабинета, а вместо него зашел сержант в униформе и стал о чем-то разговаривать с оставшимся детективом. Мак в конце концов устал от бесцельного хождения и сел на стул.

— Могу я поговорить с ее светлостью? — обратился к нему Уэллоуз. — Все, что она может вспомнить о случившемся, поможет следствию.

— Только не сегодня. Она расстроена и напугана.

— О да, могу себе представить. С ней все в порядке? Она сильно пострадала?

— Он ударил ее по лицу и заплатит за это.

Уэллоуз бросил быстрый взгляд в сторону детектива и сержанта, встал из-за стола, тронул Мака за плечо и подтолкнул его к выходу. Они прошли по коридору и зашли в пустой кабинет. Уэллоуз прикрыл дверь и повернулся к Маку.

— Теперь мы можем говорить прямо. Что вы собираетесь сделать с этим человеком?

— Я убью его.

— Такие заявления не для полицейского участка, — мягко сказал Уэллоуз. — Поверьте мне, я его посажу. За подделку, за мошенничество, за поджог, а теперь и за нападение.

— Я не позволю, чтобы Изабелла предстала на свидетельском месте в суде и давала подробные показания о том, как этот мужчина пытался ее похитить. Журналисты обожают всякие подробности, так? А она не заслуживает подобного унижения.

— Поджога может быть вполне достаточно, если вы в состоянии это доказать.

— А вот это уже ваша работа, Уэллоуз, — сердито отрезал Мак.

— Мне необходимы свидетели, — недовольно заметил инспектор, — или подсудимого не признают виновным. Было бы очень хорошо, если бы вам удалось схватить его у себя в мансарде. Или увидеть, как он убегает по улице, когда пламя уже разгорелось.

— Да черт возьми, для меня у вас хоть что-нибудь есть?

— У меня для вас много чего есть, если вы перестанете бушевать и позволите мне сказать.

Мак постарался успокоиться и взять себя в руки, но он был слишком сердит и слишком взволнован. Подделка картин была убийственной шуткой. Двойнику Мака удалось написать хорошие полотна, тогда как настоящий Мак не сделал ни единого мазка кистью. Пожар рассердил его, тем более что своим поступком незнакомец подверг опасности жизни невинных людей.

Но его последняя выходка — совсем другое дело. Этот подлец втянул в их отношения Изабеллу. Он мог сделать все, что угодно, с Маком, но за то, что посмел прикоснуться к Изабелле, он умрет.

— Его зовут Сэмсон Пейн, — сказал Уэллоуз. — Родился и вырос в Шеффилде, около семи лет назад приехал в Лондон и устроился работать клерком в адвокатскую контору. Никогда не имел никаких нареканий, как сказал адвокат. Примерно два года назад, накопив денег, отправился посмотреть континент. И с тех пор адвокат ничего о нем не слышал.

— Вы хотите сказать, — заморгал Мак, — что узнали, кто это такой? Какого черта вы мне об этом не сказали?

— Мне известно его имя. Возможно. Но я не знаю, где он. И, как вы правильно подчеркнули, моя работа заключается в том, чтобы найти его и доказать, что все случившееся — его рук дело.

— Ладно, каждому свое. Но как вы узнали его имя?

— Я детектив, — холодно улыбнулся Уэллоуз. — Я допросил Крейна и его помощника, ходил из дома в дом, пока не получил подробное описание этого человека. Потом поместил объявление с просьбой сообщить информацию о нем. Ответов пришло много, из них стало ясно, что несколько недель назад этот человек проживал в комнатах на Грейт-Куин-стрит, недалеко от «Линкольнз инн». Хозяйке, сдающей квартиры, он назвался Сэмсоном Пейном. Дополнительные запросы выявили, что джентльмен с таким же именем несколько лет назад работал на адвоката в канцелярском суде. Отсюда явно следует, что он опять снимал комнату в известном ему районе.

— А вдруг это просто случайно похожий на меня человек, который в неурочный час шел по Стрэнду, а? Откуда вы знаете?

— У адвоката была его фотография, — снова улыбнулся Уэллоуз, на этот раз теплее. — Я

показал ее помощнику Крейна, и он согласился, что это один и тот же человек. Он имеет большое сходство с вами, но не во всем. Адвокат сказал мне, что у него были черные волосы, но если покрасить волосы, использовать театральный грим, чтобы щеки казались круглее, то он точно ваша копия.

— Пожалуйста, — Мак почувствовал дрожь, — только не говорите мне, что он действительно Маккензи и что явил на свет этого монстра мой весьма неразборчивый в связях отец.

— Этого бояться не следует. Я проследил его путь до Шеффилда. Мать этого человека — дочь пекаря, отец был кучером, потому стал управлять пабом. Здесь все в порядке, эти люди его родители. Говорят, маленькому Сэмсону всегда нравилось рисовать, у него хорошо получалось, и он просил родителей, чтобы они отдали его учиться. Но семья не могла себе этого позволить. Они получили от него письмо, когда он не так давно вернулся в Лондон, в котором он писал, что обучился мастерству художника и останется в Лондоне попытать счастья.

— И вы не знаете, где он и как его искать? — спросил Мак. — Знаете только, что он прячется где-то, чтобы напасть на мою жену или поджечь мой дом?

— Боюсь, именно так. Пока только это.

— И почему, черт возьми, он выдает себя за меня?

— Он хотел стать художником, — пожал плечами Уэллоуз. — Возможно, у него нет ни денег, ни связей, чтобы продать свои работы или хотя бы где-то выставить их на обозрение. Возможно, однажды кто-то по ошибке принял его за вас, и он подумал, что на этом можно кое-что заработать.

— Ладно, это объясняет подделку картин и обман Крейна, чтобы он продал эти картины. А что насчет поджога моей мансарды и попытки похитить Изабеллу?

— Бывает, что люди становятся одержимы какой-то идеей, — опять пожал плечами Уэллоуз. — И возможно, он пытается устранить вас, чтобы занять ваше место.

— Тогда при чем здесь Изабелла? Она не имеет к этому никакого отношения. Она и ко мне не имела бы отношения, если бы я не поехал за ней в Лондон. Она бросила меня, оставила одиноким.

Уэллоуз выглядел смущенным, как будто не хотел вторгаться на территорию личной жизни Мака.

— Сержант присматривает за комнатами, которые сдаются внаем, на тот случай если он вдруг вернется, а также следит за прилегающими районами. Теперь это официальное расследование.

— Он мне нужен, Уэллоуз.

— Мы поймаем его, — решительно кивнул детектив, — не беспокойтесь.

Как только Эванс перестала кудахтать вокруг Изабеллы, как растревоженная наседка, и вышла из спальни, Изабелла встала и подошла к письменному столу. Она стала быстро писать письмо Эйнсли, в котором рассказала ей, что внезапно приболела, но теперь уже поправляется. Подобное оправдание звучало неубедительно, даже из-под пера Изабеллы, но рассказом о том, что случилось на самом деле, ей не хотелось расстраивать Луизу. Как с этим поступит Эйнсли, Изабелла не знала, но она верила, что подруга придумает новый план.

Закончив писать, Изабелла промокнула письмо, сунула его в конверт и отложила в сторону, чтобы позже отправить.

Мак пока еще не вернулся, поэтому Изабелла поднялась наверх проверить Эйми. Мисс Уэстлок, осмотрев разбитую губу Изабеллы, предложила ей сделать травяной компресс, который сама же и приготовила. Изабелла призналась, что после этой процедуры ей стало значительно легче. К тому времени, когда принесли чай, припухлость уменьшилась.

Как давно она не принимала участия в детском чаепитии. Служанка принесла масло и джем, некрепкий чай с сахаром и с большим количеством молока и маленькие кусочки кекса с тмином. Эйми с аппетитом поглощала угощение, и мисс Уэстлок проследила, чтобы и Изабелла тоже перекусила.

В восемь часов Мак так и не вернулся, и Изабелла, чувствуя усталость, забралась в постель.

Спустя несколько часов она проснулась оттого, что услышала, как Мак, раздевшись догола, скользнул к ней под одеяло.

— Что ты делаешь? — села в кровати Изабелла.

— Ложусь спать, — зевнул Мак. — Устал как черт.

— У тебя есть собственная спальня.

— Правда? Наверняка сюда я забрел по ошибке. Не выгоняй меня, любовь моя, я слишком устал, чтобы опять вставать и куда-то идти.

— Тогда это сделаю я.

Изабелла уже почти встала с кровати, когда сильная рука Мака удержала ее на месте.

— Время позднее, чтобы бродить по дому, дорогая. Ты разбудишь прислугу, а она заслужила свой отдых и сон.

Изабелла, смирившись, скользнула назад под одеяло, а Мак лег на спину, положив руки под голову. Изабелле пришлось признаться себе, что ей совсем не хотелось покидать теплую и уютную постель, да и лежавший рядом Мак представлял собой живописное зрелище.

Широкие плечи Мака покоились на подушке, подложенные под голову руки занимали еще больше места, а под мышками виднелись пучки рыжих волос. На подбородке пробивалась такого же цвета щетина, а из-под опущенных век горели медным отливом глаза.

Изабелла хорошо помнила ту ночь, когда Мак впервые привел ее домой и она как зачарованная сидела на краешке кровати, пока он раздевался. Вид постепенно открывавшегося перед ней обнаженного мужского тела почти напрочь заставил Изабеллу забыть о собственном стеснении. До этого дня она никогда не видела раздетого мужчину, даже собственного отца. На тех, кто позволял себе снять сюртук, в доме графа Скрэнтонна смотрели неодобрительно.

Изабелла залюбовалась тогда Маком, замерев от восхищения. Удивляясь собственному бесстыдству, она во все глаза смотрела на его обнаженное тело, на затвердевшую плоть. Он не скрывал своего желания овладеть ею и, положив руки на бедра, насмешливо смотрел на нее, нисколько не смущаясь.

В тот момент, скромно сидя на кровати, завернувшись в позаимствованный у него халат, Изабелла поняла, что Мак, как только увидел ее, поставил перед собой цель — залучить ее в свою спальню. Не для того, чтобы немного пофлиртовать, потанцевать или сорвать украдкой поцелуи. Нет, он с самого начала хотел иметь ее в своей спальне. Флирт, танцы, поцелуи и даже свадьба были лишь средства для достижения этой цели.

И Изабелла, как глупая девчонка, с готовностью уступила.

Лежа рядом с ним сейчас, приподнявшись на локте, чтобы можно было изучать его, Изабелла поняла, что никогда не переставала быть той глупой девчонкой. Она все еще восторгалась телом Мака.

— Сейчас уже лучше.

Мак мягко коснулся пальцами ее разбитой губы.

— Мисс Уэстлок приготовила для меня компресс.

— Добрая мисс Уэстлок. — Мак нежно гладил ее лицо, но глаза все еще вспыхивали от гнева. — От обеда и почти до самой ночи я охотился за этим подонком, но он словно испарился.

— Ты искал его? — встревожилась Изабелла и отодвинулась в сторону. — Но ведь он опасен, Мак, будь осторожен.

— Это я опасен, любимая. За то, что он тронул тебя, я намерен убить его.

— А я потом стану свидетелем того, как тебя повесят за убийство? Иди в полицию, и пусть она охотится за ним.

— Я уже был в полиции. Инспектор Уэллоуз знает, кто этот человек и где он находился, только он, к сожалению, не знает, где он сейчас. Инспектор сообщил, что у него есть люди, которые работают над этим, но пока мистер Пейн ускользнул от них.

— Пейн — это имя твоего двойника?

Мак кивнул и поделился с Изабеллой всем, что стало известно ему самому.

— Ты думаешь, он вернется в свои комнаты? — спросила в конце рассказа Изабелла.

— Когда там стоит, прислонившись к стене, здоровенный сержант полиции? Я думаю, он умнее.

— А Уэллоузу известно, почему он выдает себя за тебя?

— Я задал ему тот же вопрос. — Мак опять подложил руки под голову и задумчиво изучал полог над кроватью. — Только сумасшедший станет выдавать себя за меня. Я три года только и мечтал, чтобы я был не я.

— Было бы жаль.

Жаль, если бы Мак перестал быть самим собой, этим огромным шотландцем, вытянувшимся во весь рост у нее на кровати. Он занимал слишком много места, но, с другой стороны, Изабелле трудно было бы придумать лучшую грелку в постели. Нет ничего лучше, чем в зимнюю ночь лежать рядом с ним. Его голос будет убаюкивать ее, как и прикосновения, которые за одно

мгновение могут из нежных превратиться в соблазнительные.

Изабелла ждала, что Мак усмехнется в ответ на ее слова, но в его взгляде появилась осторожность.

— Ты и правда так думаешь, любовь моя? — спросил он.

— Ну конечно.

Она как-то сказала Маку, что он ничего не делает вподсилы. Он стремится к крайностям, благодаря чему он интересен, но жить с ним крайне нелегко.

Вся семья Маккензи имеет тягу к крайностям. Харт с его увлеченностью политикой и, по слухам, порочными страстями; Кэмерон с его фанатичной любовью к лошадям; Йен, который помнит каждое слово из разговора, состоявшегося год назад, но при этом не способен понять сразу оттенки смысла этого разговора, не говоря уж о том, чтобы поучаствовать в нем.

Если бы Мак не был таким, какой он есть — обаятельным, неистовым, веселым, соблазнительным, чувственным и непредсказуемым, — Изабелла никогда бы не влюбилась в него. Она немного подвинулась к нему и положила ладонь на его теплую грудь.

— Изабелла, не надо играть с огнем, — предупредил Мак.

Заметив, как потемнели его глаза, Изабелла подвинулась еще ближе, наклонилась и поцеловала его.

Глава 16

В прошлый четверг маркиз Данстан показал несколько картин в своей гостиной, на которых Венеция изображена столь ярко, что зрителю кажется, что он слышит плеск воды и песни гондольеров. Эти тонкие работы принадлежат кисти лорда Мака Маккензи, хотя его светлость удалился в деревню в Шотландии и считается, что с изображением венецианских каналов он покончил.

Сентябрь 1878 года

У Мака сладко замерло сердце, рука скользнула под тяжелый узел волос Изабеллы, и он прижал ее к себе и поцеловал в ответ. «Дорогая моя, не делай со мной этого».

На ее губах остался вкус сладкого чая, а под строгой ночной рубашкой скрывалось удивительное тело. Горловину рубашки украшала небольшая кружевная оборка, и Мак погрузил туда пальцы, чтобы найти и расстегнуть пуговицы.

Изабелла отчаянно целовала Мака, ее язык нетерпеливо раздвинул его губы и проник к нему в рот. Идиот Пейн перепугал ее до смерти, хотя Изабелла никогда не признается в этом. Она была сильной, его прекрасная леди, только глубоко переживала случившееся. Изабелла целовала его, чтобы найти утешение.

Мак не слишком гордился тем, что способен дать ей это утешение. Он крепко прижал ее к себе, боясь даже думать о том, что едва не потерял ее сегодня. Если бы он не пошел за ней следом...

Но он пошел и остановил Пейна, и сейчас Изабелла лежала в его объятиях. И будь он трижды проклят, если когда-нибудь снова позволит ей пропасть из виду.

Изабелла попыталась отодвинуться, словно пришла в себя.

— Нет, — остановил ее Мак, — останься со мной.

— Я очень устала.

Изабелла сглотнула, и Мак через расстегнутые пуговицы ночной рубашки увидел движение ее горла.

— И я устал. — Мак замолчал и опять коснулся ее раненой губы. — Я не хочу, чтобы ты боялась меня, Изабелла.

— Бояться тебя? — улыбнулась вдруг Изабелла, болезненно скривив разбитую губу. — Я никогда не буду бояться тебя, Мак Маккензи.

Однако Маку было сейчас не до шуток.

— Я имел в виду, что не хочу, чтобы ты думала, что я такой же негодяй, как этот тип.

— Как Пейн? — Изабелла покачала головой, прядь ее волос скользнула по груди Мака. — Ну конечно, ты не такой.

— Он чем-то похож на меня внешне и решил попытаться украсть мою жизнь. Но я не позволю ему завладеть моей жизнью, ничего не отдам. — Мак еще крепче обнял Изабеллу. — И особенно тебя.

— Если я и правда решу выставить тебя из своего дома, Мак, — взгляд Изабеллы смягчился, цвет ее зеленых глаз стал напоминать туманный шотландский луг, — то это случится лишь потому, что я так хочу, и Пейн с его выходками здесь ни при чем.

— Узнаю свою Изабеллу.

Мак прижал ее к себе и расстегнул оставшиеся пуговицы на ночной рубашке.

Теплая, податливая женщина была готова принять его, раствориться в нем. Мак поцеловал ее, его рука легко скользнула по ее груди, и он осторожно направил ее на себя. В первую брачную ночь он затащил ее под одеяло прямо в своем халате. Ему не хотелось, чтобы она испытывала смущение, раздеваясь посередине комнаты. Мак подозревал, что она никогда в жизни ни перед кем не раздевалась. Возможно, ее даже мыться приучили в нижнем белье. Она была ужасно стыдлива.

Потом, как и в эту минуту, она, затаившись, лежала на нем под одеялом, пока он расстегивал пуговицы и стаскивал с нее халат. В ту ночь Изабелла неумело целовала его в ответ, а сегодня она делала это настолько умело, что Мак почувствовал, как гулко застучало его сердце.

«Любимая, родная моя Изабелла». Мужчины — глупцы, что не делают из своих жен любовниц. Какая нужда Маку искать куртизанку, когда у него есть прекрасная Изабелла? А кроме того, он может засыпать и просыпаться рядом с ней, проводить возле нее целый день, ложиться вместе спать и потом опять начинать сначала весь этот замечательный ритуал.

Одной рукой Изабелла обхватила его твердую плоть, и у Мака мигом вылетели из головы все

мысли.

— Не надо дразнить меня, дорогая, — резко прошептал Мак. — Я не выдержу.

— Мне ты нужен, Мак, — улыбнулась Изабелла и провела рукой по его возбужденной плоти.

Все мысли о собственной глупой затее не поддаваться ей до полного примирения между ними улетучились из головы Мака в ту же секунду. К черту все! Он приподнял ее бедра, чтобы она могла опуститься на него. Изабелла сама направила его возбужденную плоть в собственное разгоряченное лоно и прикрыла глаза, ощутив блаженное чувство долгожданного слияния.

О да. Внутренние мышцы Изабеллы сомкнулись вокруг его плоти, как крепкий кулак. «Моя очаровательная, неземная любовь». Все меркло вокруг, когда его окружал пьянящий запах Изабеллы и ее влажная плоть сжимала его в своем кольце. В их первую ночь любви волна страсти разбила его вдребезги, и он до сих пор еще не собрал воедино все осколки.

— У тебя там просто рай, — прошептал Мак.

— Ты как-то сказал, что женился на мне, потому что принял меня за ангела.

Изабелла поцеловала его, потом коснулась губами кончика его носа и улыбнулась таинственной улыбкой.

— Маленький дьявол, — прорычал Мак.

Изабелла уперлась жаркими руками в его грудь, откинула голову назад, и ее тело задвигалось медленно и волнообразно. Мак был готов умереть. Блики огня от камина ласкали ее стройное тело, на фоне кремовой кожи темнели напряженно выступающие соски, волосы теперь свободно струились по телу, как легкая огненно-красная накидка.

У нее смягчились черты лица, глаза потемнели от желания, влажные губы приоткрылись. Они стали двигаться в постепенно нарастающем темпе, и восторг соития одержал победу над всеми страхами, унес прочь гнев и печаль. И мир вокруг перестал существовать...

Одну руку Изабелла прижала к своей груди, растворяясь в наслаждении. Мак знал, что она ничего не видит, ничего не слышит и ни о чем не думает в эти минуты, послушная зову своего тела и мощным движениям его плоти.

Мак чувствовал, что она приближается к вершине страсти, и это возбуждало его еще больше. В какой-то момент его чувства достигли своего высшего предела, и из горла вырвался низкий протяжный стон, который слился с возгласом удовольствия, сорвавшимся с губ Изабеллы. Жаркий огненный поток страсти подхватил их и закружил в вихре чувственного наслаждения.

— Мне так хорошо. — Изабелла рухнула Маку на грудь, рассыпавшиеся ярко-рыжие волосы накрыли его, словно огненная река. — Я никогда ничего подобного не ощущала. Это так...

Она смешалась и умолкла.

— Хорошо? — Маку хотел засмеяться, но от того, что его тело еще дрожало, освободившись от напряжения, его смех больше напоминал стон.

Они долго лежали молча, и Мак зарылся пальцами в тепло ее длинных шелковистых волос. Мак обожал эти мгновения тишины между ними, когда упругая сила покидала его тело и оно

вдруг становилось очень тяжелым, каждая мышца расслаблялась. По этим мгновениям он скучал не меньше, чем по тем, когда находился внутри ее.

— В Шотландии мы тоже занимались любовью, — спустя некоторое время сонным голосом нарушила тишину Изабелла. — Тогда это было прекрасно. Но сейчас — лучше. Интересно почему?

Маку было совершенно наплевать, почему в этот раз ощущения были намного острее, чем тогда, в студии, но Изабелла хотела получить ответ. А ему хотелось просто закрыть глаза и удерживать ее рядом.

— Удобная постель, — пробормотал он. — Тяжелый день.

— Я думала, что никогда не увижу тебя опять, — прошептала Изабелла, обжигая своим горячим дыханием щеку Мака. — А ты появился и спас меня.

— Ну конечно, я герой. Увлёк тебя и пробудил в тебе желание.

— Не шути, — нахмурилась Изабелла, — не надо.

— Прости, любимая, тут не до шуток.

Мак поцеловал ее волосы. Он, конечно, появился вовремя и предотвратил похищение, или что там задумал Пейн, но ситуация была очень опасной. Мак даже думать не мог о том, насколько все это встревожило его.

Нет, он больше не станет размышлять о том, что могло бы случиться, если бы... Он доставил ее домой в целости и сохранности.

В относительной целости и сохранности. Мак подумал о ее разбитой губе и вновь ощутил приступ ярости. Пейн ответит за это.

— Мак, — приподняла голову Изабелла.

— Да, моя дорогая?

— А я пока не хочу спать.

— Может, сыграем в карты, а? Или теннис на траве?

— Не говори глупостей. Я хочу заняться тем, что мы делали раньше. Ты знаешь.

— Да уж, знаю, — откликнулся Мак, чувствуя, как участился его пульс. — Какая развратная леди.

— У меня был хороший учитель, — чмокнула его в нос Изабелла, — один коварный лорд.

— Что у тебя на уме? — ухмыльнулся Мак.

И Изабелла показала ему то, что некогда доставляло удовольствие им обоим. Она оседлала его, усевшись задом наперед, а потом легла, вытянувшись во всю длину его тела и прижавшись спиной к его груди. Все мышцы Мака напряглись от удовольствия, он почувствовал невероятный прилив желания.

Эта позиция позволила Маку ласкать ее в том месте, где соединялись их тела, и Изабелла наслаждалась каждым прикосновением. От ощущения влажного тепла трепещущей плоти и звуков ее восторженных стонов Мак чувствовал, что и сам не в силах долго сдерживаться. Одновременный крик восторга вырвался у обоих, заставив их замереть на секунду, и растворился в тишине ночи.

Мак положил Изабеллу на кровать и, на мгновение приподнявшись, вошел в нее снова, на этот раз лицом к лицу. Традиционная позиция, но самая лучшая, подумал он. Ведь так он мог целовать ее и смотреть в ее искрящиеся страстью глаза. Если ему когда-нибудь удастся передать на холсте выражение ее лица, когда она готова достичь пика блаженства, эта картина станет самой дорогой для него. Он, конечно, никому ее не покажет, потому что будет только втайне созерцать ее.

Они занимались любовью до тех пор, пока силы не покинули их. Со слипающимися от сна глазами Мак прикрыл их обоих одеялом и уснул рядом со своей прекрасной и удивительной женой.

Когда на следующее утро Изабелла, немного разбитая после бурной ночи, спустилась к завтраку, ее ждал сюрприз. Рядом с ее тарелкой лежало письмо от Эйнсли.

Мак, сидя во главе стола, читал газету, хрустя своим обычным тостом с маслом. Изабелла поблагодарила Мор-тона за кофе, открыла письмо и едва слышно вздохнула.

— Что такое, любимая? — спросил Мак, опустив газету.

Встретившись с ним взглядом, Изабелла покраснела. Свое вчерашнее нескромное поведение она объясняла тем, что была слишком встревожена и обеспокоена, чтобы лечь спать. Ей необходимо было избавиться от этого состояния, и только Мак мог помочь ей в этом.

Она искала забвения, а обрела такое наслаждение, такую радость, которые не поддавались описанию. Судя по блеску в глазах Мака, он понимал это и был рад, что явился причиной ее счастья.

— Это письмо от миссис Дуглас, — ответила Изабелла. — Она пишет, что попытается устроить мне новую встречу с Луизой, только пока не знает, когда сможет это осуществить.

— Когда она сообщит, я пойду на эту встречу с тобой.

— Нет, Мак. Эйнсли и так трудно придумать повод, чтобы вытащить Луизу одну, без сопровождения матери. Луиза может испугаться, если узнает, что ты в этом участвуешь.

— Изабелла, любовь моя! — Мак с суровым видом свернул газету и отложил ее в сторону. — Я не позволю тебе скрыться с моих глаз. Не говори Эйнсли, что я буду там, если считаешь, что мое присутствие может нарушить ваш план, но я все равно пойду с тобой.

— Мак!

— Нет.

Мак редко демонстрировал свою власть в качестве мужа. В первый же день после свадьбы он сказал Изабелле, что считает полной ерундой утверждение о том, что мужья должны указывать своим женам. А вдруг муж глупец? Не окажется ли эта жена еще глупее, послушав такого мужа? Изабелле была предоставлена полная свобода, потому что, как сказал Мак, он

подозревал, что у нее здравого смысла больше, чем у него самого.

Изабелла понимала, что тогда Мак просто предпочел не утверждать свою власть силой. Теперь по выражению его лица она поняла, что он не отступит и не изменит своего решения, что бы она ему ни говорила.

— Она моя сестра, — все-таки попыталась возразить Изабелла.

— А по улицам бродит сумасшедший, который задумал неизвестно что. Без меня ты никуда не пойдешь.

— Ну конечно, дорогой, — смиренно сказала Изабелла, опустив ресницы.

— И не вздумай притворяться, что уступила, а сама потом тихо ускользнешь у меня за спиной. Твоя прислуга согласна со мной и сразу мне доложит, если ты предпримешь хоть один опрометчивый шаг. Если ты попытаешься выйти из дома без меня, обещаю, что притащу тебя назад, посажу на цепь в подвале и буду кормить хлебом и водой из собственных рук.

Проблема в том, что свои дурацкие заявления Мак вполне мог претворить в жизнь. Кроме того, он был прав. Пейн опасен. Изабелла вспомнила, как он схватил ее своими невероятно крепкими ручищами, и невольно вздрогнула. Ей не хотелось когда-нибудь вновь оказаться в таком беспомощном состоянии.

— Ну хорошо, — спокойным голосом согласилась Изабелла. — Найди какой-нибудь способ, чтобы я могла спокойно встретиться со своей сестрой, и я сделаю все, как ты скажешь.

— Найду. Имей в виду, Изабелла, я говорю совершенно серьезно: не смей выходить из дома без меня. Куда бы ты ни отправилась, я буду всегда с тобой. Твою безопасность я никому не доверю.

— А это не мешает твоим собственным делам в городе?

Изабелла намазала тост джемом.

— Нет. Все мои дела в городе — это ты.

— О! — Изабеллу согрели его слова, но она, конечно, не позволит ему догадаться об этом. — У тебя обязательно будут поручения, которые надо выполнить.

— И полный дом прислуги, которая будет выполнять их для меня. Все, кто мне нужен, могут прийти сюда. — Мак взял газету и опять развернул ее. — Между прочим, сегодня утром у меня важный посетитель, так что не планируй пока никаких выходов, как послушная жена.

Изабелла бросила в его сторону испепеляющий взгляд, который мог бы прожечь газету. Но, несмотря на раздражение, которое было вызвано властным высокомерием Мака, где-то глубоко в душе его забота давала Изабелле ощущение невероятного удовольствия и тепла.

Спустя полтора часа это ощущение тепла рассеялось, когда приехал лондонский адвокат семьи Маккензи.

Изабелла хорошо знала мистера Гордона. Сначала он разъяснял ей правовые аспекты ее брака с Маком и то, как он распорядился имуществом в ее пользу, потом помогал в запутанных вопросах их раздельного жительства. Мистер Гордон отговаривал ее от развода, объясняя, что

получить развод трудно и достанется он дорогой ценой. Ей предстоит обвинить Мака в мерзком поведении, а Мак перед всем миром будет защищать себя в суде. В случае раздельного жительства головной боли и скандалов намного меньше. В конце концов, Изабелле был нужен только покой. Мак обеспечит ей безбедное существование, и она станет жить так, как ей нравится. Во время всей этой суматохи мистер Гордон был добр, внимателен и терпелив, и Изабелла всегда будет ему благодарна за это.

— Ваша светлость.

Адвокат поклонился и пожал Изабелле руку. В отличие от сложившегося образа адвоката в виде сухонького, довольно пожилого человека мистер Гордон был высоким, пухлым и розовощекимым мужчиной с дружелюбной улыбкой на губах. Он был женат и имел пятерых детей, таких же пухлых и розовощеких, как он сам.

— Мистер Гордон, я очень рада вас видеть. Как поживает ваша семья?

Пока мистер Гордон без умолку говорил о своих домашних, Изабелла проводила его в гостиную. Они вошли и увидели Мака, который, ползая на четвереньках, катал на спине Эйми.

Изабелла замерла в дверях. Мак был в жилете и рубашке. Эйми вцепилась руками в его волосы и дергала их так, как хотела, и визжала от удовольствия, пока Мак катает ее на спине.

— А это, должно быть, и есть тот ребенок, о котором идет речь, — сказал мистер Гордон.

Мак осторожно спустил Эйми на пол, потом поднял и подбросил вверх. Малышка опять взвизгнула от восторга. Мак посадил ее на руку и повернулся поприветствовать мистера Гордона.

— О котором идет речь? — переспросила Изабелла.

Она предложила адвокату сесть и сама села на софу.

— Я попросил Гордона прийти, — Мак присел на подлокотник софы, по-прежнему держа Эйми на руках, — и официально оформить удочерение. Я стану опекуном Эйми, пока она не достигнет совершеннолетия.

— Ты? — снова переспросила Изабелла. — Я думала, что сама удочерю ее.

— Я тоже говорил так Гордону, но он сказал, что для Эйми в будущем будет лучше, если ее официальным опекуном стану я, тем самым обеспечив ей покровительство семьи Маккензи. А ты будешь ее воспитывать так, как считаешь нужным, и, конечно, принимать все важные решения.

Опять Мак проявил свою власть, и Изабелле стало тепло и радостно на душе. Она немного боялась, что Мак по-другому посмотрит на Эйми сегодня утром, как на дочь человека, который напал на Изабеллу, и не захочет иметь с ней больше ничего общего. Теперь стало понятно, что Мак сумел разделить поступки преступника и жизнь невинного существа. Мак был умен — она всегда знала это и любила его за это еще больше.

— Вы уверены в этом, милорд? — спросил Гордон. — Принятие опекуна над ребенком, особенно над девочкой, влечет за собой большой груз ответственности.

— Ей же потребуется, чтобы кто-то платил за ее платья, — беспечно пожал плечами Мак, —

шляпки, ленты и другие безделушки. Мы отправим ее в академию мисс Прингл и устроим для нее такой дебютный бал, какого Лондон еще не видел. — Мак подмигнул Изабелле. — И строго-настрого запретим ей тайно бежать с каким-нибудь случайным лордом.

— Очень забавно, — хмыкнула Изабелла.

— Я серьезно говорю. Ее мать, бедняжка, умерла, отец отказался от нее. Кроме всего прочего, ее отец — преступник. С нами ей будет гораздо безопаснее.

Для Гордона этого было достаточно, и потом, он всегда обожал Мака и его братьев, поэтому и вел себя скорее как сочувствующий дядюшка, чем как семейный адвокат.

— Эйми явно привязалась к тебе, — сказала Изабелла, наблюдая, как девочка с довольным видом играет с пуговицей на жилете Мака.

— А знаешь, я ее спрашивал, как она относится к тому, чтобы всю жизнь жить с дядей Маком и тетей Изабеллой. Она согласилась.

— И сказала об этом, да? — прищурилась Изабелла.

— Ну, она пока еще мало слов знает, и все они на французском языке, но она определенно согласна, что у меня большой нос.

— Вот это как раз видно всем, — сдерживая смех, подтвердила Изабелла.

— Дорогая моя, ты меня сразила.

Нет, это он сразил ее. Мак принадлежал к тому типу людей, которые всегда выглядели так, как будто собирались рассмеяться или улыбнуться какой-то шутке, и это веселое выражение на лице делало их необыкновенно красивыми. Оно менялось только тогда, когда он был очень рассержен или опустошен, как случилось тогда, когда она увидела его в Париже.

— Здесь не должно быть больших проблем, — сказал мистер Гордон. — Некоторые формальности, и дело сделано. Ребенок, по существу, сирота.

А Мак очень богат, у него очень влиятельная семья. Неудивительно, что Гордон предложил Маку самому стать опекуном. Пейн, бедный клерк из Шеффилда, вряд ли сможет противостоять могуществу Харта Маккензи, герцога Килморганского. Эйми станет их малышкой.

В комнату вошла мисс Уэстлок, понимая своим профессиональным чутьем няни, что девочке пора возвращаться в детскую. Эйми не капризничая пошла с ней, и Изабелла еще больше оценила мисс Уэстлок. Но перед уходом Эйми все равно сначала поцеловала Мака и Изабеллу.

Изабелла на короткое мгновение прижала к себе тельце малышки, пока та целовала ее в щеку. «Мак хочет ребенка», — подумала она. Он попросил прийти сюда Гордона, чтобы начать процедуру удочерения не только ради Изабеллы. Он привязался к Эйми, такой вывод можно было сделать, глядя на то, как он позволил ей спать на нем в поезде, а теперь весело возил ее на спине по гостиной. Изабелла подумала о вчерашней бурной ночи в постели, вспомнила о том, как они любили друг друга в студии Мака в Килморгане, и подумала о возможности иметь собственного ребенка. При этой мысли у нее гулко застучало сердце, и она не отрываясь смотрела, как мисс Уэстлок уносит Эйми и закрывает дверь.

— А теперь, что касается другого вопроса, — подал голос Гордон. Он вынул из кейса пачку бумаг; похоже какие-то юридические документы, и передал их Маку. — Думаю, здесь все в порядке.

— О каком еще вопросе идет речь? — поинтересовалась Изабелла.

— Вы не сообщали ее светлости, что я сегодня приду? — удивленно посмотрел на Мака мистер Гордон.

Но Мак молча просматривал бумаги, никак не реагируя на вопрос.

— Должно быть, его светлость забыл об этом, — решительным тоном заметила Изабелла. — Последние несколько недель прошли в такой суматохе. Так что это за вопрос?

— Отмена решения о вашем отдельном проживании, конечно, — доброжелательно улыбнулся мистер Гордон. — Я рад выполнить для вас это задание, потому что с нетерпением ждал его много лет. Для меня это — счастливый день, милорд.

Мак почувствовал, как вскипела Изабелла. Он встал с подлокотника софы и пересел в кресло, стоявшее перед чайным столиком. Он не смотрел на Изабеллу, но чувствовал, как ее взгляд испепеляет пространство между ними.

— Отмена решения о нашем отдельном проживании? — дрожащим голосом переспросила Изабелла.

— Именно так, — подтвердил мистер Гордон.

Он хотел добавить что-то еще, но, взглянув на Мака и Изабеллу, промолчал.

— Я считаю, это имеет смысл сделать, любовь моя.

Мак остановил свой взгляд на картине, которая висела на противоположной стене. Это был пейзаж Клода Лоррена, который он купил в свое время Изабелле в качестве извинения за один из своих внезапных отъездов. Невероятная синева неба, сероватая зелень земли и греческие развалины всегда поднимали Маку настроение, но прямо сейчас не слишком успокоили его.

— Я открыто и вызывающе живу здесь с тобой в твоем доме. Люди говорят об этом.

— Правда?

— Наша прислуга болтает всюду, заключает на нас пари, так мне говорит Беллами. Твои соседи видят, как мы вместе приезжаем и уезжаем. Так что распространение известия о нашем примирении — всего лишь вопрос времени.

— Примирении? — Голосом Изабеллы можно было бы резать стекло. — Каким примирении?

Мак наконец заставил себя посмотреть на нее. Изабелла с надменным видом сидела на краешке софы, выпрямив спину и сверкая глазами. Она была великолепна в своем платье из светлых и темных тонов синего с вкраплениями кремового, даже когда злилась. Маку не терпелось взять кисть и запечатлеть ее такой, с лучом света, скользнувшим на ее колени.

— Изабелла, мы жили отдельно и молчали три с половиной года, — начал Мак. — Теперь мы разговариваем друг с другом, живем вместе и даже время от времени делим постель. Общество больше не будет считать нас живущими врозь. Я не вижу причины, чтобы не узаконить наши

отношения.

— За исключением того, что я хочу жить отдельно.

— Даже теперь, когда мне так хочется сделать еще одну попытку к примирению? — вспыхнул Мак. — Хороший адвокат посоветовал бы тебе позволить мне осуществить эту попытку.

Гордон, хороший адвокат, продолжал заниматься бумагами и делал вид, что его здесь нет.

— Но я этого не хочу, — с нотками паники в голосе повторила Изабелла.

—. Какой еще у нас есть путь, дорогая? Я не давал тебе повода для развода. Я не бью тебя, не содержу любовницу, я несколько лет не брал в рот ни капли виски. Я не бросал тебя, на самом деле последнее время я всегда рядом. Мы живем как муж и жена. И мы юридически должны стать мужем и женой.

— Черт возьми, Мак Маккензи, — вскопчила Изабелла, — почему ты не можешь оставить все как есть?

— Может, я зайду в другой раз, милорд, — деликатно покашлял Гордон, — когда вы все обсудите с ее светлостью?

— Пожалуйста, не беспокойтесь, мистер Гордон, — холодным тоном сказала Изабелла. — Мне очень жаль, что вам пришлось стать свидетелем столь некрасивой сцены. Пожалуйста, передайте мой привет миссис Гордон.

С этими словами Изабелла устремилась к двери и дальше — в вестибюль, и юбки, как синяя пена, колыхались в такт ее шагам.

Гордон растерялся, а Мак вскочил на ноги и помчался за ней.

— И куда ты, черт возьми, собралась?

— На улицу.

— Нет, одна ты не пойдешь.

— Ну конечно, нет. Мортон, пожалуйста, вели подать ландо и попроси Эванс подняться наверх. Спасибо.

Высоко подняв голову, Изабелла побежала наверх. Из гостиной незаметно появился мистер Гордон с кейсом в руках. Мортон подал адвокату шляпу.

— Спасибо, Гордон, — сказал Мак. — Я напишу вам, когда разберусь с этим.

— Да, милорд, — тактично откликнулся адвокат и ушел.

Наверху хлопнула дверь. Мак поставил перед входной дверью стул, уселся и стал ждать.

Он не собирался позволить Изабелле выйти из дома без него, и его совершенно не волновало, что она была в ярости. Он понял, что просчитался — стал действовать слишком напористо. Но, черт возьми, она сама подавала ему все знаки примирения. Вчера вечером, Господи, да, вчера вечером. Мак представления не имел, как он мог все это время находиться в стороне от прекрасной и такой желанной Изабеллы. Эта женщина, которую он обучил всем тонкостям

любви и которая прекрасно усвоила все его уроки, снова станет его любовью. От одной только мысли о том, что она умела делать, его плоть твердела от желания.

Изабелла спустилась по ступенькам как раз в тот момент, когда Мак услышал звук подъехавшего ландо. Она сменила свое синее платье на прилегающий жакет цвета бутылочного стекла поверх серого платья для прогулок и шляпку, которая крепилась к ее волосам шляпными булавками с разноцветными бусинами.

— Дай мне дорогу, пожалуйста, — бросила Изабелла, натягивая на ходу перчатки.

— Как пожелаешь.

Мак взял свою шляпу с вешалки, открыл перед Изабеллой дверь и вышел за ней следом.

Перед ландо Изабелла проигнорировала предложенную Маком руку и позволила лакею помочь ей сесть. Тот с извиняющимся видом посмотрел на Мака, но он только подмигнул ему и сел в ландо следом за Изабеллой. Лакей захлопнул дверцу, и ландо тронулось с места, едва Мак успел сесть на сиденье напротив Изабеллы.

— Разве я не могу хотя бы минуту побыть одна? — рассердилась Изабелла.

— Только не тогда, когда на тебя в парке нападает сумасшедший. Я не шутил, когда сказал, что не выпущу тебя из виду.

— Мой кучер и лакеи никому не позволят приблизиться ко мне. И потом, я не собираюсь гулять одна по темным пустынным дорожкам. Я не дурочка, и это не готический роман тайн и ужасов.

— Конечно, нет. Я уверен, мы находимся в комедии ошибок, любовь моя, но это вовсе не означает, что человек, напавший на тебя, не опасен.

— Тогда почему не послать со мной Беллами? Он сам чертовски опасен.

— Потому что мне нужно, чтобы он присматривал за домом на тот случай, если наш приятель Пейн решит попытаться проникнуть туда, притворяясь мной. Даже ты сначала ошибочно приняла его за меня.

— Ладно, я тебя поняла. — Изабелла выдохнула, и ее грудь всколыхнулась в ответ. — Но при чем здесь раздельное проживание? Почему ты решил, что одному тебе позволено решать, когда мы покончим с этим? Почему ты не посоветовался со мной, прежде чем посылать за мистером Гордоном? Бедняга чувствовал себя очень неловко.

Мак услышал рвущийся из собственного горла стон. Изабелла права, не следовало брать на себя такую смелость, но ему тоже, черт возьми, надоело все время быть во всем виноватым.

— А ты посоветовалась со мной, когда решила, что мы будем жить раздельно? Ты посоветовалась со мной, когда захотела бросить меня? Нет, ты исчезла и прислала мне чертову записку. Хотя нет, подожди. Ты прислала ее даже не мне, ты прислала ее Йену.

— Потому что я знала, — воскликнула Изабелла, — если я отправлю ее тебе, ты никогда не воспримешь это серьезно! Я знала, что Йен сделает все, чтобы ты прочел записку и понял, какое решение я приняла. Я боялась, если пошлю ее прямо тебе, ты просто рассмеешься и бросишь ее в огонь.

— Рассмеюсь? — «Господи, что она несет?» — Рассмеюсь, что моя любимая жена решила бросить меня? Что она больше не может жить со мной? Я перечитывал эту проклятую записку снова и снова, пока буквы не стали расплываться у меня перед глазами. У тебя весьма странное представление о том, что может меня рассмешить.

— Я хотела сказать тебе об этом сама. Поверь мне, пыталась. Но я знала: если мы увидимся, ты просто будешь ходить вокруг да около, убеждать меня остаться с тобой вопреки моему мнению.

— Конечно, я бы сделал именно так, — заорал Мак. — Я люблю тебя. И сделал бы все, чтобы ты осталась, лишь бы ты только дала мне шанс.

Глава 17

Вчера вечером шотландский лорд и его леди появились в «Ковент-Гарден», но с таким же успехом они могли бы быть и в двух разных оперных театрах. Лорд сидел в ложе маркиза Данстана, а леди появилась в театре с герцогом К., братом лорда. Свидетели утверждают, что лорд и леди встретились друге другом в бельэтаже, но не разговаривали и даже, похоже, не заметили друг друга.

Февраль 1879 года

Зеленые глаза Изабеллы вспыхнули от ярости. Но и в приступе гнева она оставалась прекрасной.

— У тебя было целых три года, когда ты мог воспользоваться шансом, Мак. Ну хорошо, допустим, ты уговорил бы меня остаться, и что потом? Ты бы открыл бутылку шампанского, чтобы отпраздновать это событие, а на следующее утро я бы проснулась и обнаружила, что ты опять куда-то умчался, оставив записку, может быть, чтобы я не волновалась. И я решила дать тебе почувствовать то, что чувствовала я все эти три года нашего брака.

— Я знаю. Я знаю. Я был идиотом. Но теперь, черт возьми, я пытаюсь исправить это. Я хочу попытаться, а ты решительно настроена воспротивиться этому.

— Да, потому что я устала, что ты постоянно дурачишь меня. Ну вот посмотри: я уступила тебе дюйм, а ты скакнул на милю. Я прихожу к тебе за утешением, а ты решаешь, что мы помирились, и посылаешь за нашим адвокатом.

— Утешением? — Мак чувствовал, как горит у него в груди. — Так вот как называется прошлая ночь?

— Ну да.

— Я тебе не верю.

— Думай, как тебе нравится. У тебя очень высокое самомнение.

— Высокое самомнение? — Как случалось всегда, когда Мак сердился, его шотландский акцент заметно усиливался. — А мне кажется, за прошедшую ночь ты четыре или пять раз вскрикивала, будучи на вершине блаженства. Я помню. Я и сам в этот момент был близок к тебе.

— Физические реакции тела не всегда можно контролировать. И это медицинский факт.

— Я был не с «каким-то телом». Я был с тобой, Изабелла.

— Знаешь, — вспыхнула она, — ты просто воспользовался моим одиночеством. Мне следовало запереть дверь.

Мак внезапно пересел на сиденье рядом с Изабеллой. Она не сдвинулась с места, даже не съежилась: Изабелла никогда не покажет, что ей страшно, особенно перед ним.

— Если ты говоришь, что пришла ко мне за утешением, тогда это ты воспользовалась мной.

— Ты ходишь за мной по пятам и сам это признаешь. Ты каким-то образом сумел вернуться в мой дом и в мою жизнь. Мне кажется, я имею право на свое слово.

— Если добраться до сути, то ты живешь в моем доме. Это моими деньгами оплачивается и этот дом, и прислуга, и красивые платья. Потому что ты все еще моя жена.

— Думаешь, я не вспоминаю об этом каждый день своей жизни? — повернулась к нему Изабелла. — Думаешь, мне приятно чувствовать, что я всецело живу на твою милостыню? Я могла бы упросить мисс Прингл дать мне работу в академии, но у меня нет опыта, и тогда я стала бы жить на ее милостыню. Поэтому, пока ты оплачиваешь все мои счета, о гордости приходится забыть.

— Проклятие. — Мак выглянул в окошко, но интенсивное движение на Оксфорд-стрит мешало ему осмотреться. — Я не подаю тебе милостыню. Оплата твоих счетов — это самое меньшее, что я могу сделать для того, кто имел глупость выйти за меня замуж.

— Ага, значит теперь я глупая и слабая.

— Тебе нравится говорить все за меня, да? В споре ты всегда решаешь, что говорю я и что говоришь ты. С таким же успехом я мог бы пойти половить рыбу, пока ты закончишь высказываться. Дай мне знать, когда тебе надоест возражать.

— А ты пытаешься выиграть, делая мне упреки и не замечая, что вообще-то это ты меня разозлил! Ты решил отменить наше раздельное существование, даже не потрудившись сказать об этом мне. Разве не так?

Мак не отрицал своей вины. Он надеялся покончить с этим так быстро, чтобы у Изабеллы не осталось времени возразить. Нет, если честно, он надеялся, что Изабелла подарит ему теплую улыбку и скажет, что она рада и счастлива, что они снова будут вместе.

Слишком быстро. Он поторопился, а она оказалась пока не готова.

— Ты обвиняешь меня в том, что я отнесся к этому серьезно? — Мак попытался взять себя в руки, и его шотландский акцент почти исчез. — Разве мы мало времени жили отдельно друг от друга, Изабелла?

— Я не знаю.

Она сидела с ним рядом и была невероятно красива в этом жакете, плотно облегавшем ее тело, с рыжими волосами, завитыми в чудесные кудряшки. Ну какой мужчина не воспылает к ней страстью?

Мак мог бы развестись с ней, когда она его бросила, но он решил, еще до того, как ему

посоветовал Гордон, что никогда не даст обществу дополнительной пищи для отвратительных сплетен. Развод погубил бы Изабеллу, она оказалась бы беззащитной перед любым беспринципным мужчиной. Но Мак скорее умер бы, чем позволил кому-то дотронуться до его Изабеллы. Она причинила ему много боли, но он был счастлив устроить ее жизнь в ее собственном доме, чтобы она спокойно жила одна. А он станет защищать ее, присматривать за ней, насколько это возможно в его положении. Потому что он любит ее.

— Мне думается, что мы достаточно много времени провели отдельно друг от друга, — сказал Мак.

— Но откуда мне знать, что теперь наша совместная жизнь не будет точно такой, как прежде? — с отчаянием проговорила Изабелла. — Что ты не станешь опять приходить и уходить, ни слова не говоря, решать, когда мы должны быть вместе, а когда мне надо будет отдохнуть от тебя? Не надо абсолютно все решать самому, Мак.

— Посмотри на меня, — раскинул руки Мак. — Я стал совсем другим теперь. Не пью. Завтракаю и обедаю дома. Никакого пьянства с друзьями. Я образцовый муж.

— Господи, Мак, никакой ты не образец.

— Я хочу быть таким, каким ты хочешь меня видеть: трезвым, надежным, заслуживающим доверия... Ну и все такое. Какие там еще есть скучные прилагательные?

— Ты думаешь, это то, чего я хочу? — спросила Изабелла. — Шесть лет назад я влюбилась в очаровательного, непредсказуемого Мака. Если бы я хотела надежного и скучного, я бы прогнала тебя и обратила внимание на мужчин, которых выбрал для меня мой отец.

— Тебе безумно трудно угодить. Тебе не нужен безудержный Мак, но при этом и домашний Мак тоже не нужен? Ты это хочешь мне сказать?

— Я хочу, чтобы ты прекратил пытаться быть таким, каким ты не являешься на самом деле. Я тебе точно говорю, что твоя новая роль надоест тебе через несколько месяцев. Ты увлекаешься чем-то, потом тебе это надоедает и ты обо всем забываешь. Включая меня.

Мак долго смотрел на нее и молчал. Под его пристальным взглядом Изабелла покраснела, но его раздражение исчезло без следа.

— Ты глупышка, Изабелла Маккензи, — спокойным голосом сказал Мак.

— Что? — обиженно переспросила она.

— Ты сама придумала, что я за человек, поэтому с тобой чертовски трудно разговаривать. Ты не веришь, что я могу измениться, а я уже изменился. Ты просто не замечаешь этого.

— Я знаю, ты бросил пить, и отметила это.

— Бросил пить? — засмеялся Мак. — Ты так легко говоришь об этом. Я целый год страдал и мучился. Я не понимал, насколько привык заливать виски горечь собственного существования. Я в диких муках валялся на полу в номере отеля в Венеции, умоляя Всевышнего дать мне силы устоять против желания найти вино и тем самым облегчить свои страдания. До этого я никогда не молился по-настоящему. Мальчишкой меня брали в церковь, чтобы произносить молитвы, но в этот раз я действительно молился. На самом деле я скорее умолял дать мне силы. Абсолютно непривычное для меня дело.

— Мак... — Изабелла слушала, раскрыв рот.

— Я мог бы рассказать тебе такое, от чего ты побледнела бы, но я тебя избавлю от этого. Молитвы и мольбы длились не одну ночь. Это продолжалось много ночей без остановки. И вот когда я подумал, что все закончилось и я почувствовал себя лучше, наступила ночь, когда мои друзья решили, что будут «помогать» мне время от времени, удерживая меня силой и заливая мне виски в глотку. Они отстали от меня, когда я нашел способ извергать все назад, прямо на их изысканные одежды. В конце концов мои друзья покинули меня. Все до одного.

— Они не имели права так поступать, — побледнела Изабелла.

— Это были всего лишь прожигатели жизни и подхалимы, — пожал плечами Мак. — Среди них не было настоящих друзей. Друг познается в беде, и именно в трудные минуты жизни ты понимаешь, кто действительно заботится о тебе.

— О, Мак, неужели рядом с тобой не было ни одного настоящего друга?

— У меня был Беллами. Он следил, чтобы я ел; именно он понял, что я могу ведрами пить чай, когда от воды меня уже тошнило. Я превратился в истинного знатока чая, даже переплюнул в этом деле надменных англичан, которые уверены, что с их познаниями о чае никто не может тягаться. Ассамский чай с жасмином великолепен. Ты должна его попробовать.

— Я рада, что Беллами заботился о тебе, — со слезами на глазах сказала Изабелла. — Я выражу ему свою благодарность. Мне кажется, он заслуживает подарка. Как ты думаешь, чем ему можно угодить, что ему понравится?

— Я уже повысил ему жалованье, — откликнулся Мак. — И неустанно хвалю его. И почитаю Беллами как бога, и это, уверяю тебя, сильно смущает его.

Изабелла отвела взгляд. Гордая женщина с царственной осанкой. Желание обладать ею не оставляло Мака ни на мгновение. Разлука с ней превращала его жизнь в ад, но когда она его бросила, Мак позволил ей уйти, потому что она была права. Если бы он вернулся к ней до того, как бросил пить и сильно изменился, все продолжалось бы по-прежнему, пока они не отделились бы друг от друга настолько, что Мак никогда больше не увидел бы Изабеллу. Только благодаря тому, что он дал ей время успокоиться, теперь он мог сидеть с ней рядом и вдыхать ее аромат.

Изабелла долго смотрела в окно и когда наконец повернулась к Маку, в ее взгляде уже не было гневного блеска.

— А как же твой друг? — спросила она. — Тот, о котором ты говорил мне на балу у лорда Аберкромби?

— Друг? — заморгал ресницами Мак.

— Тот, которому нужны уроки по уходу за женщинами.

— А, вот ты о ком, — закашлялся Мак. — Да, он все еще мечтает научиться приемам ухода.

— Но мы уже как-то практиковались в этом. Может, следует повторить?

— Ты хочешь этого? Повторить еще раз?

— Думаю, да, — кивнула Изабелла.

Мак долго изучал ее лицо, и она тоже смотрела на него, поблескивая зелеными глазами.

— В таком случае, — беззаботно произнес Мак, — давай забудем обо всем, что произошло вчера вечером в твоей спальне. Для влюбленной пары это было слишком вызывающе.

— Да уж, — сдержанно улыбнулась Изабелла, — совершенно неприлично. Ты не должен говорить своему другу о том, что произошло вчера вечером.

— Своим друзьям я никогда ни слова не говорю о том, что происходит в моей спальне. Это их не касается. — Мак взял руку Изабеллы, затянутую в тонкую перчатку, поцеловал ее и пересел на свое место. — В экипаже джентльмен никогда не должен находиться на одном сиденье с дамой. Ему следует садиться спиной к кучеру, уступив ей место по ходу движения.

— Забавно было бы понаблюдать, как ты станешь неукоснительно следовать джентльменским правилам, — засмеялась Изабелла.

Черт, как приятно было слышать ее смех.

— Если это все, что нужно для успеха, — Мак пригвоздил ее взглядом, в котором не было ни лести, ни поддразнивания, — я сделаю это. Я хочу завоевать тебя снова, Изабелла. И не важно, сколько времени мне на это потребуется, год или двадцать лет, я человек терпеливый. Клянусь, я завоюю твое сердце опять. Даже если для этого мне придется стать таким правильным, что мои предки перевернутся в гробах, чтобы увидеть мое превращение в англичанина.

Изабелла улыбнулась, однако, судя по выражению лица, не сдалась. Но то, что она молча терпела его дальнейшее присутствие в поездке и во время выполнения поручений, навело Мака на мысль, что она готова дать ему шанс. Она хотела, чтобы он попытался, и желала, чтобы его усилия увенчались успехом. И это хоть немного подбодрило Мака.

На следующее утро Изабелле доставили букет оранжерейных цветов вместе с запиской. Изабелла потрогала цветы, отметив про себя, что букет небольшой и составлен со вкусом. Желтые розы, фиалки и гипсофила. Ни орхидей, ни другой экзотики. На карточке с золотым тиснением почерком Мака было написано:

«Я очень признателен вам, миледи, за удовольствие проехаться с вами вчера днем. Может быть, вы позволите мне пригласить вас сегодня на прогулку в парк, если погода будет хорошая? Если вам удобно, я заеду за вами в три часа.

Ваш покорный слуга Роланд Ф. Маккензи».

Изабелла улыбнулась про себя. Мак определенно играл роль воспитанного джентльмена и даже воспользовался своим настоящим именем. Он не любил, когда к нему обращались по имени Роланд Фердинанд Маккензи или лорд Роланд, предпочитая имя Мак, которое прилипло к нему в двухлетнем возрасте, когда из своего длинного имени он не мог произнести ни одного слога, кроме «Мак».

— Джентльмен присылает тебе цветы? — с усмешкой и хрипотцой в голосе поинтересовался из-за своей утренней газеты Мак.

— Да. — Изабелла села на свое место, коснувшись пальцами карточки, которую сунула в карман. — Он пригласил меня прогуляться с ним сегодня днем.

— И что ты решила? — сурово посмотрел на нее Мак, завернув один уголок газеты.

— Я приму его приглашение. Предложить прогулку в общественном месте — очень приличное предложение. И приятное.

— Будь осторожна, неизвестно, какие у него намерения. Я слышал, у этого лорда Роланда плохая репутация.

— Мне кажется, он исправился, — вступилась Изабелла, — так он сам мне сказал.

— Так-так-так, будь начеку, дорогая. Кажется, он рисует женщин, голых.

— Не преувеличивай, Мак.

Мак ухмыльнулся и снова спрятался за газетой. Его улыбка могла разом перечеркнуть все благие намерения женщины. Прошлой ночью Мак спал в своей комнате, и Изабелла долго не могла уснуть, стараясь побороть собственное разочарование.

В три часа дня раздался звонок в дверь, и Мортон, спустившись по служебной лестнице, поспешил открыть. На пороге в великолепном костюме для дневной прогулки, в шляпе и с тростью в руках стоял Мак.

— Я пришел навестить хозяйку дома, — серьезным голосом провозгласил он.

Изабелла, наблюдая за происходящим с лестницы, едва сдержала смех. Мортону не нравились подобные игры, и Маку даже пришлось проявить некоторую настойчивость, прежде чем Мортон проводил его в гостиную.

— Миледи...

Мортон с обиженным видом вышел из гостиной и посмотрел на лестницу.

— Спасибо, Мортон. — Изабелла подобрала юбки и стала спускаться вниз. — Доставьте удовольствие его светлости. Ему хочется немного пошутить.

— Да, миледи, — печально ответил Мортон и удалился в заднюю часть дома.

— Миледи, — Мак со шляпой в руках встал навстречу вошедшей в гостиную Изабелле, — надеюсь, у вас все хорошо?

— Спасибо, я в добром здравии и хорошем настроении.

— Рад это слышать. Не составите ли мне компанию для прогулки в парке?

— Ну конечно, милорд. И спасибо за цветы. Это было очень любезно с вашей стороны.

— Пустяки. Я слышал, вы любите желтые розы? Надеюсь, вам понравились те, что я прислал?

— Они очень красивы. — Изабелла услышала тоненький голосок Эйми в холле. — Вы не возражаете? Няня Уэстлок говорит, что Эйми необходим свежий воздух, и я подумала, что они могли бы присоединиться к нам.

У Мака изумленно вспыхнули глаза, но он скрыл это за очередным вежливым поклоном.

— Прогулка в сопровождении няни и ребенка, — пробормотал он. — Замечательно.

Стояла прекрасная погода, и в Гайд-парке было полно людей. Мак перестал играть роль почтенного поклонника, сдвинул шляпу на затылок и настоял на том, чтобы самому катить коляску. Изабелла шла за ним, восхищаясь видом своего широкоплечего мужа, идущего за детской коляской. Мисс Уэстлок немного приотстала, не мешая хозяину и хозяйке.

Дорогу для верховой езды заполнили лошади и экипажи, по тропинкам гуляли семьи, прогуливались парочки и няни с детьми. Эйми сидела в своей коляске, ухватившись руками за края, и с интересом рассматривала все вокруг. Она была спокойным, душевным, как называла ее мисс Уэстлок, ребенком.

Что чувствовала Эйми, потеряв мать, Изабелла не представляла. Может быть, девочка была еще слишком мала, чтобы понять, что случилось, но в целом она, похоже, приняла перемены в своей судьбе. Эйми с радостью дарила поцелуи Маку и Изабелле и, хотя открыто выражала свое предпочтение Маку, теперь с удовольствием оставалась и с Изабеллой, и с няней мисс Уэстлок.

Изабелла задавала себе вопрос, попытается ли Пейн, настоящий отец девочки, отнять у них Эйми. Она не знала, какие связи пустил в ход мистер Гордон, чтобы сделать удочерение законным, но он их уверил, что все будет хорошо. Однако Изабелла все еще тревожилась по этому поводу. Нельзя отдавать Эйми сумасшедшему, который поджигает дома и преследует женщин в парке.

— Мак, дружище! — раздался мужской голос, и Изабелла, подняв глаза, увидела четырех джентльменов, направляющихся в их сторону.

Изабелла подавила тяжелый вздох. Это были друзья Мака из Харроу и Кембриджа, которые во всех безобразиях, творимых в школьные годы, считали Мака своим предводителем. Теперь это были взрослые мужчины, но они оставались безудержными кутилами, готовыми на все, чтобы получить одобрение Мака.

Тот, который шел чуть впереди, невысокого роста, довольно стройный, со светлыми волосами, в двадцать два года стал маркизом Данстаном. Его имя было Кадволладер, а они называли его Колифлауэр [5]или, коротко, Коли. С ним вместе были лорд Чарлз Сомервиль, достопочтенный Бертрам Кларк и лорд Рэндольф Мэннинг. В свое время ни один из них не прошел строгого отбора на роль возможного претендента на руку дочери, устроенного отцом Изабеллы, и именно эти четыре джентльмена заключили пари, что Мак никогда «не вломится» на бал лорда Скрантона незваным гостем и не станцует с его невинной дочерью.

— Не верю своим глазам! — Лорд Сомервиль вставил монобль в левый глаз. — О Господи, и впрямь Мак Маккензи гуляет с ребенком. Где ты подхватил эту чертову игрушку? Расплата за пари, да?

— Это моя дочь, — холодно отрезал Мак. — Мисс Эйми Маккензи. Я недавно удочерил ее. Прошу следить за своей речью в присутствии малышки и моей жены.

В ответ Сомервиль лишь грубо захохотал.

— А, восхитительная леди Изабелла, — поклонился ей Бертрам Кларк. — Как приятно видеть вас снова. Вы ослепили мои глаза своим великолепием, миледи.

— Я думал, ты удачно избавилась от этого мерзавца, Иззи, — пристально посмотрел на нее лорд Рэндольф Мэннинг. — Мне очень жаль, что ты никогда не искала утешения у меня. Ты же знаешь, моя дверь всегда открыта.

— Ты негодник, Рэндольф, — скривил губы Колифлауэр.

— Хватит, — оборвал их Мак. — Еще раз оскорбишь мою жену, Мэннинг, и твой глаз почувствует мой кулак в перчатке.

— Господи, а что я такого сказал? — заморгал ресницами Мэннинг.

— Простите лорда Рэндольфа, — обратился к Изабелле Бертрам Кларк, которого отличали от остальных друзей самые приличные манеры, но при этом он был самым разгульным среди них. — Он пьян, он идиот и валяется у ваших ног. Мы все у ваших ног, как вы знаете.

— Все в порядке, — ответила Изабелла. — Для меня не новость его вульгарные манеры.

Все четверо захохотали.

— Остроумна, как всегда, — заметил лорд Чарлз. — Нам не хватало вас, миледи. Нет, правда, Мак, откуда у тебя ребенок?

— Я ответил тебе. Девочку я удочерил.

— Внебрачный ребенок, а, Мак? — подмигнул затуманившимся глазом Мэннинг. — Твоя жена — самая великодушная женщина.

Бертрам Кларк схватил Мэннинга за шиворот:

— Пришло время привести тебя в чувство, оболтус.

С этими словами он потащил Мэннинга прочь, а тот что-то бормотал и продолжал спрашивать, что же такого неправильного он сказал.

вернуться

5

Цветная капуста (*англ.*).

— Коли, — тихо произнес Мак. Маркиз покраснел и посмотрел на Мака, — запомни: Эйми не является моим внебрачным ребенком, ее будут воспитывать как настоящую молодую леди. Глупые домыслы пресекай. Ты знаешь правду, и я надеюсь, ты ее поддержишь. И ты тоже, Чарли. И другим скажите.

— Ты прав, командир. — Колифлауэр коснулся пальцами лба. — Можешь на нас рассчитывать. Но кстати, если уж речь зашла о пари, как насчет нашего, которое мы заключили перед твоим отъездом в Париж? Ну, помнишь...

Он замолчал, сделав взмах рукой, имитируя движение кисти по холсту.

— Эротические картины? — закончил его предложение Мак. — Не бойся, Изабелла все знает. У

меня нет секретов от собственной жены, ты же знаешь. Я работаю над ними.

— Заметь, время истекает, — покачал головой Чарлз. — Надеюсь, ты знаешь несколько веселых мелодий, чтобы спеть с оркестром движения за трезвый образ жизни.

— Мне говорили, что у меня красивый баритон, — беззаботно ответил Мак, но Изабелла видела, как окаменел его подбородок.

Он начинал выходить из себя.

— Мы постараемся, чтобы каждый член клуба вышел посмотреть и поддержать тебя. Это привлечет всеобщее внимание.

— Я всегда обожаю привлекать внимание. Но, знаешь, я ведь могу успешно справиться с картинами.

— Замечательно. — Колифлауэр вытащил часы и внимательно посмотрел на них. — Знаешь, у меня совсем нет времени, — печально взглянул он на Мака. — Не подведи меня. С тех пор как мне стукнуло десять лет, ты был моим героем.

— Это было слишком давно.

Данстан сунул часы в карман, кивнул Изабелле и подхватил под руку Сомервиля:

— Давай, Чарли, пойдем выпьем шампанского, отпразднуем нашу будущую победу.

Чарлз, немного пошатываясь, поклонился Изабелле и пошел вместе с Данстаном. Мак смотрел им вслед, не скрывая отвращения.

— Подумать только, когда-то я гордился, что возглавлял эту компанию.

— Школа порой заставляет совершать странные поступки, — согласилась Изабелла.

— А ты совершала такие поступки? В академии мисс Прингл?

— Это академия для избранных молодых леди, — невозмутимо поправила его Изабелла. — Знаешь, да, я была задирой.

— Думаю, это одна из причин, почему я люблю тебя, — задумчиво произнес Мак. — Мне бы хотелось выиграть то пари и утереть им носы, прежде чем я порву с ними навсегда. Ты еще не передумала?

— Позировать тебе? — Изабелла оглянулась, но мисс Уэстлок держалась на приличной дистанции, притворяясь, что изучает схему парка. — Думаю, что нет.

Изабеллу бросило в жар, она всей кожей ощущала легкое покалывание. Раздеваясь под пристальным взглядом теплых глаз Мака, она всегда чувствовала себя желанной и любимой. Она вспомнила, что произошло, когда она уже пыталась ему позировать, и услышала, как заколотилось сердце в груди.

Мак наклонился и поцеловал ее на глазах у всех гулявших в парке. А Эйми с интересом смотрела на них из своей коляски.

— Ну вот, — выдохнул Мак, — кажется, у меня появилось вдохновение рисовать прямо сегодня.

Маку пришла в голову безумная мысль, что если он напишет Изабеллу в эротической позе, это благотворно скажется на его физическом состоянии. Он даже вообразил, что его рука теперь станет тверже, раз они оказались в одной постели. Видимо, он лишился рассудка.

Беллами помог Маку превратить одну из комнат Изабеллы наверху в студию. Здесь было много света, лившегося сквозь высокие окна, и тепла, потому что Беллами установил здесь небольшую комнатную печку и топил ее углем. Маку не хотелось, чтобы Изабелла мерзла.

После полудня она поднялась наверх полностью одетая, не желая, чтобы слуги знали, что Мак рисует ее обнаженной. «Пусть они думают, что ты пишешь мой портрет», — сказала она Маку. Мак старался быть беспристрастным, повязал волосы платком и стал смешивать краски. Но когда Изабелла попросила его помочь ей раздеться, самообладание покинуло его.

От волнения у него вспотели ладони, когда он стаскивал лиф платья, уже расстегнутого Изабеллой, и расшнуровывал корсет. «Какая там твердая рука...»

Когда они поженились, он раздевал ее точно также, целуя всякий раз, когда снимался очередной предмет гардероба. Сегодня Мак позволил себе коснуться губами ее шеи, когда был снят корсет, потом поцеловал плечи, когда она развязала рубашку.

Ее кожа пахла розами. Он прижался губами к блестящим волосам, вдыхая ее парфюм. Изабелла распустила юбку, и Мак развязал ленты, которые удерживали на месте небольшой турнюр. Он встал сзади, когда конструкция турнюра уже была снята, с удовольствием ощущая, как выпуклая линия ее ягодиц вписывается в его бедра.

— Я не могу писать тебя, — прошептал ей Мак на ухо. — Я хочу любить тебя.

— Может быть, работа станет хорошей тренировкой сдержанности?

— К черту все это!

Мак чувствовал, что Изабелла волнуется не меньше его самого. Ее кожа буквально вспыхивала в тех местах, где он касался ее губами, соски напряглись и отвердели, когда он обхватил ее рукой за талию.

— Иди сюда, — прошептал Мак.

Кушетка, которую он выбрал для нее, чтобы позировать, была не такой вместительной, как та, которой они воспользовались в Шотландии. Этот выбор Мак сделал сознательно. Он посчитал, что это поможет ему избежать искушения. А сейчас он проклинал себя. Его восставшая плоть требовала близости, и Мак не мог думать ни о чем другом, желая только одного: слиться с ней в едином порыве страсти. К черту уроки сдержанности!

Он задрал свой килт, сел на стул с прямой спинкой и потянул Изабеллу к себе на колени. Он крепко прижал ее к своей обнаженной груди, и она тихо вскрикнула, когда он мгновенно овладел ею.

Все произошло быстро и стремительно. Неистово. Они достигли пика страсти в считанные мгновения, и Мак прижался к Изабелле, желая большего.

— Уверена, что теперь у меня растрепанный вид, — улыбнулась Изабелла.

Вот уж действительно. Припухшие от поцелуев губы, сияющие глаза и раскрасневшееся лицо.

Она не представляет, насколько она сейчас соблазнительна. Мак снова почувствовал прилив желания.

Пока Изабелла устраивалась на кушетке, он стал делать эскиз картины, принуждая себя думать о том, что это всего лишь формы женского тела, а не ноги, грудь и бедра его восхитительной жены.

— Проклятая печка, — простонал Мак, сильно вспотев к тому времени, когда сделал хороший набросок.

— Это так приятно.

Изабелла качнула ногой, свисающей с кушетки, лениво подняв руки за голову. Она словно грелась на солнышке в саду, если не считать того, что была обнажена и находилась в комнате.

— Невыносимо жарко, — вытер лоб Мак. — Может, продолжим завтра?

— Хорошо, а то у меня руки-ноги затекли от напряжения.

Изабелла откинула простыню, которая вовсе ее не прикрывала, и грациозно встала на ноги.

Мак и сам был напряжен, только не в том смысле, какой имела в виду Изабелла. Он решительно не смотрел на нее. Наверное, но только наверное, ему удастся сдержать себя, пока Изабелла не уйдет. Он надеялся на это до тех пор, пока она не спросила:

— Поможешь мне одеться?

Прошел еще час, пока они наконец покинули студию. Изабелле пришлось поспешить в свою комнату, чтобы переодеться и привести в порядок волосы.

Они установили обычный ритм жизни, хотя, по мнению Мака, слово «установили» здесь не подходило. Каждое утро они завтракали и читали почту, потом Изабелла вместе с Маком поднимались в детскую, чтобы сказать доброе утро Эйми и посидеть с ней, пока она завтракала. После этого малышкой занималась няня, а Мак с Изабеллой отправлялись в оборудованную студию.

Мак работал над картинами и в паузах делал наброски для портрета Изабеллы, который хотел завершить позже. За время каждого сеанса они два-три раза занимались любовью, не в силах оторвать друг от друга руки. Казалось, запретный характер того, что они здесь делали, пропитал атмосферу студии. В конце концов, они прятались от всех домашних и вместе продолжали работу над пикантными картинами.

После очередного сеанса в студии они расставались, чтобы написать письма или заняться собственными делами, хотя всякий раз, когда Изабелле нужно было выйти из дома, Мак отправлялся вместе с ней. Они вместе выполняли какие-то поручения, Мак с готовностью носил пакеты Изабеллы, она с немного скучающим видом ждала, пока он решал вопросы со счетами в банке или разговаривал о делах с Гордоном. Они больше ни словом не обмолвились об отмене их отдельного жительства.

Мак не возражал против того, чтобы бесцельно побродить вдоль магазинчиков с ленточками и булавками и элегантных магазинов с безделушками в Берлингтонеком пассаже, пока Изабелла делала покупки. Он был влюблен в собственную красавицу жену и отмечал, что всякий раз, когда из магазина появлялась Изабелла и брала Мака под руку, ухмылки проходивших мимо

джентльменов менялись на завистливые взгляды.

Днем они гуляли по парку или катались в ландо, в зависимости от погоды или от того, что в этот день предлагал Изабелле Мак. В плохую погоду они посещали музейные выставки или, когда было настроение, отправлялись в Тауэр или в Музей мадам Тюссо.

После нападения в парке Пейн куда-то исчез, и Мак надеялся, что он вернулся в Шеффилд и положил конец своему маскараду. Пейн так и не вернулся в снятую им комнату, и Уэллоуз вынужден был признать, что зашел со своим расследованием в тупик.

Мак по-прежнему готов был его убить, но больше всего ему хотелось, чтобы этот человек навсегда исчез из его жизни. Пейн канул бы в неизвестность, а Мак вернулся бы к совместной жизни с Изабеллой.

Они перестали спорить по поводу их отдельного существования или обсуждать, почему Изабелла оставила его, и вспоминать о том, какую боль они причинили друг другу. Все это было в прошлом. А теперь была новая попытка начать все сначала. Эйми привнесла в их жизнь стабильность, и Маку хотелось насладиться этим в полной мере. Он знал, что все это когда-нибудь может с треском рухнуть, потому что все в жизни Мака рано или поздно разваливалось. Но в данный момент он не мог не признать, что счастлив.

К середине октября он закончил четыре картины с изображением Изабеллы.

Когда Мак покрыл лаком последнюю, она внимательно рассмотрела все четыре работы.

— Картины очень хорошие, — сказала она. — Живые. Сразу можно поверить, что это леди, которая получает удовольствие от своего любовника.

На первой картине Изабелла сидела в ленивой позе на кушетке. Одна нога свободно свисала с кушетки, касаясь пола, вторая, согнутая в колене, стояла на кушетке, полностью открывая чувственный холмик между ног. Рука была заведена за голову, тем самым подчеркивая напряженно выступающую грудь с затвердевшими сосками.

На второй картине Изабелла склонилась над спинкой кушетки, опустив голову и подставив бедра, готовая принять своего любовника. На третьей она с прямой спиной сидела на кушетке, обхватив руками грудь, и сквозь ее пальцы торчали соски. Четвертая картина изображала ее распластанной на кровати. Запястье правой руки и левая нога были привязаны к кровати лентами; в двух других углах кровати ленты валялись на постели, как будто были сорваны в процессе страстной игры. Когда Мак писал эту картину, их с Изабеллой соитие принесло насыщение такой силы, какую, казалось, невозможно было выдержать.

На каждом полотне присутствовал кувшин с желтыми розами, где-то они были в полном цвету, а где-то уже поникли и теряли лепестки. Знаменитый желтый цвет сглаживался ярко-красными оттенками драпировок и лент.

Ни на одной из картин не было видно лица Изабеллы. Мак рисовал ее либо в тени, либо лицо скрывали упавшие волосы. Никто, глядя на картины, никогда не догадается, что Мак рисовал свою жену.

Никто, кроме Мака.

— Неплохо получилось.

Мак погрузил кисточку в стеклянный кувшин, наполненный скипидаром.

— Да ты что? — удивленно воскликнула Изабелла. — Картины удивительно хороши. Мне казалось, ты говорил, что утратил свои способности писать маслом.

— Правильно.

Мак вытер кисточку тряпкой и поставил ее вверх щетиной в кувшин сохнуть.

— Возможно, тебя вдохновила тема. Женщина, готовая к игре.

— Меня вдохновила натурщица.

— Ой, только не надо говорить, что я твоя муза, Мак, — округлила глаза Изабелла. — Ты блестяще работал до того, как встретил меня.

— Я знаю только одно, — пожал плечами Мак. — Когда ты ушла от меня и я перестал пить, я не мог сделать ни одного мазка кистью. Но вот ты здесь, и вот то, что я сделал.

Да, это были эротические картины, но не в той неприкрыто грубой манере, в какой его друзья размышляли об эротике.

Эти картины представляли собой самые удивительные работы, какие когда-либо создавал Мак.

Возможно, алкоголь был тем самым катализатором, который до встречи с Изабеллой придавал его холстам убедительность, но после встречи с ней...

Мак попал в самую точку: Изабелла стала его музой. Когда он перестал пить и Изабеллы не оказалось рядом, его талант покинул его. А теперь он вернулся.

Эти полотна подарили Маку головокружительную надежду, вознесли его на вершину счастья. Он понял, что может писать картины, будучи абсолютно трезвым. Единственное, что ему для этого нужно, — быть опьяненным Изабеллой.

— Ну что ж, — Изабелла продолжала изучать картины, — по крайней мере ты сможешь заставить отвратительного Рэндольфа Мэннинга подавиться его пари. Ты выиграл.

— Нет, — тихо сказал Мак, — я проиграл. Я отыщу своих друзей и скажу им, что проиграл.

Глава 18

Шотландский лорд и его леди, возможно, живут отдельно, но праздники, которые леди устраивает в Бакингемшире, не становятся менее расточительными. Злопыхатели пытаются распусть слух, что у леди есть поклонники, но ваш покорный слуга рад отметить, что ее поведение, похоже, вне всяких подозрений.

Июль 1879 года

Изабелла уставилась на Мака, который как-то странно смотрел на картины. Он распахнул рубашку на разгоряченном теле, но оставил на голове красный платок.

— О чем ты говоришь? — требовательно спросила Изабелла. — Эти картины превосходны,

именно то, что надо твоим друзьям.

— Изабелла, милая, меньше всего мне хочется, чтобы Рэндольф Мэннинг и остальные мои так называемые друзья смотрели на тебя на этих картинах своими похотливыми глазами.

— Но они и не будут. Я хотела сказать, что они не будут знать, что это я. Вот и все. Ты пригласишь Молли и пририсуешь к моему телу ее голову.

— Нет, — покачал головой Мак, — я не стану этого делать.

— Мы же договорились. Молли всегда согласна поработать, ты же знаешь, ей нужны деньги для ребенка.

— Мы ни о чем не договаривались.

На лице Мака появилось упрямое выражение, и это означало, что ни сам Бог, ни его ангелы не смогут заставить его изменить принятое решение.

— Это ты предложила мне перемешать головы и тела. Только я не помню, чтобы выражал свое согласие с этим.

— Ты самый несносный человек, Мак. Ну и что ты собираешься им сказать? Зачем сознательно проигрывать пари?

— Я скажу им, что они были правы, — Мак снял с головы платок, — что я стал слишком последовательным блюстителем нравов, чтобы рисовать такие картины.

— Но это не так. Я не позволю им смеяться над тобой!

Мак сел на импровизированную кровать и, откинувшись назад, оперся на локти. Хотя на последней картине кровать выглядела шикарной, в реальной жизни это был матрац, задрапированный красной тканью.

В распахнутой рубашке виднелась покрытая испариной грудь Мака, волосы были взлохмачены, на голых ногах бугрились прекрасно развитые мускулы. Тот факт, что этот поразительный мужчина выбрал Изабеллу стать его любовницей и женой, до сих пор изумлял ее.

— Ты знаешь, почему эти картины так хороши? — спросил Мак.

— Потому что ты блестящий художник?

— Потому что я безумно влюблен в женщину, которую писал. Любовь здесь присутствует в каждом мазке, в каждой капельке краски. Я не мог так работать, когда позировала Молли, потому что для меня она была только натурщицей, как ваза с цветами. А ты — настоящая. Я познал тебя на вкус, на запах, на ощупь — все это великое множество оттенков и ощущений. Я люблю каждую частичку тебя. Вот все это я и воссоздал на полотне, и никто в мире не должен видеть эти картины, кроме нас двоих.

— Но ты так много работал. — Его слова согрели Изабеллу, сделали более уступчивой. — В твоём клубе тебя поднимут на смех.

— Меня больше не волнует, что думают обо мне эти пустоголовые развратники. Где все они были, когда я страдал и думал, что умираю? Беллами был рядом, и Йен. Кэм и Дэниел. Даже Харт приехал, чтобы помочь мне. А джентльмены, которые утверждали, что они мои друзья,

либо мучили меня, либо исчезали. — Мак посмотрел на картины, и на его лице заиграла улыбка. — Пусть они смеются надо мной, но эти картины — только для нас, жена. И больше ни для кого.

— Они заставят тебя присоединиться к оркестру Армии спасения, [6]— с несчастным видом сказал Изабелла.

— В свободное время я тренировался, — засмеялся Мак и встал с импровизированной кровати. — И хорошо играю на тарелках.

— У тебя нет никаких тарелок.

— Кухарка разрешила мне взять крышки с кастрюль. Ты понимаешь, любовь моя, я хочу, именно хочу проиграть это пари. Я буду счастлив проиграть это пари.

Мак подошел к Изабелле и поцеловал ее медленным поцелуем, и стало понятно, что он хочет целовать ее всю ночь.

— Пойдем со мной, мой ангел, — попросил Мак. — Я буду с радостью петь проповеди за трезвый образ жизни на углу улицы, если буду знать, что ты рядом.

— Это, наверное, самая необычная просьба мужа к жене, — улыбнулась Изабелла. — Конечно, я пойду с тобой, Мак.

— Вот и хорошо. А сейчас...

Их ждала импровизированная постель. Изабелла поняла, что смеется, когда они с Маком решили воспользоваться ею по назначению.

Через неделю, прохладным вечером в среду, Мак стоял в конце Олдгейт-Хай-стрит, которая переходила в Уйтчепел, вместе с оркестром Армии спасения. Они репетировали, и женщина-сержант была чрезвычайно довольна тем, что в их ряды влился отпрыск аристократического рода.

К тому времени, когда они начали играть, собралась толпа, состоявшая из дюжины друзей Мака по клубу, двух десятков уличных зевак и просто прохожих, спешивших домой после трудового дня. Через дорогу от Мака стояла Изабелла с Эйми в окружении Беллами, мисс Уэстлок и двух дюжих лакеев в качестве охраны.

Самыми шумными оказались лорды из Мейфэра, которые начали улюлюкать и выкрикивать насмешки, как только Мак поднял тарелки. Женщина-сержант не обратила на это никакого внимания и подала сигнал оркестру. Заиграла музыка, заглушая вопли толпы.

*Народ и ангелы да чтут
Христа, Царя всего!(Бум! Бум!)*
*Корону пусть ему несут,
Венчайте все его!*
Венчайте все его!(Бум! Бум! Бум! Бум!)

Мак старательно пел, ударяя в тарелки, когда повторялись слова. Сержант призывала людей из толпы присоединяться к ним, и вскоре половина улицы в едином порыве пела вместе с оркестром.

*Корону пусть ему несут,
Венчайте все его!(Бум! Бум!)
Ве-енча-айте все-е е-го!(Бум! Бум! Бум! Бум!)*

Шесть строф гимна закончились под шквал аплодисментов и нескольких колких замечаний. Сержант стала читать проповедь собравшимся, призывая их присоединиться к движению за воздержание от употребления спиртных напитков, избавление от оков алкоголя и порока и готовность принять Христа как своего Спасителя.

Мак передал свои тарелки товарищу по оркестру и шагнул в толпу, протянув для пожертвований свою высокую шляпу. Это была одна из его лучших шляп, сшитая из жесткого меха и подбитая шелком. На деньги, выложенные за эту шляпу, можно было несколько месяцев спокойно содержать женщину-сержанта с ее оркестром.

— Ну давайте, джентльмены, мы спели гимн и прочитали проповедь. — Мак взмахнул шляпой перед носом Колифлауэра и лорда Рэндольфа. — Настало время запустить блюдо для сбора пожертвований.

— Хорошая шутка, Маккензи, — ухмыльнулись Рэндольф и Колифлауэр, считая, что их приятель шутит.

— Давай-давай, — Мак ткнул шляпой в живот Коли, — лучше положи деньги сюда для красивой женщины-сержанта, чем проматывать их на игры и кутеж.

— Господи, они его окрутили, — заморгал удивленно Колифлауэр. — Он присоединился к движению за воздержание от употребления спиртных напитков.

— Как пали сильные, [7]— фыркнул Рэндольф.

— Тридцать гиней? — громко произнес Мак. — Ты действительно сказал, что даешь тридцать гиней? Как это великодушно с твоей стороны, милорд Рэндольф Мэннинг. Твой отец-герцог будет гордиться тобой. А ты тоже, Коли? Леди и джентльмены, маркиз Данстан жертвует тридцать гиней.

Толпа зааплодировала. Мак держал шляпу, прижав ее к груди Колифлауэра, пока тот с глуповатым видом не положил туда пригоршню банкнот. Рэндольф заворчал, но тоже добавил свои деньги. Мак повернулся к еще одному своему другу.

— Полагаю, сорок гиней от вас, достопочтенный Бертрам Кларк?

— Сорок? — округлил глаза Бертрам. — Ты, должно быть, шутишь.

— Я никогда не шучу, когда речь идет о благотворительности. Я так растроган этими щедрыми подарками.

— Да я и сам чувствую, как меня охватывает волнение, — пробормотал Бертрам, но вынул пачку денег и бросил их в шляпу Мака.

Мак подошел к Чарлзу Сомервиллю, который без лишней суеты быстро отдал деньги. Потом он поднес шляпу другим аристократам, которых его друзья убедили пойти с ними. Одни отдавали деньги с ухмылкой, другие ворчали, но Мак ловил их взгляд, и тогда они смиренно расставались со своими банкнотами.

Мак знал этих людей с тех давних пор, когда в Харроу они поссорились и подрались, создав иерархию, которая потом сохранилась и во взрослой жизни. Мак являлся лидером компании, которая бесстрашно издевалась над старшими учениками и преподавателями, тайком исчезала из школы, чтобы выпить, покурить, расстаться с невинностью, и училась кое-как. И хотя теперь многие из этих людей стали или станут знатными пэрами Англии, а Мак был третьим сыном в семье, они по-прежнему признавали его своим старшим.

Мак закончил сбор пожертвований, умышленно не заметив в толпе людей с меньшим достатком, и передал шляпу женщине-сержанту. Когда та увидела, сколько в шляпе денег, у нее округлились глаза.

— Милорд... Спасибо... И вашим друзьям спасибо. Они такие великодушные.

— Они просто счастливы дать денег на благое дело. — Мак снова взял свои тарелки. — Вообще-то я надеюсь, они будут регулярно поддерживать вас.

— Вы слишком добры к нам, милорд.

— Может, еще сыграем, сержант? — спросил ее Мак.

Женщина обрадовалась и восторженным голосом запела любимую песню толпы:

Агнец нас привел в вышний Иерусалим(Бум!)

И Своей кровью омыл, омыл(Бум! Бум! Бум!).

Мак вернулся в Мейфэр в своем экипаже вместе с Изабеллой и Эйми, которая сидела у него на коленях. У него болели руки от игры на тарелках, но он чувствовал себя спокойным и умиротворенным.

И немного самодовольным. У Рэндольфа Мэннинга, когда Мак заставил его расстаться с тридцатью гинеями, было очень забавное выражение лица. Рэндольф слыл известным скрягой, постоянно заставлял друзей раскошелиться, хотя у самого в банке лежали припрятанными крупные суммы.

— Что смешного? — спросила Изабелла.

Услышав ее вопрос, Мак понял, что рассмеялся вслух.

— Думаю о том, что моим друзьям следовало быть умнее и не заключать со мной пари.

— Иначе говоря, — улыбнулась Изабелла, свет лампы смягчил черты ее лица, — они решили, что ты проиграл, а на самом деле ты выиграл?

— Ну, что-то в этом роде.

Мак не стал объяснять, что пари позволило ему выиграть все, что он хотел. Игра в ухаживание дала ему толчок начать все сначала с Изабеллой, но если бы не это глупое пари, ему было бы еще очень далеко до улыбки, которую она подарила ему сейчас. Пари дало ему не только возможность прикасаться к ней и любить ее, но и опять обрести умение писать картины.

вернуться

Международная миссионерская и благотворительная организация, существующая с середины XIX века. Уличные марши и шествия армии традиционно сопровождаются игрой оркестра.

вернуться

Цитата из Библии.

— Ты жулик.

Изабелла положила голову Маку на плечо. Край ее шляпы царапал ему подбородок, но он не обращал на это внимания. На коленях у него был теплый спящий ребенок, рядом — его жена. Что может быть лучше?

Ответ на этот вопрос он узнал позже, когда, возвращаясь из детской, куда он отнес спящую Эйми, увидел, что у дверей своей спальни его ждет Изабелла. Она взяла его за руку и повела к себе, и Мак решил, что ему наплевать на то, как у него болят руки.

На следующий день после яркого дебюта Мака с Армией спасения Изабелла с удивлением увидела, как из остановившегося у дверей ее дома экипажа вышла Эйнсли Дуглас, приехавшая навестить подругу.

Изабелла пригласила ее в дом и попросила Мортон приготовить чай. У Эйнсли были новости, и Изабелле было что рассказать, но ни одна из них не произнесла ни слова, пока Мортон не поставил поднос с чаем и трехъярусную вазу с печеньем. При обычных обстоятельствах Изабелле нравилась чайная церемония, спокойный ритуал, во время которого даже у застенчивого человека находились слова и движения, которыми можно заполнить неловкое молчание. Однако в данный момент ей хотелось, чтобы вся подготовка к чаепитию закончилась как можно скорее.

Эйнсли поставила свою чашку сразу, как только Мортон вышел и прикрыл за собой двери.

— Изабелла, мне так жаль, — с мрачным лицом наклонилась она к подруге. — Я приехала, чтобы предупредить тебя раньше, чем ты прочтешь это в газетах.

— Предупредить меня о чем? — У Изабеллы дрогнула чашка в руке, и чай пролился на платье. — Что-то случилось с Луизой?

Она подумала о Пейне и похолодела.

— Нет-нет, с ней все в порядке. — Эйнсли взяла чашку из онемевших пальцев подруги и поставила ее на стол. — Речь не о Луизе. Не совсем о ней.

— Но тогда что же? — Изабелла уже читала утреннюю «Пэлл-Мэлл газетт», где были новости о скачках, и не увидела там ничего такого, что могло бы расстроить ее лично. — Ты заставляешь меня нервничать.

— Мой старший брат Патрик, ну, ты знаешь, он занимает какой-то там пост в деловых кругах

Сити и знает все, что там происходит, и обычно знает об этом раньше, чем все остальные. — Эйнсли взяла Изабеллу за руки, в ее серых глазах мелькнула тревога. — Он прослышал об этом сегодня утром и, зная, что мы с тобой подруги, посоветовал мне подготовить тебя.

— О чем прослышал? Эйнсли, пожалуйста, говори, пока я не закричала.

— Прости, я пытаюсь. — Эйнсли опять замолчала, на лице застыло сочувствие. — Речь о твоём отце, Изабелла. Он разорен. Полностью. С сегодняшнего утра у твоей семьи нет ни гроша.

Мак ожидал, что его друзья станут избегать его после того, как он поставил их в неловкое положение с пари на участие в игре оркестра Армии спасения, но после всего случившегося он только вырос в их глазах. Когда на следующий день Мак случайно встретил Колифлауэра рядом с аукционом лошадей «Таттерсоллз» в Найтбридже, тот схватил руку Мака и с энтузиазмом пожал ее:

— Ну, знаешь, друг, ты оплатил нам той же монетой.

— Армия спасения очень обрадовалась вашим пожертвованиям, как сказала мне сержант. — Мак выдернул свою руку из цепкого пожатия. — Она без конца нахваливала тебя, как показавшего пример другим. Хотят дать тебе почетный значок.

— Упаси меня Бог прослыть филантропом, — с испуганным видом сказал Данстан. — Весь Лондон будет кланчить у меня деньги.

— Я пошутил, Коли.

— Ладно-ладно, — успокоился тот, — очень занятная шутка. — О, а вот и твой брат Кэмерон. Сбор всей семьи?

Кэмерон, одетый в пальто, чтобы не замерзнуть в холодный октябрьский день, своим обычным широким шагом направлялся к ним.

— А, Колифлауэр, привет, — остановился он рядом с ними.

— Я, пожалуй, пойду, чтобы не мешать вам общаться в теплом семейном кругу. Пока. — Данстан приподнял шляпу и направился в сторону аукциона.

— Говорят, что он самый образованный в семье Данстан. — Кэмерон испытующе посмотрел в удаляющуюся спину маркиза. — Это вызывает тревогу за его титул. Я слышал, ты вчера стучал в тарелки на Уайтчепел, Мак. Никогда не знал, что ты у нас такой музыкальный.

— Просто пари, — пожал плечами Мак. — Ты когда приехал?

— Последним поездом. У меня дела в Жокейском клубе. — Кэмерон положил руку на плечо Мака. — Если не возражаешь, мне надо поговорить с тобой.

Мак кивнул, и они медленно пошли вперед. Кэм ни слова не произнес, пока они не подошли к экипажу Мака. Усевшись в экипаж, Кэмерон рассказал Маку то, что поведал ему друг, работающий в районе Сити.

— Черт! — возмущенно воскликнул Мак. — Как это, черт возьми, Скрэнтон умудрился разориться?

— В основном неудачные капиталовложения. — Кэм выглядел печальным, в закрытом экипаже

глубокий шрам на скуле казался еще темнее. — Железная дорога, которая так и не была построена, инвестиция в техническую новинку, где дальше чертежа дело не пошло. Все в этом духе. Последней каплей стал алмазный рудник в Африке. Ему говорили, что там идет война и доступ на этот рудник для всех закрыт. Непонятно, есть ли вообще на этом руднике алмазы. Там, где дело касалось капиталовложений, лорд Скрэнтон был не самым ловким.

— Черт, я знал, что мне следует остаться дома сегодня. — Мак представил, как будет волноваться за семью Изабелла, когда узнает эту новость. — Но надо было оплатить счет, думал, что быстро управлюсь.

— Многие прислушиваются к фальшивым советам, — подчеркнул Кэмерон. — Это похоже на падение карточного домика. Нижнюю карту выдергиваешь, и весь домик рушится.

— Игры с деньгами, предназначенными для того, чтобы кормить и одевать жену и дочь, — это просто безумие. Я думаю, как только кредиторы Скрэнтона прознают об этом, они тут же потребуют возврата всех долгов, если уже не потребовали. Проклятые кровопийцы.

— У Скрэнтона дела уже давно шли неважно, Мак. Харт давно говорил мне об этом. Графу пришлось продать в своем имении все, что не закреплено за наследниками, дом в Лондоне он лишь арендует.

— Харт говорил тебе об этом? — изумленно переспросил Мак, уставившись на брата. — Давно? Но почему он мне не сказал? Почему ты мне не сказал?

— Харт знал, что ты решишь, что Изабелла должна знать об этом. — Брат пожал плечами, но Мак был уверен, что Кэму не понравилось это решение. — Он подумал, что не стоит ее волновать. И я с ним согласен. Харт надеялся, что Скрэнтон выпутается в конце концов, но он оказался чертовски невезуч.

— Когда-нибудь Харту придется прекратить принимать решения за меня.

— Это будет интересным моментом. Надеюсь, я стану его свидетелем.

Остаток пути до Норт-Одли-стрит братья провели в молчании. Мак вышел из экипажа и поспешил в дом, Кэмерон не отставал.

Мортон принял у них шляпы и пальто и с тревогой в глазах указал на закрытую дверь в гостиную.

Мак распахнул дверь в гостиную, и Изабелла с бледным лицом вскочила со своего места. Эйнсли Дуглас, которая держала ее за руку, тоже медленно встала.

— Мак, — начала Изабелла, и он увидел, как она старается сохранять самообладание, чтобы не расплакаться, — боюсь, случилось нечто ужасное.

— Я знаю. — Мак быстро подошел к ней и взял ее за руки, которые оказались ледяными. — Я сделаю все, что смогу. Обещаю.

— Я пойду, — сказала Эйнсли. — Мне очень жаль, Изабелла, что я принесла тебе такую плохую новость.

— Спасибо, что это была именно ты, — повернулась к ней с покрасневшими от слез глазами Изабелла.

Женщины обнялись, и Эйнсли со слезами на глазах поцеловала подругу в щеку.

Когда Эйнсли направилась к выходу, в дверях появился Кэмерон, и она остановилась. На несколько напряженных мгновений оба замерли на своих местах. Кэмерон, прищурившись, смотрел на Эйнсли, а она отводила взгляд. Наконец Кэмерон сдержанно кивнул ей. Эйнсли залилась краской, едва заметно кивнула ему в ответ и ловко проскользнула мимо него в дверь.

В любое другое время Мак проявил бы большее любопытство к этой встрече, но сейчас ему важнее была Изабелла с мокрыми от слез глазами.

Кэмерон сел на диван на то самое место, где только что сидела Эйнсли, и достал фляжку с виски.

— Я направлялся к тебе, Изабелла, чтобы сообщить эту новость, когда встретил Мака. Если хочешь, я могу разузнать, что произошло. У Харта есть друзья в финансовых кругах, которые могут прояснить, с какими трудностями столкнулся твой отец на самом деле.

— Это не важно, — покачала головой Изабелла. — Мне необходимо только знать, все ли в порядке с матерью. Она всегда плохо справляется с трудными ситуациями. И Луиза будет убита горем. Ведь все это означает, что у нее не будет первого бала.

— Не обязательно так, — сказал Мак. — Твоему отцу повезло, что муж его дочери человек отнюдь не бедный и с хорошими связями. Коли на то пошло, Харт знаком с лучшими финансовыми магами в Сити, да что там — во всей Англии и Шотландии. Я посмотрю, что можно сделать, чтобы спасти твоего отца от нищеты, а твоя сестра может продолжать строить планы на свой первый выход в свет.

— Он не позволит тебе ничего сделать, — грустно сказала Изабелла. — Он никогда не возьмет у Маккензи ни единого пенни.

— А мы все устроим так, что он никогда не узнает. Это же очень занимательное дело! Я сделаю так, что его гордость не пострадает.

Слабая улыбка Изабеллы немного приободрила Мака. Выражение, застывшее на лице Изабеллы в тот момент, когда он только вошел, напомнило ему ее лицо в тот вечер, когда он вернулся домой после того, как она потеряла ребенка. Мак не смог бы предотвратить ту трагедию, но он, возможно, сумеет уберечь ее от этой.

Он заставил Изабеллу подняться наверх и попросил Эванс присмотреть за ней. А сам вместе с Кэмероном поехал в район Сити, чтобы на месте разобраться с тем, что происходит.

К сожалению, когда Мак с Кэмероном встретились на бирже с человеком Харта, тот подтвердил, что финансовое положение лорда Скрэнтон действительно ужасное. Он не только участвовал в неудачных схемах капиталовложений, но и влез в долги к банкам и к друзьям, чтобы делать это. Теперь эти банки и друзья требуют вернуть долги. Кроме этого лорд Скрэнтон, похоже, запускать руки в деньги синдиката, который он образовал со старыми школьными друзьями, и теперь не смог вернуть деньги. Скрэнтон был кругом в долгах и увяз глубоко.

Маку не хотелось рассказывать все эти ужасы Изабелле. Он не появлялся дома до позднего вечера, пытаясь найти способы урегулировать ситуацию. Если он как следует все обдумает, то, возможно, ему не придется объясняться с Изабеллой раньше, чем обстоятельства перестанут быть такими непоправимыми.

Он появился дома, когда Изабелла ушла спать, но она оказалась в кровати в его комнате. Она не спала, ждала его. Ни слова не говоря, переживая случившееся, они любили друг друга, пока не уснули в полном изнеможении.

На следующий день Изабелла получила еще более ужасную весть. Инспектор Уэллоуз прислал Маку записку, где сообщал, что граф Скрэнтон умер. От апоплексического удара, случившегося ночью.

Глава 19

Сезон, как обычно, открылся грандиозным балом бывшей леди с Маунт-стрит. Ее дом на Норт-Одли-стрит был великолепен. Три деверя, включая герцога, помогали ей принимать гостей. Ходили слухи, что ее отдельно живущий лорд скрылся в Париже с любовницей, но этот слух, к счастью, оказался ошибкой. Он проводит свои дни в раздумьях на Маунт-стрит, странствует по континенту или уединяется в герцогском замке в Шотландии, пока его жена остается блистательной и популярной хозяйкой.

Январь 1880 года

— Мама!

Изабелла бросилась через всю гостиную к женщине, неподвижно, как изваяние, стоявшей у окна. Леди Скрэнтон обернулась на ее шаги и с рыданиями приняла Изабеллу в свои объятия.

Мать и дочь долго обнимали друг друга, покачиваясь и обливаясь слезами. Изабелла скорее почувствовала, чем услышала, как в комнату вошел Мак. Его присутствие согрело комнату, как солнце после долгого похолодания.

Леди Скрэнтон отступила от Изабеллы и взяла ее за руки. Женщина была с ног до головы одета в черное, опухшие и покрасневшие глаза скрывала вуаль.

— Милая моя, я думала, что никогда не увижу тебя снова, — сказала она Изабелле.

— Но почему? Я бы пришла к тебе, мама. И ты, конечно, увидела бы меня опять.

— Я думала... — Леди Скрэнтон сдержала рыдания. — Я думала, ты возненавидишь меня.

— Никогда. Иди присядь, мама. Тебе надо отдохнуть.

Леди Скрэнтон позволила проводить себя к дивану. Присев на него, она подняла глаза и увидела Мака.

— О, лорд Роланд, я вас не заметила, простите.

— Зовите меня Мак. — Он сел на стул, сложив руки на коленях. — Я к вашим услугам, мадам. Все, что вам нужно, говорите мне, и я все исполню. Приказывайте мне.

— Это очень благородно с вашей стороны, но...

— Мама, — Изабелла села рядом с матерью, по-прежнему держа ее за руку, — сейчас не время для светской вежливости. Мак говорит это искренне. Я знаю, что отец разорился, что кредиторы забирают все. Я знаю, что денег нет даже на достойные похороны.

— У меня, как у вдовы, есть небольшая доля наследства, так мне сказали адвокаты.

— Кредиторы могут найти способ отобрать и это, — мягко сказал Мак. — Ничего не предпринимайте, пока все точно не узнаете, и позвольте мне позаботиться о ваших расходах.

— Но я не могу. Изабелла, твой отец никогда бы не пожелал, чтобы я жила на твою милостыню.

— Мама, ну конечно, он никогда не хотел, чтобы ты жила на чью-то милостыню. — Изабелла погладила руку матери. — Он потерял деньги, пытаясь разбогатеть для тебя. Но мы семья, и это никакая не милостыня. Семьи всегда так поступают.

В глазах леди Скрэнтон гордость боролась с отчаянием. Изабелла видела, что матери не хочется быть зависимой от Мака, но при этом леди Скрэнтон выросла в обстановке постоянной заботы и внимания. То, что богатство исчезло в результате одного росчерка пера, никак не укладывалось в ее голове. Впрочем, как и внезапная смерть мужа. Леди Скрэнтон сидела, выпрямив спину, ее осанка была, как всегда, безупречна, но она вся дрожала, как молодое деревце на ветру.

— Изабелла, я не знаю, что делать, — прошептала она.

— Леди Скрэнтон, — поднимаясь, сказал Мак, — вам ничего не нужно делать. Посидите, поговорите с Изабеллой, а я отправлюсь в Сити, чтобы кое-что прояснить. Возможно, завтра к этому времени многое уладится.

— Но почему? — судорожно вздохнула она, глядя на Мака. — Почему вы будете все это делать для меня? Лорд Скрэнтон запретил даже упоминать ваше имя в этом доме.

Улыбаясь своей самой обаятельной улыбкой, Мак взял в свои руки тонкую кисть леди Скрэнтон.

— Я делаю это потому, что люблю вашу дочь. — Он наклонился и прижался губами к щеке Изабеллы. — Побудь с ней, пока я не вернусь, — пробормотал он и, поклонившись леди Скрэнтон, ушел.

— И что он станет делать? — с беспокойством в голосе спросила леди Скрэнтон.

— То, что сказал, — ответила Изабелла, зная, что все будет именно так, как сказал Мак. — Ты можешь доверять Маку, мама. Этот человек сводит меня с ума, но у него очень хорошо получается заботиться о людях. Он неоднократно доказывал это.

— А я думала, он будет вести себя холодно и пренебрежительно. — Она промокнула глаза черным кружевным платком, который был уже мокрым от слез. — Я думала, он станет насмехаться над нами.

— Он не такой, мама. На самом деле он очень великодушный человек. И вся его семья такая.

— Мы отказались признать ваш брак и даже не позволили ему говорить с нами об этом, — всхлипнула леди Скрэнтон. — Мы отказали ему от дома за то, что он украл тебя у нас. Я думала, он обрадуется нашему несчастью, станет смеяться над нами, когда нам придется жить в нищете.

— Тогда ты очень плохо знаешь Мака. Он никогда такого не сделает. И тебе не придется жить

в нищете. — Изабелла опять взяла леди Скрэнтон за руки. — Мама, а что произошло вчера? С отцом, я имею в виду. Ты можешь мне рассказать?

— Вчера днем он позвал меня в свой кабинет, — леди Скрэнтон выглядела не столько подавленной горем, сколько очень и очень усталой, — и сказал, что хочет, чтобы я взяла Луизу и поехала с ней в Италию, где смогу неплохо жить на самые скромные средства. Он хотел, чтобы я уехала немедленно, но я, конечно, не могла. Я спросила, когда он к нам приедет, и он ответил, что у него долго не будет такой возможности. Он останется здесь и постарается выпутаться из той неприятной ситуации, в какую попал. — По щеке леди Скрэнтон покатились крупные слезы. — Он настаивал, чтобы я собирала вещи и уезжала немедленно, но это все равно заняло довольно много времени, слишком много было приготовлений. Вечером я слышала, что он был внизу, но он не поднимался в спальню. Я заволновалась. Заглянув в его кабинет после полуночи, я обнаружила его на полу с искаженным лицом. В кабинете царил беспорядок, повсюду валялись бумаги. Доктор сказал, что с ним случился апоплексический удар и он умер, вероятно, мгновенно, не испытывая сильной боли. И это милость Божья.

— Мама, — Изабелла обняла ее, — мне так жаль.

— Думаю, Господь меня наказывает. За то, что мне не хватило мужества противостоять твоему отцу, за то, что позволила ему выгнать тебя из дому. Я согласилась с этим. Отказалась видеть тебя сама и Луизе не позволяла встречаться с тобой. И вот теперь посмотри, что со мной стало.

По щекам леди Скрэнтон текли слезы.

— Господь милосерден, и в своем сердце ты это знаешь. — Изабелла, утешая, покачивала мать в своих объятиях. — Мак сказал мне, что проблемы у отца начались давно, когда я еще училась у мисс Прингл. И год за годом все шло наперекосяк. В этом нет твоей вины.

— Но почему он мне не говорил? — подняла голову леди Скрэнтон.

— Думаю, чтобы не волновать тебя. Он боролся за то, чтобы вернуть деньги и не позорить тебя.

Леди Скрэнтон покачала головой. Изабелла крепче прижала ее к себе, думая о том, что рассказанного ей Маком она никогда не сможет объяснить матери. Похоже, лорд Скрэнтон влез в большие долги, чтобы устроить первый бал Изабеллы, решив, что это будет самый роскошный и самый изысканный бал сезона. Он возлагал надежды на то, что Изабелла свяжет свою судьбу с одним из трех богатых молодых людей, семьям которых лорд Скрэнтон задолжал крупные суммы денег. Брак с одним из них не только погасил бы долг, но и позволил бы лорду Скрэнтону выбраться из болота, в которое он себя загнал. Изабелла разрушила его надежды, когда сбежала с Маком и решила выйти за него замуж. Отцы всех троих джентльменов рассердились и потребовали от лорда Скрэнтона немедленной выплаты долгов.

— Но почему он мне не сказал? — в отчаянии спросила тогда Изабелла у Мака. — Если бы я знала, что мне надо выйти замуж, чтобы помочь ему, возможно, я бы не позволила первому симпатичному джентльмену, который танцевал со мной, вскружить мне голову.

— Твой отец — человек гордый и хотел организовать все так, чтобы никто не догадался. От тебя он ожидал только послушания. Боюсь, любовь моя, твой отец представления не имел, что у тебя могут быть собственные мысли в голове.

— Но почему он возражал, когда я вышла замуж за тебя? Вы с Хартом могли вытащить его из долгов и отправить с матерью отдохнуть.

— И всю жизнь быть обязанным Харту Маккензи, шотландскому герцогу? — улыбнулся Мак. — Никогда.

— Какой глупец, — пробормотала тогда Изабелла.

Этот разговор случился до того, как ранним утром Беллами разбудил Мака и передал ему записку от инспектора Уэллоуза, который начал расследование, услышав о внезапной смерти отца Изабеллы. Уэллоуз написал, что смерть была естественной. Досадная смерть...

— Теперь я здесь, мама, и не оставлю тебя одну, — сказала вслух Изабелла.

Леди Скрэнтон прижалась к дочери и разрыдалась.

Изабелла сидела с матерью до тех пор, пока та не сказала, что ей надо прилечь. Изабелла помогла матери подняться наверх, передав ее в руки грозного вида служанки. Та прошептала Изабелле слова благодарности, потому что леди Скрэнтон с момента смерти мужа не сомкнула глаз, хотя она несколько раз пыталась ее убедить, что ей необходимо отдохнуть.

Изабелла оставила мать в надежных руках прислуги и по знакомому до боли коридору пошла к комнате Луизы. Постучав в дверь и услышав усталое «Кто там?», она вошла.

Луиза встала с кушетки, на которой сидела, и уронила одеяло, прикрывавшее ее.

У Изабеллы перехватило дыхание. Из угловатого подростка, каким ее помнила Изабелла, Луиза преобразилась в прекрасную леди с красивым лицом, на котором выделялись зеленые глаза в обрамлении пушистых ресниц. Когда состоится ее первый бал, она поразит всех своей красотой.

— Изабелла, — Луиза сделал неуверенный шаг навстречу, — мне сказали, что ты здесь, но мама просила меня оставаться в комнате.

В горле у Изабеллы застряли рыдания. Луиза медленно пошла к ней, а последние несколько шагов почти бежала, чтобы упасть в объятия родной сестры. Они сели на кушетку, и Изабелла прижалась щекой к мокрому от слез лицу Луизы.

— Почему ты не пришла в тот день в парк? — немного успокоившись, спросила Луиза. — Миссис Дуглас все так тщательно продумала, но тебя там не было, и мы не осмелились ждать.

— Я знаю. — Изабелла вытерла сестре слезы. Ей не хотелось врать, но и рассказывать сейчас Луизе о Пейне она тоже не хотела. — Я заболела, и это случилось внезапно.

— Миссис Дуглас сказала об этом, я тревожилась.

— Ничего серьезного, все прошло. Но я очень переживала, что наша встреча не состоялась.

— Но сейчас ты здесь, и все остальное не важно, — прижалась к ее рукам Луиза, совсем как это делала мать. — Изабелла, что теперь со мной будет?

— Что с тобой будет? Если речь о том, где ты будешь жить, то я вас с матерью приглашаю жить у меня. Я думаю, что все вместе мы отправимся ко мне домой прямо сегодня вечером.

— Я не это имела в виду, хотя спасибо тебе большое, ты очень добра.

Луиза отпустила руки сестры и встала. На ней было платье из черной тафты с трехъярусной

юбкой. Скорее всего это было обычное дневное платье, поспешно перекрашенное в траурный цвет. Бледная кожа Луизы и яркие рыжие волосы контрастировали с нарядом, как лед и пламень.

— После того что случилось с отцом и что переживает мама, это звучит эгоистично. Но меня не покидает ощущение, будто я сорвалась со скалы и все еще не упала на землю. Вчера я занималась примеркой бальных платьев, сегодня мне непозволительно их иметь. У меня не будет первого бала, я не выйду замуж. Я недостаточно образованна, чтобы быть гувернанткой или кем-нибудь в этом роде, поэтому мой удел — компаньонка дам, которые за неимением других дел целыми днями сматывают шерсть в клубок и чешут собак.

— Дорогая, этого не будет, — успокоила сестру Изабелла. — Ты будешь жить со мной, и я о тебе позабочусь. У тебя будет первый бал, и масса молодых поклонников будут добиваться твоего внимания.

— Неужели? — сердито рассмеялась Луиза. — Я ведь теперь не очень завидная невеста, да? Отец умер разорившимся и очень многих обманул. Какой же уважаемый джентльмен захочет иметь со мной дело? Все станут опасаться, что мой род опозорит их семью.

Изабелле очень хотелось сказать Луизе, что она не права, но она была хорошо знакома с отношением к браку в аристократических кругах. В высшем обществе воспитание являлось очень важным моментом, и любой недостаток у молодой леди считался непреодолимым препятствием, кроме тех случаев, когда джентльмену нужны были деньги, а леди шла замуж с богатым приданым. Но Луиза без денег такого интереса не представляла.

— Может быть, ты и не пара для джентльмена, желающего заключить блестящий светский брак, — уступила Изабелла. — Но я не пожелаю тебе выходить замуж за джентльмена, которому нужны только деньги или связи. Я хочу, чтобы ты вышла замуж за человека, который любит тебя. Который любит тебя так, что ему совершенно не важно, что сделал твой отец. Ты не виновата в ошибках отца. Любой мужчина, который достоин тебя, будет видеть только твою красоту и свежесть. Не надо сожалеть, что ты не можешь заключить светский брак, слушай свое сердце.

— Как поступила ты? — еще больше рассердилась Луиза. — Ты бросила нас, Изабелла. Ты сбежала, не сказав мне ни слова. Как ты могла?

— Луиза, я пыталась писать тебе, — пылко начала объяснять Изабелла, — хотела увидеть тебя, объясниться, но отец этого не слышал. Он препятствовал любым моим действиям, возвращал разорванными в клочья мои письма к тебе. Я не настаивала, потому что не хотела причинять тебе неприятности.

— Могла бы найти какой-нибудь способ. Но ты была слишком занята, являясь знатной дамой на Маунт-стрит. О да, я читала в газетах, как ты живешь, все читала, до мельчайших подробностей. Может, это и хорошо, что у меня не будет первого бала и первого сезона, потому что все помнят твой скандальный побег и будут строить домыслы, поступлю ли и я точно так же.

— Дорогая, все это в прошлом и никого больше не интересует. Мои настоящие друзья понимали, что я сделала правильный выбор. Замуж за Мака я вышла не ради того, чтобы устроить скандал. Я вышла за него, потому что влюбилась.

— Тогда почему ты оставила его? — с осуждением посмотрела на сестру Луиза. — Если ты так сильно его любила и брак был таким замечательным, почему ты сбежала от него? Ему-то ты

послала записку или просто исчезла, как поступила со мной?

— Луиза... — задохнулась Изабелла, пораженная словами сестры.

— Прости, Изабелла. Я очень долго сердилась на тебя. Если ты так сильно любила Мака, что даже от всех нас отвернулась» то почему ты и его оставила?

— Я от вас не отворачивалась. — Изабелла поспешно встала. — Это отец отвернулся от меня. Он выгнал меня из дома и никогда не позволил бы поговорить с тобой и с матерью. Никогда.

— Ты могла бы не повиноваться ему, могла бы найти какие-то обходные пути. Твой муж достаточно богат, и ты могла бы выплатить долги отца и послать к черту его гордость. Ты не возвращалась, потому что не хотела.

По лицу Луизы потекли слезы. Изабелла в ужасе смотрела на нее. Ей было неприятно, что сестра отчасти была права. Изабелла так сердилась на отца, что воздвигла крепкую стену между старой и новой жизнью. Теперь она подумала, что в любом случае ей не удалось бы противостоять отцу, даже если бы она постаралась как следует. К тому же она была слишком обижена яростью лорда Скрэнтон, слишком непокорна, чтобы умолять его о чем-то. И была настолько поглощена своей любовью к Маку, что отвержение ее родителями, отречение от нее восприняла как незаслуженное оскорбление. Леди Скрэнтон никогда не говорила, что поступок мужа ее тоже расстроил. И Луиза знала только, что Изабелла ушла от них.

— Луиза, прости, — прошептала Изабелла. — Мне очень жаль.

— Ты любишь лорда Мака?

— Да. — В это слово Изабелла вложила все сердце. — Я люблю его очень сильно.

— В чем дело тогда?

— Должна сказать, что брак — дело непростое, у него так много граней, а жизнь в браке постоянно привносит что-то новое. И хорошее, и плохое. Думаю, именно поэтому в брачной клятве есть слова «и в горе, и в радости».

— Но ты любишь его?

— Люблю.

Луиза подошла и встала перед Изабеллой. Теперь они были одного роста, младшая сестра выросла.

— Я рада, — сказала она. — Я рада, что ты встретила человека, которого полюбила. А он тебя любит?

— Любит, — кивнула Изабелла, и в ее глазах опять блеснули слезы. — И мне кажется, сильно.

— Тогда ты поступила неправильно, бросив его. Почему ты его бросила?

— Знаешь, это трудно объяснить. Мак любил меня так страстно, что совершал сумасшедшие поступки ради меня и из-за меня. Он исчезал, ни слова не говоря, на несколько недель, потому что думал, что так мне будет лучше. Он никогда не спрашивал, что именно делает меня счастливой или чего я хочу от него. Мак всегда исходил из того, что он сам чувствовал, никогда не замечая моих чувств.

— И поэтому ты оставила его?

— В конце концов, да.

Изабелла вспомнила те кошмарные дни, когда потеряла ребенка, то отчаяние, которое она испытала, когда Мак наконец появился дома пьяный и пытался успокоить ее. Отношения между ними выросли в стену гнева, боли и печали.

— Однажды я проснулась и подумала, — продолжала Изабелла, скорее даже для себя, чем для Луизы, — подумала, что Мак никогда не научится любить меня, не причиняя боли. Оставаться с ним, пока он снова и снова делает мне больно, я больше не могла. У меня не было сил справиться с этим.

— Ты говорила ему об этом? Дала ему шанс попытаться все исправить?

— Ты не знаешь всего, — вздохнула Изабелла. — Я была беременна, но потеряла ребенка. Мне надо было много времени, чтобы восстановиться после этого испытания, а Мак не дал мне этого времени. Он тоже переживал, но не знал, как все исправить. Мне кажется, из-за этого он стал немного сумасшедшим.

Изабелла рассказала о том, как физическая боль уступила место тяжелой депрессии, потом пришла общая усталость от жизни. У нее не было больше сил для Мака Маккензи.

— А что теперь? — поинтересовалась Луиза. — Я видела, что сегодня он приехал вместе с тобой, и еще мне сказали, что он живет в твоём доме.

— Мак изменился, — кивнула Изабелла. — Он стал спокойнее, правда немного, и, похоже, стал более здравомыслящим человеком, но он все еще импульсивный и несносный, только, мне кажется, именно в этом и кроется его обаяние.

— И ты по-прежнему любишь его?

Луиза не спускала с сестры сурового взгляда. И в этот момент Изабелла поняла, что именно Луиза станет тем человеком, который воссоединит семью после такой трагедии. Мать слишком измотана и не знает, как жить без денег и без защиты. Луиза станет тем крепким плечом, к которому любой можно прислониться.

У Изабеллы забило сердце, когда она подумала о Маке, который пытался сейчас совершить невероятное — изменить обстоятельства таким образом, чтобы спасти ее мать и сестру от нищеты. У него не было никаких юридических обязательств перед ее семьей, и эмоциональных тоже. Ведь эти люди отказались даже разговаривать с ним, когда он женился на Изабелле. Он спокойно мог умыть руки и заявить, что семья Скрэнтон получила по заслугам. Но он поступил иначе.

Имея большое сердце, Мак умел сострадать. Он принял решение удочерить маленькую беспомощную девочку, чтобы обеспечить ее будущее.

Даже когда Изабелла оставила его, Мак сделал все, чтобы она продолжала жить так, как привыкла, ни в чем не ущемляя себя. Он не наказал ее. Он не бросился искать утешения в объятиях другой женщины. Он прекратил пить, перестал участвовать в ночных кутежах со своими беспутными друзьями, он повел себя великодушно и достойно.

Ради нее.

— Думаю, да, — прошептала она Луизе. — Люблю.

Это было опьяняющее чувство, ее любовь, и сила этого чувства пугала Изабеллу.

Глава 20

Говорят, что шотландский лорд вернулся на континент, чтобы писать картины, и ходят слухи, что его леди тоже отдыхает там. В Париже они находились в непосредственной близости друг от друга, но, похоже, друг друга не замечали.

Июнь 1881 года

За последние недели Мак почти не видел Изабеллу, потому что она была занята похоронами и присматривала за матерью. Но всякий раз, когда они встречались, Изабелла дарила ему улыбку, от которой у него трепетало сердце. И другие части тела — тоже.

Ему ужасно хотелось остановить ее, когда Изабелла целовала его в щеку, выходя из столовой, или металась по дому матери, собирая вещи, чтобы понять, почему она так довольна им, но у него самого дел было невпроворот. Большую часть времени они с Кэмероном контактировали с банкирами и инвестиционными компаниями, распутывая клубок долгов Скрэнтона, скупая их или сразу оплачивая.

Мак намеревался собрать бумаги по оплаченным долгам и устроить шоу, разорвав их в клочья перед носом леди Скрэнтон. Он надеялся, что это заставит ее улыбнуться. И возможно, Изабелла с благодарностью заключит его в страстные объятия и некоторые его мечты осуществятся. Он надеялся на это.

Ему было приятно, что Кэмерон тоже взялся помочь. Он не был замечен в снисходительности к людской глупости, но когда Мак поблагодарил его, он только сказал:

— Изабелла наша семья.

Харт тоже пустил в ход свои связи, Йен приехал сам, с Бет, конечно. Они остановились в городском доме Харта, потому что дом Изабеллы был и без того переполнен: мать с сестрой, Эйнсли с мисс Уэстлок и Мак. Тем не менее большую часть времени Харт и Бет проводили в доме Изабеллы, да и Кэмерон тоже, поэтому застать Изабеллу одну было чертовски трудно. Но Мак после трех лет одиночества был безумно рад, что дом полон людей. И Изабелла, он отметил, ни разу не предложила ему переехать в лондонский дом Харта, к Йену и Бет.

Мак не забывал и о Пейне, но этот человек словно сквозь землю провалился. Он больше не предлагал картины в магазин мистера Крейна, не приходил за деньгами, и ни Мак, ни Уэллоуз, ни другие инспекторы не видели его прячущимся где-то. Пейн не пытался отыскать Эйми, и это и радовало Мака, и одновременно было ему противно. Что же это за человек, который отказался от своего ребенка? А с другой стороны, Мак так привязался к Эйми, что был просто счастлив, что Пейн не претендует на нее.

Похороны лорда Скрэнтона прошли вполне пристойно, семья похоронила его в фамильном склепе в Кенте. Наследник, дальний кузен Изабеллы, вступил во владение имением, единственным, что осталось от бывших владений графа. Кузен, очень любезный холостяк средних лет, с удовольствием согласился, чтобы леди Скрэнтон и Луиза жили в имении столько, сколько им хочется.

Леди Скрэнтон идея понравилась. Она станет помогать управлять домом, который содержала много лет, сможет организовывать деревенские праздники и вести благотворительную работу при церкви.

Луиза восприняла это предложение не столь радостно, но Изабелла обещала, что сестра будет проводить столько времени в Килморгане и в доме самой Изабеллы, что ей не стоит опасаться, что она застрянет в деревне. А еще было решено, что Макс Изабеллой выступят в роли хозяев на первом балу Луизы, хотя всей подготовкой будет заниматься леди Скрэнтон. Дебютный бал Луизы состоится, только не этой весной, поскольку семья в трауре, а через год.

Днем после похорон, на которые приехали Харт с Дэниелом, перед Маком остановился Йен и ждал, пока тот обратит на него внимание. Таким способом Йен давал Маку понять, что хочет поговорить с ним.

Мак развернулся и пошел с братом по лужайке к дорожке, вдоль которой росли деревья.

— Ты сделал это? — спросил Йен.

Мак взглянул на брата, но тот смотрел куда-то вперед.

— Ты имеешь в виду, является ли Изабелла опять моей женой?

— Именно.

— А как ты думаешь?

— Я не знаю, поэтому и спрашиваю у тебя.

— Ты наблюдал за ней последнюю неделю. — Мак нервно потер подбородок. — И за мной тоже. Ты у нас человек проникательный. Что сам думаешь?

— Вы спите вместе?

— Иногда. Не так часто, как мне хотелось бы, но она была немного не в себе, узнав, что ее отец разорился и умер.

Йен нахмурился, и Мак мысленно отругал себя. Его брат воспринимал многое в буквальном смысле слова.

— Да, ты прав, она была не в себе, но ты должен утешать ее.

— Я утешаю. Когда она позволяет это делать.

— Так вы снова муж и жена или нет? — остановившись, раздраженно спросил Йен.

— Дорогой мой брат, я же пытаюсь тебе объяснить, что не знаю. Иногда я думаю, что да, а иногда... Я поспешил объявить об отмене нашего отдельного жительства, и, думаю, ее это испугало. Больше мне не хочется повторять эту ошибку.

Йен не мигая смотрел вперед, его взгляд был полон тревоги, хотя он ни разу не взглянул прямо на Мака.

— Ты не стараешься с полной отдачей.

— Я стараюсь, Йен. Я очень стараюсь.

— Ты не показываешь ей себя настоящего, потому что боишься попасть в глупое положение.

Это говорил человек, который только и делал, что показывал себя настоящего. Неспособный научиться хитрости или лжи, Йен говорил то, что находилось на поверхности, и ничего больше. Многих это раздражало, но Бет ухитрилась вытягивать из него точный смысл сказанного.

— Да я уже был в глупом положении, — ответил Мак. — Ты пропустил мое выступление с оркестром Армии спасения. Я играл на тарелках.

— Изабелла рассказала мне об этом. Но ты не позволил себе быть глупцом. Ты все превратил в шутку, чтобы люди смеялись, чтобы тебе не пришлось столкнуться с тем, с чем тебе не хочется сталкиваться.

— Стоп, Йен. Эта голая правда убивает меня.

— Ну вот видишь, — взгляд Йена скользнул сверху вниз по траурному костюму Мака, — ты опять пытаешься шутить.

— Чего ты хочешь, Йен? Чтобы я упал к ее ногам и показал, каким несчастным человеком я стал? Выставить напоказ все живые раны своей души?

— Да. Открой перед ней душу. Когда-то давно Харт объяснял мне, что означает эта метафора.

— Но мне кажется, Изабелла не хочет этого. Ей хочется видеть перед собой веселого и обаятельного Мака, который заставит ее смеяться и улыбаться, а не хныкающее и несчастное существо.

— Спроси у нее, — посоветовал Йен.

— Какой ты трудный человек, Йен Маккензи, — тяжело вздохнул Мак.

Йен ничего не ответил, и это могло означать, что он либо не понимает, что имел в виду Мак, либо его это не волнует. А может, и то и другое.

Они продолжили свою прогулку вдвоем и дошли до сада за домом. Среди клумб стояли Изабелла с сестрой, ее мать и Бет, которая держала Эйми. Все дамы были в черном, но Изабелла была особенно прекрасна и величественна в трауре. Одной рукой она обнимала за талию мать, другой — Луизу.

У Мака стало тепло на сердце. День был полон грусти и печали, ведь Изабелла простилась со своим отцом, но с лица леди Скрэнтон исчезли страх и тревога. Изабелла подняла глаза, увидела Мака и улыбнулась ему.

— Посмотри, — тихо сказал Мак брату, — жаль, что поводом для этого послужила трагедия, но Изабелла воссоединилась со своей семьей. Ошибки прощены. Даже если мы никогда по-настоящему не станем мужем и женой опять, для меня достаточно просто видеть ее такой, обнимающей людей, которых она любит.

Йен долго смотрел на Мака, не произнося ни слова.

— Нет, недостаточно, — вымолвил он наконец и пошел к Бет, навстречу ее сердечной улыбке.

Мак думал о словах Йена, когда поездка в Кент подошла к концу и они вернулись в Лондон. Луиза решила остаться с матерью, помочь ей успокоиться. Ей не хотелось так быстро оставлять леди Скрэнтон одну. Изабелла уже пригласила их поехать вместе с ней в Килморган на Рождество. Леди Скрэнтон поначалу отнеслась к этой идее сдержанно, но Мак превзошел сам себя и уговорил ее. Изабелла подарила ему благодарную улыбку за это.

Но Йен был прав. Мак не привык выставлять напоказ свои уязвимые места. Он считал, что уже сделал это, рассказав Изабелле об ужасном времени, пережитом в Италии, когда он решил бросить пить. Теперь он сознавал, что рассказал ей все это не только для того, чтобы снискать ее расположение, но и чтобы доказать, что к их браку он относится серьезно. На самом деле он не показал ей в полном объеме, какой развалиной был человек по имени Мак Маккензи. Если бы он сделал это, Изабелла могла бы с готовностью вдавить высокий каблук своих элегантных ботинок в ту развалину и уйти от него прочь.

В один из дней, размышляя о ее тонких лодыжках в ботинках на высоком каблуке и даже представляя ее обнаженной в одних этих ботинках, Мак смешивал краски в студии, когда услышал, как вошла Изабелла. Он оторвал взгляд от стола и почувствовал, как кольнуло сердце. Так происходило всегда, когда он видел ее. Сегодня она была в черном платье, украшенном замысловатыми петлями черной тесьмы. С этим темным фоном ярко контрастировали ее рыжие волосы и зеленые глаза.

— Мак, — резко сказала она, — ты сохранил письмо, которое я тебе отправила?

— Письмо?

Мак с трудом переключил свое внимание на краски.

— Письмо, которое я отправила тебе в ту ночь, когда ушла.

Ах, то письмо... Мак продолжал смешивать краски, чтобы скрыть нервную дрожь.

— Почему ты подумала, что я до сих пор храню его?

— Я не знаю, хранишь или нет, поэтому и спрашиваю.

— Ты говоришь совсем как Йен.

— Йен знает, как заставить людей отвечать ему.

— Все, сдаюсь. — Мак положил мастихин на стол. — Хорошо, пошли со мной.

Он повел ее в свою спальню. Это все еще была его спальня; он не спал с Изабеллой с той самой ночи, как умер ее отец.

Мак открыл шкаф и достал небольшую коробку, которую Беллами спас из полусгоревшего дома, зная, что Мак хранит в ней самые ценные вещицы на память. Он поставил коробку на пристенный столик и открыл крышку. Сильно измятое письмо лежало на самом дне, потертое от многократного прочтения. Мак извлек его и передал Изабелле:

— Кажется, это оно.

— Прочти мне его, — попросила она.

— Зачем? — Притворная веселость Мака исчезла.

— Мне хочется вспомнить, что я написала.

Какого черта ей захотелось этого? Неужели она, как Йен, требует, чтобы он распахнул свою душу? Возможно, но Мак, развернув письмо, был замкнут, как никогда.

Написанные Изабеллой слова врезались в его сердце, как выгравированные на металле тонкие линии. По сути дела, ему даже не надо было читать это письмо, потому что он помнил каждое слово. Но он послушно начал:

— *«Дорогой Мак...*

Изабелла немного сдвинулась с места, и Мак, откашлявшись, продолжил:

— *Дорогой Мак!*

Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя. Но жить с тобой я больше не могу. Я старалась быть сильной ради тебя, я старалась три года. У меня не получилось. Милый Мак, ты пытался переделать меня, и я пыталась быть такой, какой ты хотел меня видеть, но больше я не могу. Прости.

Хочу написать, что сердце мое разбивается, но это не так. Оно уже давно разбито, и я только теперь поняла, что могу оставить свою глубокую печаль позади и двигаться вперед.

Решение жить без тебя было болезненным и нелегким. Я понимаю, что за этот шаг ты можешь по закону доставить мне неприятности, но я прошу тебя, ради нашей любви, которая у нас была, не делать этого. Возможно, мне вовсе не потребуется уходить навсегда, но я знаю, что мне надо время, чтобы пожить отдельно, одной, чтобы успокоиться.

Ты объяснил, что иногда оставляешь меня ради меня самой, чтобы у меня был шанс отдохнуть от жизни с тобой. Теперь я делаю то же самое, ухожу, чтобы у нас обоих был шанс передохнуть, шанс остыть. Жить с тобой все равно что жить с метеором, который пылает так ярко, что обжигает меня. И я вижу, как метеор сгорает. Мак, я, в конце концов, боюсь, что от тебя ничего не останется.

Я знаю, ты выйдешь из себя, когда будешь это читать, потому что ты можешь сильно рассердиться! Но когда перестанешь возмущаться, поймешь, что мое решение правильное. Когда мы вместе, мы разрушаем друг друга. Когда порознь, я помню свою любовь к тебе. Но ты сжигаешь меня. Ты измучил меня, мне больше нечего тебе дать.

Йен согласился передать тебе это письмо. Он сообщит мне, какие шаги ты решил предпринять. Я верю, Йен поддержит нас в трудное время. Пожалуйста, не пытайся сам искать меня.

Я люблю тебя, Мак. Я всегда буду любить тебя.

Пожалуйста, береги себя.

Изабелла».

К концу письма Мак уже не смотрел в бумагу, он смотрел только на Изабеллу. Она отвернулась, пряча глаза под ресницами, и подошла к окну. Он смотрел на ее грациозную фигуру в черном.

За окном гроыхали по улице экипажи, свистели кучера, люди окликали друг друга. Здесь в комнате стояла тишина. Мак посмотрел на письмо и увидел те слова, которые он читал и перечитывал до тех пор, пока не выучил их наизусть все до единого, и каждое слово задевало его за живое.

— Почему ты сохранил его? — спросила Изабелла, не глядя на Мака.

— Кто ж знает? — сглотнул Мак. — Я пытался заставить себя сжечь его, но всякий раз сворачивал и клал обратно в коробку.

Изабелла повернулась и молча протянула руку за письмом. В напряженной тишине Мак отдал ей его.

Изабелла развернула письмо и пробежала по нему глазами. Дойдя до конца, она плотно сжала губы и одним резким движением разорвала его пополам. Мак даже возразить не успел, когда она быстро подошла к печке и бросила туда письмо.

Мак оказался сзади, схватил ее за запястье, но было уже поздно.

— Что ты делаешь?

— Почему ты не хочешь, чтобы я сожгла его? — удивленно посмотрела на него Изабелла.

— Потому что это письмо поведало мне о том, что ты чувствовала. Твои настоящие чувства в черно-белом цвете. Мне необходимо знать их.

— Это были мои чувства тогда. Теперь все другое.

Печь, потрескивая, проглотила последний клочок бумаги. Черт побери, это письмо было для него как якорь надежды. Оно напоминало, почему он расстался с виски и с бурной жизнью и решил исправиться.

— Я читал его для поддержки, — сказал Мак. — Самыми тяжелыми ночами, когда я испытывал непреодолимое желание выпить, чтобы ослабить страдания, я перечитывал его. Мысленно я говорил тебе, что я работаю, чтобы измениться, ради тебя. Что тебе не надо тревожиться, я не позволю себе сгореть. Я вернусь к тебе другим человеком.

— Каким образом, скажи мне, оно помогало тебе?

— Письмо удерживало меня от пьянства, любовь моя. Мне оно было необходимо.

Неужели он раскрылся? Глупый Мак, который использовал обидное письмо в качестве поддержки, чтобы пережить трудные ночи?

В нем протестовал напуганный мальчишка, которого схватили и побили, когда его отец обнаружил, что все тетради Мака испещрены рисунками вместо уроков. Ему 'запретили рисовать под угрозой нового наказания, но как Мак ни старался, остановиться уже не мог.

Он рисовал без остановки все, что видел: птиц за окном, речку, где они ловили рыбу, своих братьев, мать и даже отца. Мак оставался в тени Харта и Кэмерона, они оба были старше, оба высокие, сильные, умные. Но рисовал только он, Мак.

Старый герцог считал стремление Мака рисовать безвольным и недостойным мужчины занятием. Когда в пятнадцатилетнем возрасте Мак стал приводить женщин, его отец не

скрывал облегчения. «Я думал, с тобой что-то не так, мой мальчик. А ты верен женской плоти и прочим прелестями и дашь отпор любому, кто попытается переубедить тебя».

Старый герцог теперь не понял бы сына. Его сын так влюбился в женщину, что ради нее изменил всю свою жизнь.

«Женщины как смола, — любил говорить его отец. — Они по-своему полезны, но быстро окрутят тебя, если не проявлять осторожность. Они заманивают прелестью своих тел, потом привязывают незначительными приступами раздражения и слезами. Укладывай их в постель, получай удовольствие, женись на той, у которой достойные связи, но самое главное — они должны знать свое место».

Изабелла никогда не липла, не играла в игры со слезами и раздражительностью. Она была женщиной, а не девочкой и могла бы одним презрительным взглядом поставить его отца на колени.

«Мне нужно то письмо», — плакал внутри Мака мальчишка.

А нужно ли? Каждое слово этого проклятого письма уже оставило в его памяти неизгладимый след. И оно помогло ему, он перестал жить в безумии.

— И что же ты чувствуешь теперь? — спросил Мак.

— Три года назад я поступила резко. — Изабелла по-прежнему не смотрела на Мака. — Я устала, чувствовала себя несчастной, сердилась и боялась. Я отвернулась от тебя, потому что не могла смотреть на то, на что приходилось смотреть. Ты расстраивал меня.

— То есть я тебя расстраивал, да? — Маку хотелось засмеяться. — Какое милое слово.

— Я нужна была тебе, чтобы прощать тебя. Ты этого требовал, а у меня больше не было сил.

— Я не имел права что-то требовать от тебя. И говорил тебе об этом раньше, помнишь? Я смиренно попросил прощения и теперь все еще прошу тебя простить меня. Я говорю серьезно.

— Я знаю. — Изабелла наконец посмотрела на Мака, и в ее глазах он заметил тревогу, как будто она беспокоилась, что он не простит ее. — Я тебя простила. Мне известно все, что происходило с тобой после моего ухода. Йен сообщал мне. А когда он о чем-то говорит, можно быть уверенным, что все будет рассказано с мельчайшими подробностями.

Они улыбнулись друг другу. У Йена был такой склад ума, что он мог вспомнить список цифр спустя три месяца после того, как видел его. Он помнил каждое слово из разговора, который состоялся неделю назад, даже если у окружающих создавалось впечатление, что он не слушает.

— Итак, что мы имеем теперь? — спросил Мак. — Я ответственный и трезвый человек, который удочерил ребенка, но ты выходила замуж за запойного, беззаботного и сумасбродного хама. Понравится ли тебе когда-нибудь тот Мак Маккензи, каким я стал?

— Ты... — Изабелла потянулась к его руке. — Даже не знаю, как это выразить. Мне кажется, что только теперь ты настоящий. Ты потерял маску, под которой скрывался. Теперь ты как будто обнажен и бесстрашен.

— Я мог бы быть обнажен, если хочешь, — сжал ее пальцы Мак. — Здесь довольно тепло.

— Но есть кое-что оставшееся от прежнего Мака, что я по-прежнему люблю, — продолжала Изабелла. — Я обожаю твой юмор, твою способность нейтрализовать неприятности, высмеивая их. Мне нравится твое обаяние. Когда ты играл с оркестром на углу улицы, ты был настолько неотразим, что твои друзья выглядели полными идиотами и заставляли людей смеяться над ними. В тот вечер я гордилась, что я твоя жена.

— Я знаю. — Мак поцеловал ее пальцы. — Сержант сказала мне, что я могу присоединиться к ним в любое время. И тогда ты снова сможешь гордиться мной.

— И еще мне нравится, как все, о чем бы мы ни говорили, ты превращаешь в игру по соблазнению.

— Вот это приятно знать.

— От этого я чувствую себя желанной и любимой. — Изабелла накрыла руками его перепачканную краской руку. — Я очень хочу снова попробовать стать твоей настоящей женой.

У Мака так подпрыгнуло сердце, что он едва не задохнулся.

— Что ты хочешь этим сказать? Только скажи четко. Будь такой же точной, как Йен. Мне не нужны недоразумения. Недоразумение подарит мне надежду, а я не могу жить с фальшивой надеждой.

— Я говорю, — Изабелла коснулась пальцами его губ, заставляя замолчать, — что хочу попытаться жить с тобой как жена, посмотреть, как мы ладим. Больше никаких игр. Только жизнь.

— Попытаться. — Мак поцеловал ее пальцы. — Только попытаться? А не... «Да, Мак, отмени соглашение о раздельном жительстве, и мы будем счастливы всю жизнь?»

— Не спеши. Будем жить вместе, как муж и жена. Если мы оба действительно изменились, если сможем жить рядом друг с другом, тогда пригласим мистера Гордона и попросим решить юридические вопросы.

Одна половина Мака радовалась словам Изабеллы, а другая нервничала от нетерпения. Ему хотелось покончить с этим, решить все сразу, чтобы исчезла ноющая боль в душе и он не просыпался бы от страха, что Изабелла опять ушла от него.

А еще где-то в глубине души он мучительно сознавал свою вину. Он стал открывать ей свои уязвимые места, начав с письма, но она остановила его, не дав раскрыться до конца. Письмо — это только подводная часть айсберга. Изабелла ошибалась, он все еще прятался в своей скорлупе, а она хвалила его за это.

— Значит, ты хочешь жить вместе, как муж и жена, — озорно улыбнулся Мак, и несчастный человек в нем снова пропал. — Моя восхитительно скандальная леди. — Мак взял ее за руку и потянул к себе. — Я соглашусь на твои условия. Пока. На уме у меня было несколько другое, чем иллюзорный роман, но все равно соглашусь.

— И дальше, Мак?

— Что, мой ангел?

— Я хочу родить ребенка.

Ее слова вселили в него дополнительную надежду. После случившегося с ней несчастья Изабелла так боялась снова забеременеть, что они перестали спать в одной постели. Мак все понимал и хотел дать ей время прийти в себя, но, держась подальше друг от друга, они только добавили напряженности в их и без того уже трещавший по швам брак.

— Хорошая идея, — произнесли губы Мака, а в голове стоял ликующий звон. — Но мы уже сделали для этого кое-что. И возможно, из этого может что-то получиться.

— Когда мы были в Кенте, у меня прошли месячные, — покачала головой Изабелла.

— Ну что ж, моя дорогая, — Мак боролся с внезапным и сильным разочарованием, — просто будем стараться еще усерднее. — Он коснулся завитка волос у нее на лбу. — И чаще. Намного-намного чаще.

— Может, начнем сегодня?

— Конечно. — Его плоть под килтом уже давно была напряжена, и Изабелла должна была почувствовать это даже через многочисленные слои юбок. — Я знаю, где найти мягкую и удобную кровать. В этой комнате.

Изабелла улыбнулась, в глазах появился озорной блеск. Мак отбросил чувство вины и повел Изабеллу к широкой кровати. Сегодня она раскрыла ему собственное сердце, а переживания Мака останутся скрытыми до следующего раза.

— Прощу извинить меня, миледи, — сказала мисс Уэстлок, войдя на следующее утро в столовую.

Изабелла оторвалась от писем и удивленно приподняла брови. Обычно аккуратно причесанные волосы мисс Уэстлок сейчас были взъерошены, лицо покраснело, воротничок сбился в сторону. Мак, сидевший на другом конце стола, опустил газету:

— Что случилось?

— Как вам известно, милорд, у меня есть привычка по утрам, пока Эйми еще спит, совершать короткую прогулку по Гайд-парку.

— Ну хорошо, и что же? — нетерпеливо спросил Мак.

Мисс Уэстлок отличал стойкий характер: она вставала до рассвета, ела мало и каждый день гуляла пешком.

— Сегодня утром со мной произошло нечто странное. На одной из тропинок в мою сторону направился джентльмен, и на какое-то мгновение мне показалось, что это вы, ваша светлость.

Мак замер, а у Изабеллы участился от волнения пульс.

— И? — поторопила она мисс Уэстлок.

— Когда он подошел ближе, я увидела, что на самом деле это были не вы, ваша светлость. Этот человек очень на вас похож, только глаза другие. У него они определенно карие, тогда как у вас, ваша светлость, они по цвету больше похожи на медь. Он меня напугал.

— Что он сделал?

Изабелла с такой силой сжала салфетку, что даже через ткань почувствовала, как ногти впились в ладонь.

— Он спросил меня, в какое время я гуляю с Эйми и не позволю ли я ему поговорить с ней? Я поинтересовалась зачем, и он ответил, что он ее отец. Я, конечно, не знала, правда ли это, и посоветовала ему обратиться к вам, ваша светлость. Услышав мои слова, он пришел в ярость, заявив, что он и есть «ваша светлость» и что вы выдаете себя за него.

Мак промолчал. Изабелла видела его немигающий взгляд и пульсирующую жилку на шее. Она знала, что Мак рассердился не на шутку. Он редко бывал по-настоящему зол; да, ему нравилось пошуметь, он мог поругаться с ней, но при этом никакой ярости. Раздражение, разочарование и возбуждение, но не ярость.

А сейчас он пылал гневом. Это был опасный гнев.

— Что вы ему сказали? — спросила у мисс Уэстлок Изабелла.

— Я пожелала ему доброго утра и ушла. Он скорее всего сумасшедший, а я знаю, что с сумасшедшим человеком нельзя вступать в разговоры. Но вы не поверите! Он схватил меня за руку и пытался утащить куда-то с собой.

— С вами все в порядке? — приподнялась на стуле Изабелла. — Мы вызовем полицию.

— Нет, миледи, не беспокойтесь. Я проводила негодя несколькими крепкими ударами своего зонтика. Он поспешил уйти. Сомневаюсь, что он хотел, чтобы констебль увидел, как он пытается приставать к беспомощной женщине.

Никто, глядя на мисс Уэстлок, особенно с таким внушительным зонтиком в руках, не подумал бы о ней как о беспомощной женщине, но Изабелла была слишком взволнованна, чтобы улыбнуться в ответ на слова няни.

— Вы видели, в каком направлении он удалился? — спросила она.

— В сторону Найтбриджа, но, миледи, после этого он мог направиться куда угодно. Он мог окликнуть двухколесный экипаж и быть теперь в другой стороне города.

— Черт с ним!

От этого восклицания Мака обе женщины вздрогнули. Мак встал, опершись кулаками о стол. Ярость, горевшая в его глазах, пугала.

— Черт с ним! Мое терпение лопнуло.

Он отодвинул стул и крикнул Беллами.

— Мак, — тревожно сказала Изабелла, — куда ты собрался?

— К Уэллоузу. Я хочу, чтобы Пейна нашли и чтобы он исчез из нашей жизни.

— Может, не следует... — вскочила на ноги Изабелла.

— Я не боюсь его, Изабелла. Я пойду к Уэллоузу, и мы его найдем.

— Но если он убедил себя, что он — это ты, а ты — это он, или что он там думает, он опасен.

— Но не настолько, насколько опасен я, любовь моя, — мрачно улыбнулся ей Мак.

Изабелле хотелось сказать, чтобы он никуда не ходил, чтобы остался с ней, но у нее самой гнева было не меньше, чем у Мака. Пейна надо было остановить. Однако мысль о том, что самозванец попытается напасть на Мака, приводила ее в ужас.

— Мы с ее светлостью защитим форт, пока вы будете сражаться, — одобрительно кивнула Маку мисс Уэстлок. — Мы выпроводим этого негодяя.

Мак подошел к Изабелле и крепко поцеловал. Она почувствовала его гнев, решительность и силу. Все это она обожала. Внезапно ощущение его близости пропало, и Изабелла почувствовала струю холодного воздуха в комнате, когда Мак вышел через парадную дверь.

Глава 21

Семья Маккензи нагрянула в столицу с удивительным сообщением о том, что самый младший из них, лорд Й., женился. Художник, лорд с Маунт-стрит, на время короткого пребывания в Лондоне поселился в отеле, и его леди, которая жила в том же отеле, немедленно сменила жильё.

Август 1881 года

Мак не вернулся. Начался дождь, день угас, но Мак не вернулся к тому времени, как Мортон ударил в гонг, объявляя о начале ужина. Изабелла посидела в одиночестве в столовой, поковыряла в тарелке и почти не притронулась к еде.

Она беспокойно ходила по гостиной, наблюдая, как с приближением ночи прислуга опускает шторы. Она очень переживала, что не знает, где Мак и что он делает. Какой район Лондона они прочесывают с Уэллоузом в поисках Пейна? Нашли они его? Или с ними что-то случилось? Инспектор Уэллоуз обязательно пришлет ей весточку, если с Маком что-то случилось. Разве нет?

Часы отсчитывали мгновения вечера, переходящего в ночь: восемь, девять, десять, одиннадцать. В полночь на лестнице, сложив руки на груди, появилась Эванс. Таким способом она давала понять, что ее хозяйке давно пора в постель.

— Только после того, как я услышу что-то от Мака, — сказала Изабелла. — Только после этого.

К трем часам ночи тело Изабеллы стало ватным, хотя мысли все еще беспорядочно бродили в голове. Когда она поняла, что уже опирается на Эванс, чтобы не свалиться с ног от усталости, она уступила и позволила уложить себя в постель.

«Я усну, — утешала себя Изабелла, — а когда проснусь, Мак будет дома. Или по крайней мере пришлет записку».

Странно, размышляла она, свернувшись под одеялом, что раньше, когда Мак не возвращался домой в свое обычное время, она никогда не беспокоилась. Она была недовольна, да, но никогда серьезно не тревожилась. Она знала, что он развлекается где-то с друзьями или сбежал в Италию или куда-то еще и что он сам или Беллами пришлет ей записку.

Сегодня все было иначе. Их преследовал опасный человек, и тревога не давала Изабелле уснуть. В их с Маком отношениях появилась какая-то новая грань. Более глубокое понимание, более глубокое знание друг друга. Их новые отношения оказались неожиданными и хрупкими, и Изабелла боялась их утратить.

Нет, честно говоря, что бы там ни было между ними, она боялась потерять самого Мака. Она любит его. Потеря этого человека создаст в ее жизни такую пустоту, какую ничто не сможет заполнить.

Изабелла перекадилась на подушку, на которой Мак спал в предыдущую ночь, вдохнула оставшийся на ней его запах и уснула, мечтая, как он накроет ее своим теплым телом. Когда Изабелла проснулась, солнце стояло уже высоко и Мака по-прежнему не было.

А двенадцатью часами раньше происходило следующее, Ллойд Уэллоуз разрешил Маку участвовать с командой констеблей в поисках Пейна. Мак знал, что инспектор не хотел этого, что он предпочел бы, чтобы Мак был где-нибудь подальше, но сам он не мог этого допустить. Он не мог сидеть дома, ожидая услышать, что Уэллоуз в очередной раз потерял след Пейна. Мак хотел поймать этого мерзавца, расправиться с ним и вычеркнуть его из их жизни, чтобы знать, что Изабелла наконец в безопасности.

Предки Мака стали бы преследовать беглеца и разделались бы с ним, а после отпраздновали бы это событие обильной выпивкой, танцами и любовными утехами. Мак мог обойтись без выпивки и танцев, но он был взбешен и хотел найти этого человека. Он расправится с ним, а потом три дня без остановки будет любить Изабеллу.

Весь день он вместе с констеблями Уэллоуза прочесывал Ченсери-лейн и окрестности начиная с последнего известного местопребывания Пейна. Пейн так и не вернулся туда, но он хорошо знал этот район и вполне мог найти другое место, где можно было спрятаться.

Мак прошел по Флит-стрит и через ворота Темпл-Бара вышел на Стрэнд. Оживленная улица была запружена экипажами. Мак шел по улице, обходя людей, заграждения, фургоны, лошадей. Он поднялся по Саутгемптон-стрит, где было почти такое же интенсивное движение, и вышел к огромному рынку на Ковент-Гарден.

Пейна нигде не было. Мак подумал, как хорошо, что у него много людей, которые охраняют Изабеллу, поэтому даже если Пейн схитрит и вернется на Норт-Одли-стрит, до Изабеллы ему не добраться. У Беллами, может, и болит колено, но он умеет драться и никогда не промахивается. А еще Беллами переговорил со старыми приятелями, большинство из которых — уличные бандиты, и попросил их помочь ему с охраной дома.

Мак с констеблями продолжали обшаривать окрестности до самой темноты. Начался дождь, городские часы пробили три раза. Уэллоуз посоветовал Маку отправляться домой. Его красноречивый взгляд говорил о том, что он готов сам доставить Мака туда.

Мак отказался от услуг инспектора и остановил экипаж. Ему хотелось рассказать Изабелле, что они ничего не нашли, и потом решить, что делать дальше.

Вообще-то Маку хотелось сбросить с себя промокшую одежду и скользнуть под одеяло к Изабелле, чтобы она своим мягким телом согрела его. Проклятый Пейн, Мак не позволит этому человеку вмешиваться в его жизнь.

Пока экипаж вез его к дому, Мак погрузился в полудремотное состояние, мечтая, как будет целовать кожу Изабеллы, как ее нежные пальчики пробегутся по груди вниз, туда, где

находится символ мужского достоинства, который от одной только мысли об этом уже напрягся. Изабелла умела ласкать его, знала, как медленно подвести Мака к пику блаженства, но никогда не давала ему быстро снять напряжение. Милая, любимая женщина.

В экипаж проник шум дождя, и Мак открыл глаза. В кеб забралась темная фигура и захлопнула за собой дверцу.

Пейн!..

Мак зарычал и бросился на него, сгорая от желания вцепиться ему в горло. Прямо ему в лицо уткнулся ствол револьвера. В широко распахнутых глазах Пейна плескалась ничуть не меньшая ярость, чем у Мака.

У Мака заколотилось сердце. Пейн убьет его. Он боялся не столько за себя и даже не за безопасность Изабеллы. Она умная женщина, и Харт, Кэм, Йен и Беллами защитят ее. Мак боялся умереть, не увидев ее еще раз. Ему так хотелось увидеть ее еще раз.

— Ну вот я и нашел тебя, — сказал Пейн. — Пока ты гонялся за мной, я поймал тебя.

— Как удобно, ты сам пожаловал ко мне, — прорычал Мак.

— Держись подальше от моей жены, — заявил Пейн, и ствол револьвера еще сильнее уперся в щеку Мака.

— Только прикоснись к Изабелле, сукин сын, и я убью тебя, — гневно сказал Мак.

— Ты не в том положении, чтобы угрожать мне.

— Это не важно. Даже если ты меня убьешь, можешь быть уверен, что от Харта ты никогда не уйдешь. Он та еще одержимая личность и очень болезненно воспринимает все, что касается его невестки. Будешь молиться, чтобы я был жив, как только Харт нападет на твой след.

Пейн не проявил никаких признаков тревоги, что только подтверждало, насколько он был глуп. Харт умел быть мстительным и никогда не сдавался.

— Только скажи мне одну вещь, — начал Мак, — почему тебе хочется быть Маком Маккензи?

У Пейна сверкнули глаза, и Мак каждую секунду ожидал почувствовать, как пуля прошивает кожу.

— У Мака есть все, — ответил Пейн, — талант, друзья, семья.

— У тебя, Пейн, тоже это есть, — подчеркнул Мак. — Семья в Шеффилде. Талант. Я видел твои работы, они в самом деле хороши. Не знаю, как обстоят дела с друзьями. Придется тебе рассказать мне.

— Сэмсон Пейн не имел возможности брать уроки по изобразительному искусству. У Сэмсона не было средств, чтобы путешествовать. Сэмсон только и делает, что работает как каторжный, тогда как у лордов-белоручек есть все, что они пожелают. А я могу писать картины, как он. Я сделаю это так, что никто не сможет заметить разницу, и тогда все подумают, что это он мошенник. Сын аристократа, опустившийся до кражи работ бедного Сэмсона Пейна.

От его монотонного голоса у Мака стыла кровь.

— Ты запутался, да? Я бы дал тебе уроки, Пейн. Я бы помог тебе. Стоило тебе только попросить.

— Ты бы увидел, насколько лучше тебя я пишу маслом.

— Черт, да десятки художников делают это лучше меня. Я занимаюсь тем, что мне нравится, и мне наплевать на мой вклад в мир искусства. Именно поэтому свои картины я раздариваю друзьям, а они потакают мне, развешивая их на стены собственных домов.

— Вылезай, — сказал Пейн, который, похоже, не слушал Мака.

Мак замолчал, просчитывая шансы оттолкнуть револьвер раньше, чем Пейн сможет выстрелить. Так или иначе, Мак не собирался выпрыгивать из экипажа и дать возможность Пейну добраться до Норт-Одли-стрит и Изабеллы.

Ствол револьвера был холодным, Пейн практически гладил им Мака. Мак удивлялся, почему он больше не чувствовал страха, наверное, ярость целиком завладела его разумом.

— Если ты выстрелишь в меня, то это наделает массу шума, — спокойно заметил Мак. — Тебя схватят.

— Люди поймут, почему мне пришлось это сделать.

«Мисс Уэстлок права — этот человек сумасшедший». Мысль о том, что его ждет Изабелла и, возможно, в том халате, который облегает ее тело, как вода, разбудила в нем бесстрашного воина. Мак ткнул локтем в Пейна и успел наклониться, когда у него над ухом раздался выстрел. Преодолевая звон в голове, Мак пытался вытолкнуть Пейна. Двухколесный экипаж мотало из стороны в сторону, потому что лошади, услышав звук выстрела, понесли, и Мак, оглохнув, почти не слышал крики кучера.

Он не знал, что случилось с этим чертовым револьвером, но обезумевшего от гнева горца, который поднял в нем голову, это нисколько не волновало. Убить этого человека голыми руками будет еще приятнее.

Пейн выскользнул из рук Мака. Экипаж трянуло, дверца распахнулась, и Пейн вывалился на тротуар.

— Ну нет, чертов ублюдок, не уйдешь.

Мак выпрыгнул за ним следом.

Он дернул Пейна за пальто, но тот с силой вывернулся, метнулся перед экипажем и рванул в узкий переулочек на другой стороне улицы.

Мак помчался за ним. Лил проливной дождь, застилавший весь свет огней. Мак не имел представления, где они, но узкие улицы утонули в мусоре, и Пейн бежал по ним, ловко ориентируясь в пространстве, как будто все здесь было ему знакомо. Мак бежал быстро, потом еще быстрее, пробиваясь через лужи и горы отбросов. Дождь хлестал ему в лицо.

Пейн продолжал бежать по лабиринту переулков, этот человек был удивительно быстроногим. Они пересекли улицу пошире, заполненную экипажами, которых там для этого времени суток было очень много.

Пейн рванул еще быстрее, но у Мака хватало сил не отставать от него. После того как Пейн умрет, только тогда Мак отдохнет.

Пейн бросился в другой узкий переулок, и Мак кинулся следом за ним. Здесь было темно, стоял отвратительный запах, повсюду шмыгали крысы.

«Крысы, — мрачно подумал Мак. — Хорошая у Пейна компания».

Мак добежал до конца переулочка. Глухая стена, ни единой двери. И Пейн исчез.

Проклятие, он успел оказаться за спиной у Мака и убежал обратно по своим же следам. Мак развернулся и помчался за ним.

Блеснула вспышка света, потом раздался грохот, который проник даже в оглохшие уши Мака. Два шага, и ноги Мака больше не могли идти. Колени подогнулись против его воли, и он рухнул на тротуар.

«Что за чертовщина? Какого черта?» Мак уперся руками в холодную землю, пытаясь встать, но почувствовал, как задыхается. На боку расплзлось мокрое пятно, должно быть, он упал в лужу. Вот за это Пейну придется встретиться с Беллами. Бывший боксер, пришедший в ярость из-за испорченной одежды Мака, — зрелище не для слабонервных.

В узком переулочке эхом отдавались шаги Пейна, направлявшегося к Маку. Мак ощутил едкий запах выстрела, попытался вздохнуть поглубже, но легкие не работали. Он почему-то едва мог дышать.

А потом пришла боль. Ужасная, нарастающая боль, распространявшаяся по рукам и по ногам. «Черт возьми!»

Пейн, силуэт которого вырисовывался на фоне более освещенной улицы, начинавшейся сразу за переулочком, спрятал револьвер, подхватил Мака под мышки и потащил прочь.

— Я не знаю, где он, — в раздражении повторил инспектор Уэллоуз. — Мы искали Пейна до трех часов ночи, но так и не нашли, и лорд Мак сказал, что поедет домой, чтобы обо всем вам рассказать. Он сел в экипаж, и больше я его не видел.

Изабелла, нервно потирая руки, ходила по гостиной. Ей с большим трудом удавалось устоять на месте, пока Эванс одевала ее. Ее удерживало только то, что она не могла броситься вниз в халате. Она была хорошо воспитанная леди, дочь графа и жена аристократа. Перед посетителями она не могла появиться неодетой. Уэллоуз и Кэмерон ответили на ее отчаянные записки, приехав очень быстро.

— Он не пришел домой, — уныло обронила Изабелла. — Мортон и Беллами специально высматривали его.

Ей не хотелось озвучивать мысль, что Мак мог умереть. Если это случилось, земля перестанет вращаться. По мере нарастания страха Изабелла понимала, что любит Мака всем сердцем. Ее не волновало, захочет он жить с ней всегда, или сбежит в Париж, или будет все ночи проводить с друзьями, или весь день проведет в постели с ней. Она просто хотела, чтобы Мак был жив, оказался целым и невредимым.

— Мы ищем, — сказал Уэллоуз.

— Ищите лучше, — сцепила руки Изабелла. — Мне все равно, даже если на его поиски должны выйти все люди Скотленд-Ярда. Я хочу его найти. Мне необходимо его найти.

— Я найду его, — сказал Кэмерон.

— Я иду с тобой, — быстро отреагировала Изабелла. Заметив, как мужчины обменялись взглядами, она раздраженно махнула на них рукой и позвала Эванс, чтобы та принесла ей пальто.

— Изабелла, — шагнул к ней Кэмерон.

— Изабелла, Изабелла... Что — Изабелла? Я иду с тобой, Кэмерон Маккензи.

У Кэмерона дернулась щека, рассеченная шрамом, он пристально посмотрел на нее своими золотистыми глазами:

— Да, думаю, да.

Первой мыслью Мака, когда он очнулся, было удивление, что он до сих пор жив. Следом за ней пришло непреодолимое желание увидеть Изабеллу.

Мак приоткрыл глаза, поморщившись от яркого света газовой лампы, проникавшего сквозь ресницы. Он лежал на полу, и хотя спиной ощущал покалывание от толстого шерстяного ковра, плоская поверхность была твердой. Ужасно болел бок. Он сделал ошибку, когда попытался сдвинуться с места, и громко застонал от пронзившей его боли.

Мак запрокинул голову, пытаясь восстановить дыхание. Ему необходимо было подумать, вычислить, где он находится, решить, как выбраться отсюда.

В помещении был спертый воздух, как будто дом давно стоял нежилым. Когда глаза Мака привыкли к свету, он заметил, что комната оформлена в слишком ярких тонах. На ярко-розовых с красным стенах висели картины в золоченых рамах, которые Мак своим затуманенным взглядом пока не мог рассмотреть. На отделку комнаты ушло много денег, но душа художника сжалась от безвкусицы, царящей здесь. Деньги при отсутствии вкуса. Чудовищное преступление.

К нему понемногу возвращалась острота зрения, и Мак увидел картины.

Проклятие.

Это были картины, созданные в подражание стилю Мака Маккензи. Некоторые из них воспроизводили то, что Мак написал много-много лет назад. Многие были подделаны очень искусно, и только Мак знал, что не писал этих сюжетов. Среди прочих были полотна с видами Килморгана, Парижа и Флоренции, Рима и Венеции. Лошади Кэма, собаки семейства Маккензи смотрели на Мака со стены.

Две стены были увешаны только изображениями Изабеллы.

У Мака похолодело внутри. На всех картинах Изабелла была написана в обнаженном виде: сидящая на стуле с разведенными ногами... полулежащая на диване... выходящая из ванны... лежащая на ковре... стоящая на улице, положив руку на ствол дерева.

Мак знал, что она никогда не позировала для этих картин, она не стала бы этого делать. Да и

тело на картинах было не ее. Скорее всего это была Мирабель, мать Эйми, а потом Пейн написал голову Изабеллы. Точно так, как просила Мака сделать Изабелла, когда он работал над эротическими картинами.

Мак скверно чувствовал себя, но в то же время в нем зрела такая ярость, что от нее содрогалось все тело.

— Ты мертвец, — набрав воздуха, изо всех сил крикнул Мак. — Ты меня слышишь? Ты мертвец!

Дверь в комнату распахнулась. Мак не мог повернуть голову, чтобы посмотреть, кто пришел, но услышал шаги направляющегося к нему человека. Тот подошел и остановился рядом с Маком, это был Пейн.

Теперь, при свете лампы, Мак увидел, что он действительно похож на него, по крайней мере на первый взгляд. У Пейна были карие, глубоко посаженные глаза; волосы причесаны так, как носит Мак, но они росли у него треугольным выступом на лбу. Сейчас щеки Пейна казались впалыми, и Мак заподозрил, что предположение инспектора Уэллоуза было правильным: Пейн, когда нужно было, набивал их ватой. В данный момент он этого не сделал, и впалые щеки придавали его рту перекошенный вид.

На Пейне были килт клана Маккензи, темная рубашка идо блеска начищенные ботинки. Если увидеть его издалека или в темноте или если человек, который встретил его, никогда не видел настоящего Мака, Пейн вполне мог сойти за него.

— Ты ошибаешься, — холодно проговорил Пейн, — это я тебя убью.

— Почему же ты до сих пор этого не сделал? — рассмеялся Мак, и смех у него получился немощным и хриплым.

— Потому что мне нужно, чтобы она пришла ко мне.

У Мака застыла кровь, когда он понял, что задумал Пейн. Он вовсе не собирался убивать Мака в экипаже. Он хотел, чтобы Мак гнался за ним по задворкам Лондона до этого места. Он вел Мака, как лиса ведет охотничьих собак. Если не считать того, что лиса была теперь в своей норе, готовая уничтожить охотничью собаку, которая по глупости преследовала ее до этого места.

— Она никогда сюда не придет, — сказал Мак. У него кружилась голова, говорить было очень трудно.

— Она придет сюда, чтобы посмотреть, как ты умираешь. — Пейн опустил перед Маком на одно колено. — Я предупредил констебля, что нашел Пейна, и он умчался с этой новостью. Со мной она будет в безопасности, ее место рядом с мужем, который о ней позаботится.

— Будет она, как же, черта с два.

— Изабелла уже давно пытается уйти от тебя. Я думал, что ей это удалось, когда три года назад она тебя бросила, только нет, ты опять появился. Преследуешь ее, добиваешься ее расположения, когда она ясно дала тебе понять, что не хочет тебя. За это ты должен умереть.

Мака сковал страх, когда он понял, что Пейн давно наблюдает за Изабеллой. И никто из них не знал об этом. Он, Мак, не знал об этом. Значит, он плохо охранял ее.

— Изабелла — единственное, что меня волнует, — прохрипел Мак. — Черт, почему я спорю с тобой? Ты же сумасшедший.

— Она тебя несколько не волнует. Ты слишком любишь себя и совершенно не думаешь о том, чего хочет она, что ей нужно. Поэтому я и знаю, что ты не настоящий Мак, не ее настоящий муж. Я души в Изабелле не чаю. Я буду обеспечивать и защищать ее, любить до безумия. Я стану боготворить ее, как она того заслуживает.

— Если ты думаешь, что Изабелла хочет, чтобы перед ней преклонялись, ты ее плохо знаешь. Ей нравится собственная независимость.

— Она хочет, чтобы о ней заботились, — покачал головой Пейн, — и я буду жить, чтобы заботиться о ней. Не для того, чтобы доказать отцу, что я могу сам что-то делать, не для того, чтобы доказать Харту, что я не прожигатель жизни. Ради нее. Даже мое искусство не так важно, как она.

Боже милостивый, как это унижительно — слышать правду из уст Пейна. Да, Мак много лет отчаянно пытался заставить своего отца гордиться им, даже когда самому себе твердил, что ему это безразлично. Он жил так, будто продолжал что-то доказывать отцу, даже когда тот умер.

Мак понял, что пытался показать себя даже перед Хартом, Кэмом и Йеном. Трое братьев смогли претворить свои излюбленные идеи в практический способ зарабатывания денег, тогда как Мак посвятил себя искусству ради себя самого, как он объяснил Пейну, пока они ехали в экипаже. Ради себя самого? Теперь Мак сомневался. Может, он решил не делать попыток выставлять или продавать свои картины, потому что испугался провала?

Изабелла никогда не считала Мака бесталанным.

— Я действительно люблю ее, — спокойно сказал Мак, весь его гнев куда-то пропал.

— Тогда почему ты не остался с ней? Почему ты постоянно сбегал, оставляя ее незащищенной перед любым мужчиной, имевшим на нее виды? Поэтому я знаю, что я настоящий Мак Маккензи. Потому что я никогда бы не поступил так с Изабеллой. Я бы обращался с ней как с ангелом. Ты никогда не понимал, какая женщина была у тебя в руках.

Проклятие, этот человек гипнотизировал. Маку необходимо было сосредоточиться.

— Она никогда не придет к тебе, — повторил он. — Она поймет разницу.

Пейн проворно встал на ноги и взвел курок. «Отлично, я разозлил сумасшедшего с револьвером в руках».

— Она придет. Она придет и останется со мной, — проговорил Пейн.

«Изабелла, будь умницей, не приходи. Дай мне лучше погибнуть».

Пейн ушел, вокруг его колен колыхался килт Маккензи, У Мака затуманились глаза, и его охватило отчаяние.

Он никогда не увидит Изабеллу. Он никогда не увидит, как она наклоняется к нему и ее рыжие волосы щекочут ему лицо. Он никогда не увидит, как вспыхивают в гневе ее зеленые глаза, никогда не вдохнет запаха розового масла, которым пахнет ее кожа. Он никогда не коснется ее

гладкой и мягкой, как лепестки роз, кожи, никогда не возьмет в руки упругую округлость груди.

Сознание перенесло его на бал у лорда Аберкромби, и он снова танцевал с Изабеллой, которая была в изумительном бальном платье из голубого атласа и с желтыми розами в волосах. Ее красота резала как ножом. Изабелла разговаривала с ним спокойным, как легкое вино, голосом, и он упивался ею.

«Обнажи свою душу», — посоветовал Йен.

Он не сделал этого. Он позволил ей снова любить себя, но не раскрыл ей всего себя. Он знал это, и это знание жгло его изнутри, не давая покоя.

«Я вытащил ее из родного дома и женился на ней, потому что если бы я не сделал этого, если бы дал ей право выбора, она бы никогда меня не выбрала».

Но он изменился. Он бросил все и упрямо шел по жизни. Ради нее.

«Ради нее? — спросил ворчливый внутренний голос. — Или чтобы она сочувствовала тебе и признала твои мучения?»

Будь все проклято, он даже спор с самим собой выиграть не мог.

«Изабелла, пожалуйста, мне необходимо увидеть тебя еще раз».

Он любил решительную и наивную дебютантку, которую встретил в ту ночь на ее первом балу. Он любил молодую женщину, в которую она превратилась, довольно смелую, готовую шагать по жизни в ногу с Маком, терпеть его распутных друзей и голых натурщиц. Мак обожал хвалиться, как спокойно относится к его скандальной жизни пристойная молодая жена, но он никогда не понимал, насколько сильной была Изабелла, чтобы выносить это. Ни ее воспитание, ни образование в Академии для избранных не могли подготовить к жизни с таким человеком, как Мак, даже внушающая восхищение мисс Прингл была бы здесь бессильна. И все же Изабелла справлялась.

Мак любил ту женщину, какой стала Изабелла: ею восхищалось общество, она была способна сохранять независимость и смотреть в лицо своим соседям вопреки тому, что семья отреклась от нее, а ее брак распался. Общество не винило Изабеллу, общество винило Мака.

«Я хочу любить тебя, Изабелла. Не как прежний скандальный Мак и не как исправившийся Мак. А как тот Мак, каким я являюсь на самом деле.

Тот, который любит тебя».

...У него уже не будет шанса сказать ей об этом.

Глава 22

Появился слух о том, что шотландский лорд поселился вместе со своей леди на Норт-Одли-стрит. Дом лорда на Маунт-стрит сгорел, но свидетели говорят, что леди пригласила его к себе с распростертыми объятиями. Их видели вместе у Тауэра, и отношения между ними были самые теплые.

Сентябрь 1881 года

Время остановилось. Комната мягко плыла у него перед глазами, на него смотрели со стены яркие эротичные женщины, но не Изабелла. Художник, который жил в Маке, шептал, что картины сделаны вполне прилично. Пейн как раз был именно тем человеком, которого Мак однажды взял бы под свое крыло и помог бы достичь успеха.

«Теперь такого шанса нет», — сухо подметил Мак.

Ему казалось, что в комнате становится то темнее, то светлее, хотя газовая лампа горела с одинаковой интенсивностью. Всему причиной были его глаза. Они были словно подернуты какой-то пеленой, которая иногда куда-то пропадала. Мак не чувствовал ни ног, ни пальцев. Пейн оставил его здесь умирать.

Мак слышал, как сквозь потрескавшиеся губы пробивается его собственный голос:

*Я был в Шотландии рожден,
Я ей до гроба верен.
Но к смертному ложу теперь приведен
Любовью к И-и-за-а-белле.*

Последний раз, когда он это пел, Изабелла распахнула дверь ванной комнаты и сверлила его негодующим взглядом. От этого взгляда, который он чувствовал на своем обнаженном теле, у Мака покалывало кожу и появился глупый страх, что увиденное Изабеллу не впечатлило.

«Будет ли она по-прежнему хотеть меня? — размышлял он тогда. — Буду ли я по-прежнему тем мужчиной, который вызывает у нее восхищение? К которому ей нравится прикасаться?» Мак уже с пятнадцати лет не робел перед женщинами, но в тот момент волновался, что Изабелла усмехнется и уйдет.

«Любовью к И-и-за-а-белле».

— Мак?

«Я здесь, любовь моя. Иди ко мне, дорогая, я замерз».

— Мак? О, Мак.

Мак заставил себя открыть глаза, желая, чтобы мираж рассеялся. Он чувствовал мягкие прикосновения, вдыхал слабый запах роз. Над ним застыло ее прекрасное лицо с горящими из-под рыжих локонов глазами.

— Изабелла, — прошептал он, — люблю тебя.

— Ты истекаешь кровью. Мак, что случилось?

На мгновение у Мака потемнело в глазах, но это прошло, когда он почувствовал, как к его боку сильно прижали то ли полотенце, то ли покрывало, то ли что-то еще. Ему было ужасно больно. Но ведь это хорошо, потому что боль означает, что он все еще живой.

— Нет, — прохрипел Мак, когда в мозгу вдруг проблеснуло осознание происходящего. — Изабелла, беги! Уходи!

— Не говори глупостей. Кэм здесь. Инспектор Уэллоуз.

— А Пейн?

— Они его ищут. Мак, не засыпай, смотри на меня.

— С удовольствием. — Ему было больно улыбаться, но рядом была его прекрасная жена, ее духи перебивали тошнотворный запах крови. — Мне надо открыть свою душу, любовь моя. Ты позволишь мне открыть свою душу тебе?

— Молчи, дорогой, — наклонилась к нему Изабелла. — Мы отвезем тебя домой, и все будет хорошо.

— Нет-нет. Я лгал тебе. Я не открыл свою душу.

— Мак, — ее горячие слезы капали Маку на лицо, — пожалуйста, не умирай.

— Я из кожи вон вылезу, но не умру.

Мак слышал, что его слова звучали как невнятное мычание. Изабелла не сможет понять его. Он должен заставить ее понять его слова.

— Я не могу потерять тебя, — гладила его по волосам Изабелла, и ее прикосновения были так дороги ему. — Я не хочу жить без тебя, Мак. Я не была цельной личностью, пока не встретила тебя.

Цельная личность. Именно таким сделала его Изабелла. Она была его лучшей частью, и когда Мак потерял ее, от него ничего не осталось. Вот о чем ему пытался сказать Йен.

— Ты нужна мне, любовь моя.

Мак потянулся к ее руке и почувствовал облегчение, когда Изабелла взяла его за руку.

— Не оставляй меня, — отчаянным голосом молила она.

— Изабелла.

Мак напряженно прищурился, потому что это слово сказал не он. Его вновь захлестнула волна гнева, когда над ним нависла тень от высокой фигуры Пейна.

— Беги, — пытался сказать Мак. — Выбирайся отсюда.

— Ты ранил его. — Изабелла решительно встала на ноги, чтобы оказаться с врагом лицом к лицу. — Катись ко всем чертям!

Она набросилась на Пейна с кулаками, и в следующее мгновение тому пришлось отражать удары хрупкой женщины. Мак не знал, что ему делать: паниковать или смеяться. Изабелла была сильной, Мак знал это не понаслышке.

Но ее сил было недостаточно. Она успела вскрикнуть, прежде чем Пейн прикрыл ей рот рукой и оторвал ее от пола. Изабелла с безумными глазами отбивалась.

Весь гнев Мака сосредоточился на одном-единственном объекте. В его голове звучали призывы воинственных предков, которые торопили его захватить врага, убить его. Если бы у него в руке был клеймор, Мак отрезал бы им голову проклятого англичанина.

Впрочем, он должен обходиться тем, что имеется. Нечеловеческая сила воли подняла его на ноги. Его бил озноб, перед глазами все расплывалось, но Мак совершит этот последний рывок, чтобы спасти женщину, которую он любит. И если он умрет, значит, так тому и быть.

Зарывчав, он бросился на Пейна. Пейну пришлось отпустить Изабеллу, которая, едва не упав, не стала терять времени даром, набрала воздуха в легкие и закричала из последних сил.

Пейн развернулся и нацелил револьвер на нее.

Нет! Мак схватил его за плечо и ударил по руке так, что хватка Пейна ослабла и он уронил ствол на пол. Но Пейну быстро удалось схватить оружие снова, и он ткнул им под ребра Маку. Изабелла, видя, как они сцепились, прокричала что-то и бросилась к ним.

Ствол револьвера метнулся от Мака и нацелился на Изабеллу. Мак рванулся к ней и сбил ее на пол, когда раздался выстрел.

Мак ждал, что потеряет сознание. Или придет мучительная боль.

Но вместо этого на пол рухнул Пейн, на его лице застыло изумление. Из отверстия в середине лба текла кровь.

Что за черт?

Сквозь легкое облако дыма Мак разглядел холодные глаза инспектора Уэллоуза, который еще не опустил револьвер «веблей». За ним стоял Кэмерон, тоже с револьвером в руке. В его глазах плескался гнев, сродни тому, что чувствовал Мак.

«Прекрасный выстрел, инспектор».

Изабелла лежала на ковре, фалды ее черного платья разметались во все стороны, глаза округлились от страха. Мак пошатывался на ватных ногах.

— Мак!

Изабелла поспешно вскочила на ноги и обхватила его руками, чтобы не дать Маку упасть.

— Какого черта ты играешь в такие опасные игры, женщина? — прорычал Мак, глядя на нее гневными глазами. — Когда у человека в руках револьвер, ты должна со всех ног бежать в другую сторону. Ведь это не он, а ты могла лежать сейчас на полу мертвая.

— Мак, помолчи. — По лицу Изабеллы текли слезы. — Молчи и живи ради меня, пожалуйста.

Мак прильнул к ее теплому телу, хотя с другой стороны его поддерживала крепкая рука Кэмерона.

— Ради тебя — все, что угодно, Изабелла. Любимая. Все, что угодно. Только попроси.

— Я люблю тебя, Мак.

Мак повернул голову и поцеловал ее в щеку. Разве пахнет что-нибудь лучше, чем эта женщина, такая теплая и милая?

— Я люблю тебя, Изабелла. — Мак вздохнул. — Сейчас я, кажется, потеряю сознание.

Последнее, что он помнил, было ощущение губ Изабеллы на своих волосах и звуки ее тихого голоса, снова и снова повторяющего, что она любит его.

Три недели спустя

Изабелла в своем черном платье сидела в студии Мака, сложив руки на коленях. Рядом с ней на столике стояла ваза с желтыми розами из оранжереи. Некоторые цветы были еще в бутонах, другие полностью распустились, и еще были те, что уже начали терять свои лепестки.

Мак стоял, наполовину скрытый за большим мольбертом, из-под холста виднелись его башмаки и крепкие ноги, а над холстом — грозно нахмуренные брови и красный платок на голове. Он держал в руке палитру и, делая мазки, бросал грозные взгляды на полотно. На боку, где прошла пуля, он все еще носил повязку, но поправлялся быстро. Крепкий организм, сказал он, пожимая плечами. И в этом был весь Мак, к важным вещам он относился легко.

Изабелла, чувствовала, как немеют мышцы от долгого сидения в одной неподвижной позе, но она знала, что лучше не шевелиться. Может быть, Мак как раз сосредоточился на изгибе ее пальца, и если она пошевелится, это отвлечет его внимание. Она молча отметила, как упал лепесток с цветка.

Мак положил кисть и отступил назад. Замерев на месте, он долго изучал то, что получилось. Так долго, что Изабелла встревожилась.

— Мак, в чем дело? — вскочила она, нарушив позу, в которой сидела. — Тебе больно?

Она знала, что он не совсем здоров, хоть и делал вид, что все хорошо.

Мак не ответил, его взгляд прилип к картине. Изабелла тоже с любопытством посмотрела на картину, но ничего такого не заметила. Это была картина в духе Мака Маккензи. Приглушенные коричневые и черные тона, оживленные яркими красными и желтыми красками. Изабелла сидела с немного чопорным видом, ее медно-рыжие кудри были уложены в высокую прическу, один локон выбился и упал на щеку. Глаза искрились хорошим настроением. Картина была еще не закончена, но в ней уже чувствовалась жизнь.

вернуться

8

Обоюдоострый меч шотландских горцев.

— Прекрасная работа, — сказала Изабелла. — В чем дело? Она тебе не нравится?

— Не нравится? — Мак повернулся к ней со странным выражением в глазах. — Она чертовски хороша. Это лучшее, что мне удалось сделать.

— Что? — беззаботным голосом спросила Изабелла? — Даже лучше эротических картин?

— То было другое. А это... — указал кисточкой Мак, — это — красота.

— Я рада, что к тебе вернулось высокое мнение о себе.

Мак бросил кисточку и схватил Изабеллу за плечи, не обращая внимания, что оставляет желтые пятна на ее черном шерстяном платье. Все с тем же странным выражением глаз он пристально изучал ее.

— Любовь моя, сразу после смерти твоего отца Йен сказал, что мне необходимо открыть тебе душу. Так вот, пожалуйста, — он указал на картину, — хорошие и плохие стороны моей души. Прямо перед тобой — моя душа, которая гибнет без тебя.

Изабелла опять посмотрела на картину. Женщина на холсте, то есть она сама, снова и снова улыбалась Маку.

— Я не понимаю. Это всего лишь мой портрет.

— Всего лишь портрет, — рассмеялся Мак, но в его глазах блеснули слезы. — Это действительно всего лишь портрет. Твой. Написанный мной, где каждый мазок дышит любовью. — Мак сделал глубокий вдох. — Именно этого я не понимал раньше. Вот почему мой талант исчез, а теперь снова вернулся.

Мак выглядел таким счастливым, что Изабелле захотелось поцеловать его, но она по-прежнему ничего не понимала.

— Объясни, Мак.

— Не могу, любовь моя. Я всегда думал, что мой талант можно объяснить поразительным везением, пьяным ступором или страстью к тебе. Когда я делал эротические картины, я предположил, что они получились удачными, потому что я очень сильно хотел тебя.

— Но теперь ты понял, что желание было не таким сильным? — лукаво улыбнулась Изабелла.

— Нет, я все время хочу тебя.

Пальцы Мака скользнули к ее затылку, погладили шею, согревая и расслабляя Изабеллу.

— Ты хотел объяснить, — напомнила она ему.

— Мои способности пропали не потому, что я бросил пить, любовь моя, — улыбнулся Мак. — В этом была виновата моя собственная накопленная горечь. Теперь я это знаю. Я перестал пить и злился на тебя за то, что ты меня бросила, злился на себя за то, что сам был виноват в этом. Я похоронил свою любовь, потому что она причиняла мне страшную боль. Все, что я писал в то время, было чудовищным. Когда я решил позволить себе любить тебя, просто любить тебя, такой, какая ты есть, не обращая внимания на то, что ты обо мне думала, мои способности стали возвращаться ко мне.

Мак сделал еще один глубокий вдох. — Думаю, теперь я могу писать все, что угодно.

— В твоих доводах есть одна ошибка, — сказала Изабелла, чувствуя, как сжимается ее сердце от радости.

— Не может быть. Я говорю то, что чувствую.

— Твой талант был на высоте еще до того, как ты встретил меня, — покачала головой Изабелла. — Я видела твои картины того времени. Они великолепны, и не говори мне, что это не так.

— Думаю, что тогда я любил саму жизнь. Я был молод, освободился от власти отца и мог делать все, что мне нравится. Но потом я встретил тебя, и мой мир стал с треском рушиться.

Изабелле хотелось навсегда запечатлеть этот миг: крепкое тело Мака рядом и его глаза, наполненные любовью.

— Но почему потом мы сделали такими несчастливymi? — спросила Изабелла, адресовав этот вопрос и себе тоже.

— Ты была наивна и чиста, а я был беспутным повесой. Мне кажется, наши мучения были неизбежны.

Руки Изабеллы скользнули к его обнаженным плечам. Она чувствовала тепло его кожи, напряженную неподвижность мускулов.

— Ты представляешь себя таким плохим человеком, но на самом деле ты не такой. Ты стал заботиться обо мне с того самого вечера, как мы встретились, и никогда не переставал это делать. Ты заботишься обо всех, кого любишь.

— Но все-таки я был беспутным повесой, — с обиженным видом повторил Мак. — Я многие годы поддерживал свою сомнительную репутацию. Вспомни, как я учил тебя пить чистое виски, сидеть у меня на коленях и целовать перед друзьями. — Мак замолчал, ему было уже не до смеха. — Я хотел и тебя сделать такой же испорченной, как был сам, потому что знал, что никогда не буду достаточно хорош для тебя.

— Ты всегда был более чем хорош для меня, — ответила Изабелла, вложив в каждое слово свое сердце.

— Любимая моя, ты причиняешь мне боль. У повесы и распутника есть гордость. — Мак снял ее руки со своих плеч и удержал их в своих ладонях. — Я открываю тебе свою душу, Изабелла. Позволь мне продолжить.

— Если хочешь.

Мак сделал глубокий вдох, закрыл глаза и опустил на колени. Это движение причинило ему боль. Изабелла поняла это, почувствовав, как он сжал ее руки.

— Посмотри на меня. — Мак расправил плечи, не отпуская ее рук, поэтому получилось, что они вместе развели руки в стороны. — Что ты видишь?

— Красивого мужчину, за которого — так сложилась моя судьба — я вышла замуж, — с трепетом ответила Изабелла.

— Бесплезного мужчину. Единственное, что я умею делать, — это писать картины. Вот и все, что ты видишь у своих ног.

— Нет...

— Все именно так, Изабелла. — Голос Мака теперь звучал тверже. — Все остальное — это маски, которые я нацепил на себя, чтобы противостоять миру, который мог смять меня. Распространенное мнение, что я представитель богемы и беспутный повеса, — это фальшивка. Эту видимость я использовал, чтобы свет не увидел меня настоящего.

— Если бы я верила этому, — улыбнулась Изабелла, — я бы никогда не вышла за тебя замуж.

— Но я ведь не оставил тебе выбора, да? Ты была права, когда ушла от меня, потому что я взял то, что ты мне дала, и беззаботно отбросил в сторону. И вот теперь я здесь, нравится тебе это или нет, прошу и молю принять меня назад.

Мак отпустил ее, и его руки безвольно повисли по сторонам. В его глазах стоял непритворный страх, любовь и боль, которую Изабелла никогда не видела раньше.

— Но теперь это только твой выбор. Если не хочешь, чтобы я вернулся, я уйду. Я стану заботиться о тебе, как прежде, не требуя ничего взамен, не выказывая свою одержимость тобой.

Одержимость... Изабелла видела картины с собственным изображением в укрытии Пейна в трущобах Марилебона, на которые ей было неприятно смотреть. Теперь они были уничтожены, но написаны они были тоже из-за одержимости.

Ее взгляд скользнул к картине, которую Мак только что писал, и дальше, туда, где стояли полотна с изображенной на них Изабеллой.

Мак повернул картины к стене, чтобы слуги, зайдя сюда, случайно не увидели их.

Все они были написаны потому, что Мак любил ее. По-настоящему любил ее.

— Мак, — тихо сказала она, — мой выбор — быть с тобой.

— Нет, — Мак посмотрел на нее с таким изумлением, что у Изабеллы глаза наполнились слезами, — я заставил тебя сделать этот выбор.

— Ты никогда меня не заставлял, — улыбнулась Изабелла, чувствуя, как дрожат ее губы. — Я выбирала сама.

Она прикоснулась к лицу Мака, с любовью провела рукой по крепкому подбородку, жестким бакенбардам.

— Проклятие, — прошептал он.

— Бедный Мак, ты напрасно стоишь на коленях.

— Нет, не напрасно, моя дорогая, — вдруг лукаво улыбнулся Мак. — На этот раз я решил сделать это как следует.

Все-таки Мак был порочным, и за это Изабелла обожала его. В полуголом виде с цыганским платком на голове он пробудил в ней желание. Ей вдруг больше всего на свете захотелось упасть на него и сплестись в счастливое единое целое на полу.

— Что ты решил сделать как следует? — заставила себя спросить Изабелла.

— Ухаживать за тобой. Предполагается, что я — образцовый джентльмен, ухаживающий за леди, помнишь? Изливать свою душу в студии — это все не то.

— Мне нравится. Это прекрасно.

— Не соблазняй меня овладеть тобой, пока я не сделал все так, как следует. У нас с тобой

никогда не было так, как следует.

— Ну ладно, если тебе хочется, пусть так и будет.

— Изабелла Маккензи, — Мак снова взял ее за руки, оставаясь стоять на коленях, — я хочу спросить тебя о чем-то важном.

— Да?

У Изабеллы заколотилось сердце.

— Я попросил друзей помочь мне. Ты не подойдешь со мной к окну?

— Как скажешь.

Трудно было сохранять спокойствие, когда Мак так таинственно вел себя. Он с некоторым трудом встал, и Изабелла сделала вид, что не заметила, как он едва слышно охнул, вставая на ноги. Она прошла следом за ним к окну, где уже были открыты шторы, чтобы в студию проникал дневной свет.

Мак распахнул окно, и в комнату ворвался воздух раннего ноября. Он перегнулся через подоконник и крикнул:

— Давайте!

Грянул оркестр. Изабелла выглянула в окно и увидела небольшой оркестр Армии спасения, которым дирижировала женщина-сержант, с энтузиазмом размахивая руками. Рядом с оркестром стояли Кэм, Дэниел и друзья Мака по клубу.

В руках они что-то держали. По команде Мака они развернули и подняли транспарант, на котором было написано: «Выходи за меня замуж! Опять!»

Изабелла разразилась слезами. Повернувшись, она увидела Мака, стоявшего перед ней на одном колене и сжимавшего что-то в руке.

— В первый раз у меня не было обручального кольца, — сказал он. — И я заставил тебя надеть одно из своих, помнишь? Оно было так велико, что тебе приходилось удерживать его.

Мак открыл ладонь, на которой лежало тонкое золотое кольцо, украшенное сапфирами и одним большим бриллиантом.

— Выходи за меня замуж, Изабелла Маккензи. Сделай меня самым счастливым человеком на земле.

— Да, — прошептала Изабелла. — Да! — крикнула она, повернувшись к окну.

У собравшихся внизу это вызвало всеобщее ликование. Дэниел издавал радостные возгласы и размахивал руками, Кэм, смеясь, свернул транспарант, достал из кармана фляжку с виски и выпил за них.

Мак встал и прижал к себе Изабеллу.

— Спасибо тебе, любовь моя.

— Я люблю тебя, — призналась Изабелла.

— Теперь о ребенке, которого мы задумали, — зарылся в ее волосы Мак.

Изабелла покраснела от волнения. Она уже неделю хранила секрет, желая убедиться, что Мак полностью вылечился, прежде чем обрушить на него эту новость.

— Думаю, что больше попыток не потребуется.

Мак, хмурясь, резко отпрянул назад.

— Я не... — Он замер, на его лице не было ни тени улыбки, ни тени раздражения. — Что ты хочешь сказать?

— Именно это я и хочу сказать.

— Господи, — со слезами на глазах выдохнул Мак, и у Изабеллы тоже заблестели глаза.

Мак обхватил руками ее лицо и крепко поцеловал.

— Я скоро стану отцом! — отпустив Изабеллу и вернувшись к окну, крикнул он.

Дэниел начал приплясывать, размахивая транспарантом, как плащом матадора.

— Быстрая работа, дружище! — крикнул, приложив руки ко рту, Бертрам Кларк.

Мак захлопнул окно и многозначительно задернул шторы, хотя Изабелла все еще слышала радостные звуки медного духового оркестра.

— Я люблю тебя, Изабелла Маккензи, — объявил он, заключив ее в свои крепкие объятия. — Ты — моя жена.

Изабелла просто смотрела на него, не говоря ни слова.

Они так и не добрались до спальни. Перепачканное красками платье и килт Мака полетели в сторону, он надел кольцо на ее палец и целовал, не отрываясь от ее губ, пока не уложил на пол.

Эпилог

Лорд Роланд Ф. Маккензи и его жена объявили о том, что в предрассветные часы двадцать второго июля одна тысяча восемьсот восемьдесят второго года от Рождества Христова у них родилась дочь, Эйлин Луиза Маккензи.

Шотландия, недалеко от замка Килморган

Сентябрь 1882 года

Мак наносил краску на холст, не обращая внимания на пронзительные вопли, звучавшие вокруг него. Все его внимание было приковано к зеленым и черным теням долины, которая раскинулась до самого озера на горизонте.

Неподалеку находились его жена, младший брат и невестка, племянники и двое детей. Кто-то ловил рыбу, кто-то наблюдал, а Эйми с криками бегала вокруг. Маленький сын Йена и дочка Мака были пока в таком возрасте, что просто лежали в своих плетеных колыбельках и размахивали кулачками. Тем не менее они громко выражали свои эмоции.

На картине Мака был изображен Йен, стоящий в воде в килте и в незастегнутой рубашке, с застывшей в руках удочкой. На переднем плане — Бет с Изабеллой, сидящие на одеяле для пикника, прислонив друг к другу головы. Дэниел догонял удирающую от него Эйми, которая визжала от восторга. Все пять собак крутились рядом, с веселым лаем прыгая от женщин к Йену и Дэниелу, от Эйми к Маку.

Мак работал очень энергично, стараясь успеть поймать точные краски переменчивого шотландского неба. Наконец он удовлетворенно вздохнул, бросил кисть и потянулся.

— Боже мой, пора заканчивать, — сказала его очаровательная рыжеволосая жена.

Она сняла свой траур по отцу примерно в то же самое время, когда благополучно родился их ребенок, и сегодня была в платье цвета летнего неба. Бет, сидевшая рядом, была в ярко-розовом наряде. Они были похожи на два цветка на шотландском лугу.

— Я умираю с голоду.

— Мы ждали тебя, не завтракали, — сказала Бет и начала расставлять тарелки и чашки, которые повар из Килморгана собрал в огромную корзину для пикника. — Йен, время завтракать! — позвала она.

Йен, даже не шелохнувшись, продолжал ловить рыбу.

— Я приведу его, — сказал Мак.

Он вытащил из колыбельки Эйлин Луизу и звучно поцеловал ее. Девочка перестала визжать и взглянула на Мака.

Посадив ее на руки, Мак направился к Йену. Река в этом месте была мелководной, перекачивалась по камням и образовывала глубокие омуты, где любила прятаться рыба.

— Леди хотят позавтракать, — сказал брату Мак.

Йен не обернулся. Он не отрываясь смотрел на бурлящую воду, наблюдая, какой рисунок создает водоворот.

— Йен!

Йен оторвал взгляд от воды и переключил его на Мака. Точно на Мака, глядя ему прямо в глаза. Теперь смотреть в глаза другому человеку стало для него намного проще.

— Леди хотят позавтракать, — повторил он, подражая интонациям Мака. — Хорошо. Я тоже хочу есть. Ты слишком долго работал над картиной.

— Я хотел все правильно передать в красках, — пожал плечами Мак.

Йен смотал удочку. Он на мгновение уставился на Эйлин, потом протянул руку и осторожно пощекотал ее под подбородком. Этому он тоже научился. Эйлин застучала ножками и издала одобрителный возглас.

— Вы с Изабеллой счастливы? — спросил Йен на обратном пути.

— Ты имеешь в виду, с тех пор как мы снова стали жить вместе?

Гордон с радостью аннулировал их отдельное жительство, и Мак устроил в Килморгане праздник по этому поводу, с цветами, гостями и всем остальным, как положено.

Йен нахмурился, терпеливо выжидая, когда Мак ответит на вопрос.

— Ну ладно, ладно, мой мудрый младший брат. Да. Мы помирились. Мы счастливы. Очень счастливы, особенно в последнее время.

В каждое слово Мак вкладывал частичку своего сердца. Весь прошедший год он поочередно сходил с ума от беспокойства за Изабеллу и волновался за ребенка. Он едва не задушил Изабеллу своей чрезмерной заботой и понимал это по ее раздраженным взглядам. Но будь он трижды проклят, если бы позволил ей пережить потерю еще одного малыша. Он больше никогда не оставит ее одну.

День рождения Эйлин стал самым радостным днем в жизни Мака. Он вошел в спальню Изабеллы и увидел, как она с триумфальной улыбкой на лице держит малышку.

Маку хотелось тогда нарисовать ее такую, со струящимися по плечам огненно-рыжими косами, безмерно счастливую мать с ребенком на руках.

Изабелла была в ужасе, что предстала перед мужем в таком неприбранном виде. А для Мака она никогда еще не была так прекрасна, как в тот момент. Он осторожно взял малышку на руки и поцеловал в крохотный лобик.

— Вообще-то, — Мак едва сдерживал свое удовольствие, — сегодня утром Изабелла сказала мне, что в следующем году у нас будет второй ребенок.

Мак не смог удержаться, и на его лице расцвела улыбка. Они с Изабеллой как следует отметили эту счастливую новость.

— Значит, мне полагается поздравить тебя, да? — нарушил его мысли Йен. — Но тогда и ты должен меня поздравить.

— Правда? — удивленно поднял брови Мак. — Вы тоже?

— У Бет тоже будет ребенок, — кивнул Йен.

— Наш расчет времени безупречен, брат, — громко рассмеялся Мак и похлопал брата по плечу.

— Это всего лишь вероятность, — не меняя выражения лица, ответил Йен. — Нам доставляет удовольствие проводить время в постели с собственными женами, и мы делаем это довольно часто. Вероятность нового зачатия, учитывая время, прошедшее с момента рождения наших первых детей, высока.

— Спасибо за подробный анализ.

— Пожалуйста, — с серьезным видом ответил Йен, хотя Мак мог поклясться, что заметил в глазах брата озорные огоньки.

— Ну а что ты, Йен? Я раскрыл тебе свое сердце. Теперь — твоя очередь. Ты счастлив?

Прежде чем ответить, Йен посмотрел на Бет. В этот момент обе женщины смеялись. Изабелла запрокинула голову, открыв белоснежную шею. Скорее всего, они посмеивались над своими мужчинами. А Мак и не возражал.

Бет потеряла шляпку и закричала, когда одна из собак схватила ее в зубы и побежала прочь. Бет вскочила и помчалась за собакой.

Йен ухмыльнулся, взглянув на Мака, и его глаза засветились небывалой радостью, которой Мак никогда у него не замечал.

— Да, я счастлив, — ответил он Маку и побежал следом за женой, помогать ей спасти шляпку.

Мак, подбрасывая Эйлин на руках, подошел к одеялу и опустился рядом с Изабеллой, которая продолжала смеяться.

— Что смешного, моя дорогая?

— Горцы с их мускулистыми ногами, торчащими из-под килтов для всеобщего обозрения.

— И что же?

Мак внимательно посмотрел вниз на свои загорелые ноги.

— Мак, дорогой, Бет думает написать статью о шотландцах. На взгляд английских леди, ноги шотландских горцев слишком соблазнительны. — Изабелла послала ему страстный взгляд. — Мне нравится думать, как они переплетаются с моими ногами.

— По-моему, моя дорогая, ты ведешь себя неприлично, — сказал Мак, шутливо прикрыв уши.

— Мне бы хотелось вести себя еще неприличнее. Может быть, в следующий раз мы устроим пикник только для нас двоих?

— С удовольствием устрою это.

— Мне кажется странным, что беременность делает меня такой развращенной, — задумчиво сказала Изабелла.

Маку хотелось рассмеяться, слыша это, но от улыбки Изабеллы ему стало жарко. Она была так прекрасна сейчас, когда в ее блестящих волосах играло солнце, а глаза казались изумрудами в тени.

— Я не стану спорить с тобой.

— Хорошо. — Изабелла подарила ему озорную улыбку и потянулась к Эйлин. — Может, начнем прямо сейчас, пока все гоняются за собаками?

Мак посмотрел на Йена, который пытался убедить собаку бросить шляпку. Дэниел подбрасывал Эйми в воздух. Бет стояла в стороне, уперев руки в бока, и с нежной улыбкой наблюдала за Йеном.

Мак обнял Изабеллу одной рукой и прижался к ее губам. Между ними весело пыхтела Эйлин.

— Я люблю тебя, Мак Маккензи, — пробормотала Изабелла.

— Я тоже люблю тебя, Изабелла.

— У нас уже был скандальный брак, — поблескивая глазами, сказала Изабелла. — Может, этот нам удастся сделать еще более скандальным?

Мак улыбнулся, продолжая целовать ее, все его существо ликовало от радости.

— Ты моя очаровательная дебютантка, — низким баритоном сказал Мак. — Мы станем такими озорными, что тебе понравится. Все общество будет впадать в дикий восторг, чтобы увидеть наши экстравагантные выходки.

— С нетерпением этого жду, — с загадочной улыбкой ответила Изабелла.

mir-knigi.org